

Министерство культуры Рязанской области
ГБУК «Рязанский областной научно-методический
центр народного творчества»

ПЯТЬ ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЯЗАНО-ОКСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИТОГИ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Сборник материалов
межрегиональной научно-практической конференции**

Рязань
2023

Кудряшова, С.С., (*составитель*) «Пять лет деятельности Рязано-окского исторического сообщества. Результаты и итоги научно-просветительской деятельности». Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. – Рязань, ГБУК «РОНМЦ НТ», 2023. – 164 с., ил.

Настоящее издание представляет собой сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции «ПЯТЬ ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЯЗАНО-ОКСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА. РЕЗУЛЬТАТЫ И ИТОГИ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ», прошедшей 4 октября 2022 года в Рязанском областном научно-методическом центре народного творчества, на базе тематической выставки реконструкций украшений и одежды культуры рязано-окских могильников, приуроченной к пятилетию Рязано-исторического сообщества «Лики забытых предков. Рязано-Окская археологическая культура». В ней приняли участие археологи, антропологи, этнологи и генетики из Москвы, Тюмени, Пензы, Рязани и Рязанской области. Параллельно с очным проведением конференции была осуществлена возможность онлайн подключения.

В сборнике опубликованы материалы, представленные участниками конференции.

- © ГБУК «Рязанский областной научно-методический центр народного творчества», 2023
- © «Рязано-Окское историческое сообщество», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Программа конференции	5
Серёжин Игорь Александрович	11
ПЯТЬ ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЯЗАНО-ОКСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА. ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОСТИЖЕНИЯ И НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ.	
Веселовская Елизавета Валентиновна	14
Дзини Стефания Хохлов Никита Викторович АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРЕХ ЧЕРЕПОВ КУЛЬТУРЫ РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ.	
Радюш Олег Александрович	32
ШЛЕМЫ I-VI ВВ. Н.Э. НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСА И ЛЕСОСТЕПИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (В СВЯЗИ С НАХОДКАМИ В СРЕДНЕМ ПООЧЬЕ).	
Сахарова Оксана Михайловна	35
Лошина Юлия Владимировна Дульнева Анна Станиславовна СЛЕД ДАЛЕКИХ ПРЕДКОВ. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИННО-УГОРСКОГО КОСТЮМА НА ОСНОВЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИЙ. РИАМЗ «РЯЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ».	
Семенов Александр Сергеевич	43
Гаврилов Александр Петрович О ВОЗМОЖНЫХ ПОТОМКАХ РЯЗАНО-ОКСКОЙ КУЛЬТУРЫ И «КРИВИЧСКОМ» СЛЕДЕ	
Иванов Дмитрий Александрович	72
Буланкин Валентин Матвеевич Киселев Валентин Юрьевич МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА РЯЗАНО-ОКСКИХ ФИННОВ ИСАДЫ 1 В 2011-2012 гг.	

Стрельченко Александр Владимирович	83
К ВОПРОСУ О КОНСТРУКТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МЕЧА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА БОРОК-1/УНДРИХ.	
Мальшев Алексей Владимирович	86
ПАНОК: ОБ ОДНОМ ДРЕВНЕМОРДОВСКОМ ТИТУЛЕ.	
Гаврилов Андрей Николаевич	103
ДОСЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ РЯЗАНЩИНЫ В ФОЛЬКЛОРЕ ШИЛОВСКОГО РАЙОНА.	
Гаврилов Александр Петрович	107
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК СРЕДНЕГО ПООЧЬЯ «ТЕРЕХОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ», В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСОВ СТРАТИГРАФИИ РЯЗАНО-ОКСКОГО ОБЩЕСТВА.	
Смирнов Сергей Юрьевич	130
ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ И СТАТУСНЫХ ПРЕДМЕТОВ ВОИНОВ РЯЗАНО-ОКЦЕВ.	
Захарьяшева Марина Васильевна	149
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ «ЛИКИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ».	
Дударев Виталий Андреевич	150
ПЛАСТИНЧАТОЕ УКРАШЕНИЕ КРУГА ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ВАРВАРСКИХ ВЬЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКА. ПОИСК АНАЛОГИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.	

Межрегиональная научно-практическая конференция

**«Пять лет деятельности Рязано-окского
исторического сообщества.
Результаты и итоги
научно-просветительской деятельности»**

ПРОГРАММА

Модераторы: Кудряшова Светлана Сергеевна,
зав. отделом ГБУК «РОНМЦ НТ»;
Никитина Ольга Юрьевна,
ведущий методист ГБУК «РОНМЦ НТ»;
Кудимова Татьяна Алексеевна,
зав. отделом ГБУК «РОНМЦ НТ».

Серёжин Игорь Александрович,
*председатель Рязано-окского исторического сообще-
ства, г.Москва.*

**ПЯТЬ ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЯЗАНО-ОК-
СКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА. ИС-
СЛЕДОВАНИЯ, ДОСТИЖЕНИЯ И НАУЧНЫЕ
КОНТАКТЫ.**

Веселовская Елизавета Валентиновна,
*доктор исторических наук. Институт этнологии и
антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Лабора-
тория антропологической реконструкции, главный на-
учный сотрудник, г. Москва.*

**«АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
РЯЗАНО-ОКСКИХ МАТЕРИАЛОВ».**

Веселовская Елизавета Валентиновна,
доктор исторических наук. Институт этнологии и антропологии имени Н.Н.Миклухо-Маклая РАН;

Дзини Стефания,
исследователь Центра физической антропологии; Институт этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая, РАН.

Хохлов Никита Викторович,
Центр визуальной антропологии, Институт этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая, РАН.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРЕХ ЧЕРЕПОВ КУЛЬТУРЫ РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ.

Радюш Олег Александрович,
к.и.н., научный сотрудник отдела археологии эпохи великого переселения народов ИА РАН, г. Москва.

ШЛЕМЫ I-VI ВВ. Н.Э. НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСА И ЛЕСОСТЕПИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (В СВЯЗИ С НАХОДКАМИ В СРЕДНЕМ ПООЧЬЕ).

Кулешов Вячеслав Сергеевич
к. и. н. Тюменский государственный университет, Школа перспективных исследований; Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии.

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ В РЯЗАНСКОМ ПООЧЬЕ В I – НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ Н. Э.: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА.

Ставицкий Владимир Вячеславович,
научный сотрудник отдела археологии Пензенского государственного объединенного краеведческого музея, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и археологии ПГПУ им. В.Г.Белинского.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-ОКСКИХ ФИННОВ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

Семенов Александр Сергеевич,
Генеральный директор, Проект «ДНК-история России», Российская Федерация;

Гаврилов Александр Петрович,
профессор, Российская Академия Естествознания, РФ.
О ВОЗМОЖНЫХ ПОТОМКАХ РЯЗАНО-ОКСКОЙ КУЛЬТУРЫ И «КРИВИЧСКОМ» СЛЕДЕ.

Сахарова Оксана Михайловна,
зав. отделом декоративно-прикладного искусства;
Лошина Юлия Владимировна,
зав. сектором хранения археологических коллекций научно-фондового отдела;

Дульнева Анна Станиславовна
старший научный сотрудник научно-фондового отдела РИАМЗ «Рязанский Кремль».

СЛЕД ДАЛЕКИХ ПРЕДКОВ. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИННО-УГОРСКОГО КОСТЮМА НА ОСНОВЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИЙ РИАМЗ «РЯЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ.

Цепков Александр Иванович,
директор ООО «Рязанский археологический Центр».
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОВЫХ КНИГ ПО ИСТО-
РИИ РЯЗАНСКОГО КРАЯ.

Иванов Дмитрий Александрович,
зав. сектором «Поле Вожской битвы» ФГБУК «РИАМЗ»;
Буланкин Валентин Матвеевич, *археолог;*
Киселев Валентин Юрьевич,
старший лаборант отдела средневековой археологии
Института археологии РАН.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕН-
ЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА РЯЗАНО-ОКСКИХ
ФИННОВ ИСАДЫ 1 В 2011-2012 ГГ.

Белоусов Юрий Алексеевич,
Сергиев Посад, заслуженный тренер России, Предсе-
датель творческого совета по легендам и сказам народов
России при Союзе спасателей России, руководитель
Межрегионального культурно-исторического проекта
«Сердце Мещеры».

ДОКЛАД «СЕРДЦЕ МЕЩЕРЫ».

Стрельченко Александр Владимирович,
Научно-исследовательский центр «Военная археоло-
гия» (Москва–Тула).

К ВОПРОСУ О КОНСТРУКТИВНЫХ ОСО-
БЕННОСТЯХ МЕЧА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ МО-
ГИЛЬНИКА БОРОК-1/УНДРИХ.

Мальшев Алексей Владимирович,
руководитель отдела этнологии МРОО «Межрегио-
нальной общественной организации «Историческое со-
знание».

ПАНОК: ОБ ОДНОМ ДРЕВНЕМОРДОВСКОМ
ТИТУЛЕ.

Гаврилов Александр Петрович,
заведующий краеведческим отделом Шиловского ис-
торико-культурного комплекса, профессор РАЕ А.П. Гав-
рилов. (museum01@mai.ru).

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК СРЕД-
НЕГО ПООЧЬЯ «ТЕРЕХОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ»,
В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСОВ СТРАТИГРАФИИ РЯ-
ЗАНО-ОКСКОГО ОБЩЕСТВА.

Гаврилов Андрей Николаевич,
заведующий этнологическим отделом Шиловского ис-
торико-культурного комплекса.

ДОСЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ РЯЗАН-
ЩИНЫ В ФОЛЬКЛОРЕ ШИЛОВСКОГО РАЙ-
ОНА.

Гаврилов Александр Петрович,
заведующий краеведческим отделом Шиловского ис-
торико-культурного комплекса.

РЯЗАНО-ОКСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ИМПУЛЬС
В I ТЫС.Н.Э.

Смирнов Сергей Юрьевич,

краевед, Рязань.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ
И СТАТУСНЫХ ПРЕДМЕТОВ ВОИНОВ РЯ-
ЗАНО–ОКЦЕВ.**

Захарьяшева Марина Васильевна,

*директор МБУ ДО Сапожковская ДШИ, Рязанская
область.*

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ «ЛИКИ ЗАБЫ-
ТЫХ ПРЕДКОВ».**

Дударев Виталий Андреевич,

*ГБУК г. Москвы «ОКЦ ЮВАО», Москва, Российская
Федерация*

**ПЛАСТИНЧАТОЕ УКРАШЕНИЕ КРУГА ВОС-
ТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ВАРВАРСКИХ ВЫЕМЧА-
ТЫХ ЭМАЛЕЙ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКА.
ПОИСК АНАЛОГИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.**

**ПЯТЬ ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЯЗАНО-ОКСКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА. ИССЛЕДОВАНИЯ,
ДОСТИЖЕНИЯ И НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ**

Серёжин Игорь Александрович,

*председатель Рязано-окского исторического
сообщества, Москва*

Пять лет назад на конференции в Шиловском краеведческом музее было принято решение создать Рязано-окское историческое сообщество. Какие цели мы перед собой ставили в тот момент? В первую очередь, это объединить всех людей, неравнодушных к древнейшей истории Рязанской земли и своей исследовательской работой донести до обычных людей уникальную историю и культуру Рязанщины, которая неразрывно связана с историей центрально-европейской части нашей страны. Основные наши направления: история, археология, этнография и этнология. Наша работа не была бы возможна без тесного взаимодействия с Шиловским музейным комплексом Рязанской области и его основателями: Гавриловыми Андреем Николаевичем и Александром Петровичем. Основой для нашей исследовательской работы стала Рязано-окская археологическая культура, которая более пятисот лет (с 2 века н.э. до середины 7 века н.э.) доминировала над центрально-европейской частью страны с центром на Рязанской земле и неразрывно была связана с западной и восточной культурами. Это культура, которая в

значительной мере повлияла на формирование таких этносов, как мещера, мурома, эрзя, мокша, марийцы и др. Эту культуру не относят к так называемой «славянской» культуре и, видимо, поэтому научный мир не уделяет ей достаточного внимания.

Ежегодно, совместно с работниками Шиловского музейного комплекса мы выезжаем в этнографические экспедиции. Итогом такой работы стал выпуск около тридцати книг по этнографии и этнологии Рязанской земли. А уж наш цикл книг «Мещёрские сказы», который насчитывает уже 11 книг, полюбился читателю и многие ждут выхода новых книг.

За эти годы нам удалось установить устойчивую связь с ведущими археологами по нашей археологической культуре из ГИМа, института археологии РАН, Эрмитажа, Пензенского университета и др. А уж как мы радуемся, когда в свет выходит новая научная статья Гаврилова Александра Петровича, понимая, что в этой работе есть крупица и нашей работы.

Уже более двух лет продолжается наша работа с антропологами из института этнологии и антропологии РАН. Работы возглавляет профессор, доктор исторических наук Веселовская Елизавета Валентиновна. На первом этапе нам удалось сделать графическую и архитектурную реконструкцию статусного воина рязано-окской культуры 5 века н.э. по черепу. Но работа не прекращается и в конце года выйдет большая научная работа в виде иллюстрированной книги и добавятся еще реконструкции по черепу представителей рязано-окской культуры.

В ближайшее время ждем результаты генетических исследований представителей рязано-окской культуры из института общей генетики РАН. Работы выполняются под

руководством профессора, доктора биологических наук Балановской Елены Владимировны.

Одним из новых наших направлений исследовательской работы стало изучение взаимодействия рязано-окской культуры с окружающими их представителями городецкой, дьяковской и мощинской культурами. Если на сегодняшний день изучению городецкой культуры не уделяется достойного внимания, то дьяковской культурой занимаются многие научные организации. Большую помощь и поддержку в этом направлении нам оказывают археологи Вишневский Владимир Игоревич (г. Сергиев Посад) и Тавлинцева Екатерина Юрьевна (Музей Москвы).

Длительное время уже работает наш проект «Лики забытых предков». В рамках этого проекта наша выставка с реконструкциями женской одежды и украшений представителей рязано-окской культуры, а также фото и видеоматериалами уже побывала в нескольких городах и областях. В настоящий момент к проекту присоединились художники из Рязани и Рязанской области.

Очень хочется поблагодарить за активную работу в нашем сообществе Наталью Гинтаре (г. Рязань), Ольгу Клепикову (г. Рязань), Алексея Малышева (Нижегородская область), Николая Безбородко (г. Москва), Дмитрия Янькова (г. Москва), Елену Соловьеву (г. Рязань), Марину Захарьящеву (Рязанская обл.), Хавронию Сергея Викторовича (Рязанская обл.), Сергея Антошина (респ. Дагестан), Елену и Сергея Конон (г. Москва) и многих, многих других.

Особо хочется поблагодарить и поклониться до земли нашим вдохновителям и наставникам Гаврилову Андрею Николаевичу и Гаврилову Александру Петровичу.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРЕХ ЧЕРЕПОВ КУЛЬТУРЫ РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Веселовская Елизавета Валентиновна,
*доктор исторических наук, Институт этнологии
и антропологии имени Н.Н.Миклухо-Маклая РАН*

Дзини Стефания,
исследователь Центра физической антропологии

Хохлов Никита Викторович,
*Центр визуальной антропологии,
Институт этнологии и антропологии
имени Миклухо-Маклая, РАН*

Статья посвящена изучению трех уникальных погребений раннесредневековой культуры Рязано-окских могильников. Уникальность материалов объясняется крайне плохой сохранностью костей в погребениях этой культуры – это, во-первых. Три анализируемых погребения, по сути, единственные, где сохранились неразрушенные черепа. Это позволило провести детальное краниологическое исследование и восстановить прижизненный внешний облик погребенных методом антропологической реконструкции М.М. Герасимова. А во-вторых, каждый из исследованных персонажей по-своему уникален. Одно погребение принадлежало воину высшего сословия (мог. Ундрих 2015, яма 90). Его череп имеет самую лучшую сохранность. Другое мужское погребение принадлежало жрецу (мог. Борок 2, погр. 513). Он был захоронен в берестяной маске, а среди артефактов погребения присутствовали женские украшения. В третьей могиле была захоронена женщина, судя по богатому инвентарю, занимавшая высокий уровень в иерархии и пользовавшаяся почитанием соплеменников (мог. Борок 2, погр. 73).

Исследование включало применение новых технологий в антропологии. Это 3Д реставрация черепов, 3Д реконструкция внешнего облика, применение УФ облучения для извлечения дополнительной информации, недоступной другим методам изучения материала.

Реконструкция внешнего облика представителей культуры Рязано-окских могильников

Реконструкция внешнего облика, выполненная в графике и скульптуре, дает представление об особенностях антропологического типа погребенных. На основе черепа из ямы 90 мог. Ундрих 2011 был выполнен, как плоскостной портрет, так и скульптурный. Реконструкция по черепу жреца из погр. 513, мог. Борок 2 в настоящее время находится в работе. Она будет выполнена новым методом на основе объемного сканирования черепа и построения 3D реконструкции на компьютере. Реконструкция женщины из погр. 73 могильника Борок 2 выполнена в виде графического плоскостного портрета карандашом.

Метод восстановления внешности на основе черепа был разработан российским антропологом М.М. Герасимовым, что нашло отражение в его знаменитых фундаментальных трудах (*Герасимов* 1949, 1955). Метод постоянно используется в палеоантропологии для реконструкции внешнего облика представителей древних популяций. Многие сделано современными учеными для совершенствования приемов восстановления прижизненных особенностей головы на основе черепа. В Лаборатории антропологической реконструкции ЦФА ИЭА РАН после многолетних исследований создана и апробирована программа «Алгоритм внешности», обобщающая опыт

российской школы антропологической реконструкции и включающая основные достижения зарубежных специалистов (Веселовская 2018). Современные реконструкции, выполненные с применением этой программы, отличаются большой достоверностью и точной передачей деталей, индивидуализирующих внешность.

Работа над восстановлением облика начинается с подробного изучения черепа. Проводят измерения, фиксируют описательные признаки и индивидуальные особенности. Затем с применением программы «Алгоритм внешности» рассчитывают прижизненные параметры на основе измерений черепа, оценивают пропорции головы, реконструируют качественные характеристики (Веселовская 2018). В таблице 1 суммированы прижизненные размеры изученных индивидов, полученные путем прибавления толщины мягких тканей в соответствующих точках и путем расчёта по уравнениям регрессии. Поскольку черепа из мог. Борок 2 были без нижних челюстей, то эти кости достраивались в соответствии с морфологией верхних челюстей, поэтому в таблице размеры нижней челюсти для двоих индивидов не присутствуют.

Графическая реконструкция опирается на предварительную большую работу по построению прижизненных контуров головы на обводе черепа, сделанном на специальном приборе диоптографе. Этот этап работы называется контурной реконструкцией. Глядя на контурные реконструкции, легко видеть, как происходит это построение, какую толщину тканей следует добавлять в различных участках черепа при работе над созданием контура головы. Существуют особые рекомендации для построения профиля спинки носа по контуру грушевидного отверстия, восстановления глазной и ротовой областей лица (Лебединская 1989; Рассказова и др. 2020).

Таблица 1. Индивидуальные прижизненные характеристики индивидов, рассчитанные по черепам

Признак	Размер в мм		
	Ундрих	Борок 2, муж	Борок 2, жен
Продольный диаметр	213	212	188
Поперечный диаметр	151	147	137
Ширина лба	132	115	117
Наименьшая ширина лба	106	103	99
Ширина лица на уровне глаз	121	117	111
Длина глазной щели	26	26	27
Скуловой диаметр	146	137	127
Ширина переносья	15.5	16	15
Ширина спинки носа	24.5	25	20
Ширина носа	32	34	30
Расстояние между носогубными складками	48.7	51	43,5
Ширина рта	56.5	56,5	53
Ширина подбородка	59.5	-	-
Угловая ширина нижней челюсти	110	-	-
Физиономическая высота лица	193,7	194,5?	180?
Морфологическая высота лица от нижнего края бровей	134	135?	126?
Высота лба tr – нижний край бровей	60	59,5	54
Высота глазной щели	10	10	10,2
Высота носа от нижнего края бровей	63	64	58
Высота крыла носа	Пр.17.5 Лев. 20	17	15
Высота верхней губы	17	15	16
Высота нижней челюсти	50	-	-
Высота подбородка sm-gn	27	-	-
Высота уха	64	63	57
Ширина уха	38	38	34,5

На рисунках с 1 по 4 представлены контурные реконструкции, выполненные по двум черепам в профиль и

фас: по черепу воина из мог. Ундрих (рис. 1, 2) и по черепу женщины из мог. Борок 2 (рис. 3, 4).

При переходе к собственно графической реконструкции следует сначала наметить отдельные визуальные плоскости – участки лица, по-разному отражающие направленный свет, которые должны быть выделены разными типами штриховки. Главное, чтобы эти участки соответствовали именно данному конкретному лицу. Определять плоскости надо с учетом рельефа черепа и строения его отдельных частей. Графические реконструкции также показывают внешность погребенных в сочетании с археологическими деталями: одеждой, украшениями, головным убором и в характерном для тех времен обличье в отношении растительности на лице, прически. Окончательные варианты графических портретов, выполненных по черепам воина из мог. Ундрих и женщины из мог. Борок даны на рисунках 5-8 (Рис. 5-8). По поводу реконструкции по женскому черепу из мог. Борок 2 следует отметить следующее. Отсутствующая нижняя челюсть была смоделирована в соответствии со строением зубной дуги верхней челюсти, но все же реконструкцию нижней части лица следует считать условной. В целом особенности облика можно свести к следующим чертам. Голова некрупная, вытянутая в лобно-затылочном направлении. Лицо очень небольшое, узкое и низкое. Нос выступает значительно, основание носа приподнятое.

Следующим этапом работы над созданием облика воина культуры Рязано-окских могильников было создание объемного скульптурного портрета. Для этого используют специальный твердый скульптурный пластилин, нарезанный пластинами разной толщины. В первую очередь формируют жевательные мышцы, затем по всей

поверхности свода черепа наносят полосы из пластилина толщиной от 5 до 10 мм в зависимости от конкретной области. На лице выставляют метки, соответствующие толщине тканей на данном участке. Построение носа и глаз проводят по методикам, разработанным в Лаборатории антропологической реконструкции. Обязательно учитывают все прижизненные размеры, полученные на основе этого черепа. На рисунке 9 представлен этап работы над скульптурной реконструкцией, а на рис. 10 окончательный портрет в пластилине, на котором хорошо видны все особенности антропологического типа и индивидуальные черты внешности. С помощью программы *Словесный портрет* проведено описание внешнего облика. По абсолютным размерам лицо узкое и высокое. Нос узкий средней высоты.

Далее представляем описание пропорций лица, основанное на расчете индексов (относительных размеров) и качественных признаков внешности.

Головной указатель 70,1, очень низкий, выраженная долихокрания, голова в лобно-затылочном направлении очень длинная. Мозговой отдел узкий и высокий. Форма головы в профиль яйцевидная, с выступающим затылком. Форма лица анфас овальная. Вертикальная профилировка носовая. Горизонтальная профилировка значительная. Относительная ширина лица малая, ухо некрупных размеров, гармоничных пропорций.

Направление лба вертикальное, линия лба волнистая из-за выраженного надбровного рельефа. Контур бровей ломаный. Лобные бугры выражены в средней степени. Рельеф в области надбровья и глабеллы значительно развит. Относительные ширина и высота лба попадают в категорию средних.

Скулы выглядят выступающими. Отмечается асимметрия носовой области: левое крыло носа расположено выше правого. Нос узкий, по высоте средний, выступает значительно. Спинка носа в профиль прямая с едва заметной горбинкой. Переносье средней глубины, узкое, а спинка носа достаточно широкая, что создает своеобразную форму спинки в анфас.

Глазное яблоко не выпуклое. Глазная щель в высоту и длину небольшая.

Верхняя губа низкая, ротовая щель средней ширины. Размеры нижней челюсти и подбородка средние, несколько сдвинуты в область низких значений.

Благодаря выполненным реконструкциям теперь мы можем представить, как выглядели представители культуры Рязано-окских могильников.

Исследование краниологического материала путем УФ-облучения

Исследование женского и мужских черепов из Рязано-Окских могильников Ундрихи Борок 2, расположенных в Шиловском районе Рязанской области (датировка V-VI вв. н.э.) проводилось методом УФ-облучения, разработанным авторами настоящей публикации Н.В. Хохловым и С. Дзини. Суть метода заключается в облучении костных останков ультрафиолетом в ближнем диапазоне длин волн 300-400 нм. (ближний, мягкий ультрафиолет, УФ-А лучи (UVA, 315—400 нм.)) (Рябцев, 1998).

Выбор этого диапазона стал не случайным. Его часто называют «чёрным светом», так как он не распознаётся человеческим глазом, но при отражении от некоторых материалов спектр переходит в область видимого излучения вследствие явления фотолюминесценции.

В качестве фиксирующего устройства применялся фотоаппарат с удаленным «Hot-Mirror» фильтром, вместо которого было установлено кварцевое стекло той же толщины, что и убранный фильтр. Стекло служит для правильной фокусировки камеры, а также для неизменности фокусного расстояния. Также был применен фильтр Вуда для выделения определенной длины волны ультрафиолетового излучения и отсекающего видимого диапазона спектра.

Стекло Вуда представляет собой натриево-бариевое силикатное стекло, которое содержит около 9% оксида никеля, иногда – оксид кобальта. Оно хорошо поглощает видимые лучи, чуть хуже поглощает инфракрасные, но пропускает ультрафиолетовые. Освещение проводилось с помощью светодиодных сборок ультрафиолетового излучения с диапазонами длин волн от 405-315 нм.

Женский череп

Череп женщины из мог. Борок 2 при облучении ультрафиолетом с длиной волны 385-405 нм. демонстрировал флюоресценцию атомарного трехвалентного железа (железа входящего в состав гемоглобина). Его спектр представлен на рисунке 11. (рис. 11). Равномерность распределения атомарного трехвалентного железа по всей плоскости черепной коробки, говорит о захоронении данного индивидуума в холодное время года, поздняя осень, зима. Поскольку при разложении мягких тканей происходит их стекание вниз под действием силы тяжести, то на костных останках снизу – в данном случае на черепе, образуется характерный участок с плотной концентрацией атомарного трехвалентного железа – которое, как правило, имеет фиолетовый цвет при облучении данным диапазоном

ультрафиолета. Это дает возможность определить положение трупа при захоронении. (Рис.12)

Гемоглобин при нормальном функционировании может находиться в одной из трех форм: феррогемоглобин (обычно называемый дезоксигемоглобином или просто гемоглобином), оксигемоглобин и ферригемоглобин (называемый также метгемоглобином). В феррогемоглобине железо находится в закисной форме Fe(II), одна из двух связей, перпендикулярных к плоскости порфиринового кольца, направлена к атому азота гистидинового остатка, а вторая связь свободна. Кроме этого гистидинового остатка, называемого проксимальным (соседним), по другую сторону порфиринового кольца и на большем расстоянии от него находится другой гистидиновый остаток – дистальный гистидин, не связанный непосредственно с атомом железа. Взаимодействие молекулярного кислорода со свободным гемом приводит к необратимому окислению атома железа гема [Fe(II) → Fe(III); гем → гемин]. (Источник <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=820733>)

Второй метод заключался во взятии соскоба с участков, имеющих фиолетовую флюоресценцию в диапазоне 385-405 нм. светового излучения и растворении его в растворителе, в качестве которого выступала дистиллированная вода. Далее образец помещался в спектрофотометр для измерения спектра поглощения на всем диапазоне частот. Как мы видим из графика [Рис.13] частотная характеристика соответствует спектру поглощения железа входящего в гемоглобин. Пик поглощения находится на частоте 414 нм.

Сульфгемоглобин-метгемоглобин, образующийся в результате взаимодействия гемоглобина с сульфидами или

сероводородом, поступавшими извне или образовавшимися в тканях и полостях (напр., трупа), представляет собой зеленоватый пигмент.

При облучении ультрафиолетом с длиной волны 350-370 нм., в районе левой глазницы наблюдается участок костной ткани с сильным выраженным цветовым изменением, имеющим темно фиолетовый, практически черный цвет. В ультрафиолете виден участок поглощения спектра на частоте в диапазоне 365 нм. (рис.14, 15). Над надбровной дугой левой части наблюдается частично флюоресцирующая борозда. Эти данные могут говорить о травме не совместимой с жизнью (сепсис). Слабое свечение этой борозды, позволяет предположить, что женщина могла прожить с этой травмой примерно 3-5 дней (частичное образование коллагена). Травма пришлась на левый глаз. Удар был нанесен снизу тупым предметом, скорее всего обухом топора.

Мужской череп Борок 2

Облучение ультрафиолетом с длиной волны 385-405 нм. черепа мужчины позволяет предположить положение трупа в могильной яме. Концентрация атомарного трехвалентного железа в большей концентрации находится на левой части черепной коробки. Но ее концентрация в отличии от правой не велика. Скорее всего, умершего хоронили в весенний период, когда еще стояли заморозки и оттаивание грунта происходило волнообразно. (рисунок 16)

Облучение длиной волны 350-370 нм. выявляет флюоресцирующую голубым цветом борозду, находящуюся слева в верхней части теменной кости. (рисунок 17), это может свидетельствовать о прижизненной травме. В нижней части затылочной кости, также слева, прослеживается

участок с незначительной флюоресценцией голубого оттенка, предположительно застарелая прижизненная травма, возможно полученная в юности. Оба участка представлены крупными фрагментами на рисунке 17.

Мужской череп Ундрих

Также как и все предыдущие черепа, этот череп имеет наибольшую концентрацию атомарного железа с левой стороны. Его распределение по поверхности черепной коробки носит локальный характер. Небольшие участки наблюдаются на височной, затылочной и теменной костях. В основном в нижних частях этих костей. (рисунок 18). Это может говорить, что данный индивидуум был захоронен в летнее время. Положение черепа в могиле на левой стороне.

При облучении частотным диапазоном 350-370 нм., флюоресцирующих участков не наблюдалось.

Гемоглобин в процессе разложения тканей и окисления продуктами распада (сероводород, кислород) переходит в сульфгемоглобин. В сульфгемоглобине атом серы препятствует связыванию железа с кислородом. А поскольку именно кислородно-железные связи придают крови красный цвет, с сульфгемоглобином кровь окрашивается в темно-синий, фиолетовый, зеленый или черный цвета.

Флюоресцирующий налет фиолетового цвета, был исследован двумя методами. Первый метод основан на идентификации крови, суть которого заключается в обработке предполагаемых мест наличия ее следов специальным составом – люминолом. Это органическое соединение способно вступать в реакцию с гемоглобином (с железом входящим в гемоглобин), которая и приводит к флюоресценции голубого оттенка. Именно поэтому

кровь, обработанная таким составом, светится в ультрафиолете. Стоит отметить, что данный метод обеспечивает возможность обнаружить даже самые незначительные по размеру и замытые чистящими средствами следы крови, поскольку полностью стереть их практически невозможно.

При обработке участка черепа содержащего фиолетовый налет раствором 1% люминола, проявилась флюоресценция голубого оттенка, что говорит о наличии скопления остатков железа, входящего в гемоглобин, и подтверждает наши предположения (Рис. 19).

Здесь представлены предварительные данные, которые требуют проверки и дальнейших исследований. Важно, что применение УФ облучения позволяет получить дополнительную информацию по костным останкам.

Благодарности: Работа выполнена по плану НИР ИЭА РАН с привлечением материалов Центра коллективного пользования «Фонд палеоантропологических материалов ИЭА РАН»

Литература

Балуева Т.С., Веселовская Е.В. Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 1. С.143–150.

Веселовская Е. В. «Алгоритм внешности» – комплексная программа антропологической реконструкции. Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2018. (2). 38-54.

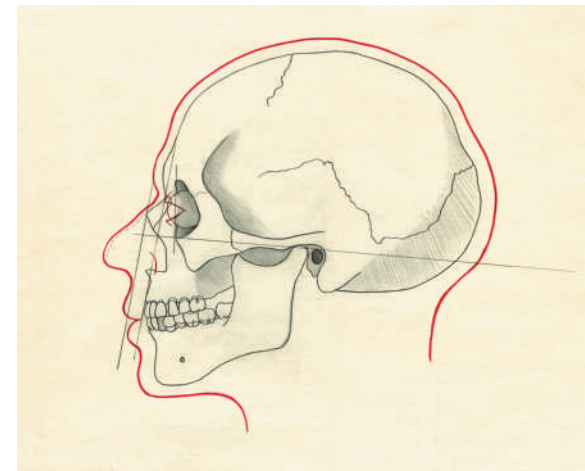
Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // Труды Института этнографии АН СССР. Нов. серия. М., 1955. Т. XXVIII. 585 с.

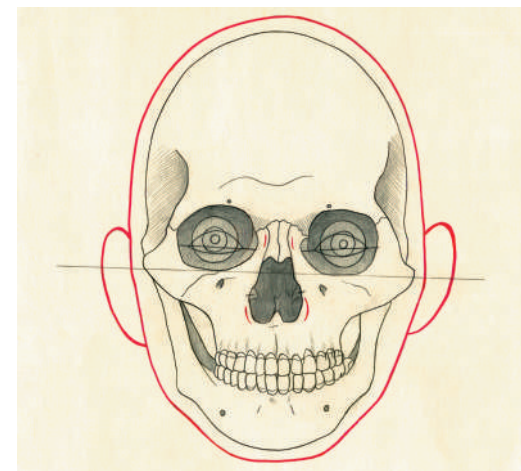
Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). М.: Старый сад, 1998. 125 с.

Рассказова А.В., Веселовская Е.В., Пеленицына Ю.В. Краниофациальные соотношения среднего этажа лица по материалам компьютерных томограмм. Вестник Московского университета. Серия XXIII. АНТРОПОЛОГИЯ. 2020. № 4. С. 66-78. DOI: 10.32521/2074-8132.2020.4.066-078

Рябцев А. Н. Ультрафиолетовое излучение // Физическая энциклопедия / Гл. Ред. А. М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – Т. 5. – С. 221. – 760 с. – ISBN 5-85270-101-7.

Рис. 1. Контурная реконструкция по черепу воина из мог. Ундрих 2015, яма 90. Профиль. Авторы: О.И. Алехина, Е.В. Веселовская

Рис. 2. Контурная реконструкция по черепу воина из мог. Ундрих 2015, яма 90. Фас. Авторы: О.И. Алехина, Е.В. Веселовская

Графическая реконструкция по черепу
 мужчины из Сабратинского мог.
 Шлиссельбургский р-н, Раздольное о-во, постр. I
 материалы А.В. Гаврилова
 Авторы: Веселовская Е.В., Алехина О.И.

Рис.5. Графическая реконструкция по черепу
 из мог. Ундрих 2015, яма 90. Профиль.
 Автор: О.И. Алехина

Рис. 9. Этап работы над скульптурной реконструкцией
 по черепу воина из мог. Ундрих 2015, яма 90.
 Авторы: Е.В. Веселовская, О.И. Алехина

Рис. 10. Скульптурная реконструкция по черепу воина
 из мог. Ундрих 2015, яма 90. Пластлин.
 Авторы: Е.В. Веселовская, О.И. Алехина

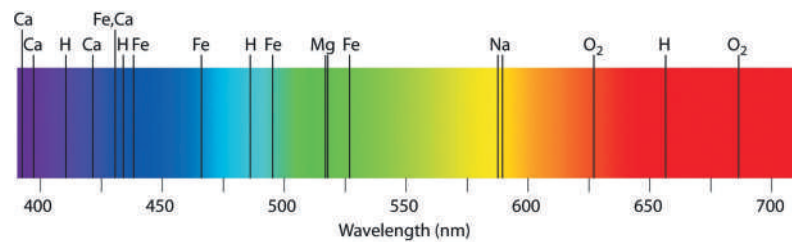

Рис. 11. Спектр флюоресценции разных металлов, в т.ч. атомарного трехвалентного железа

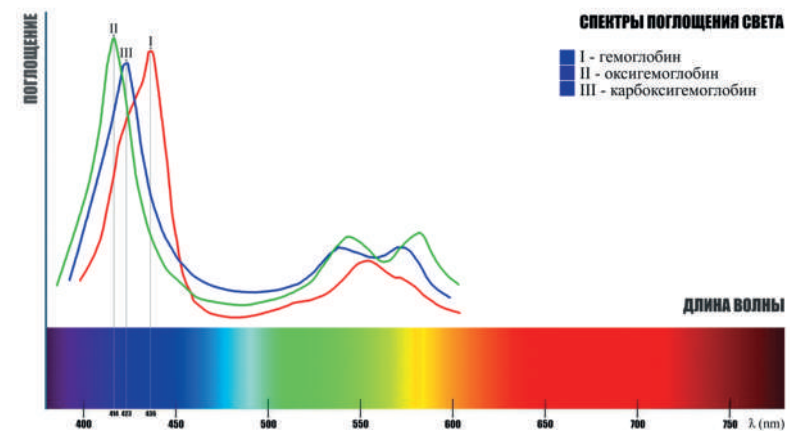

Рис. 13. Флюоресценция голубого оттенка после обработки черепа 1% раствором люминола

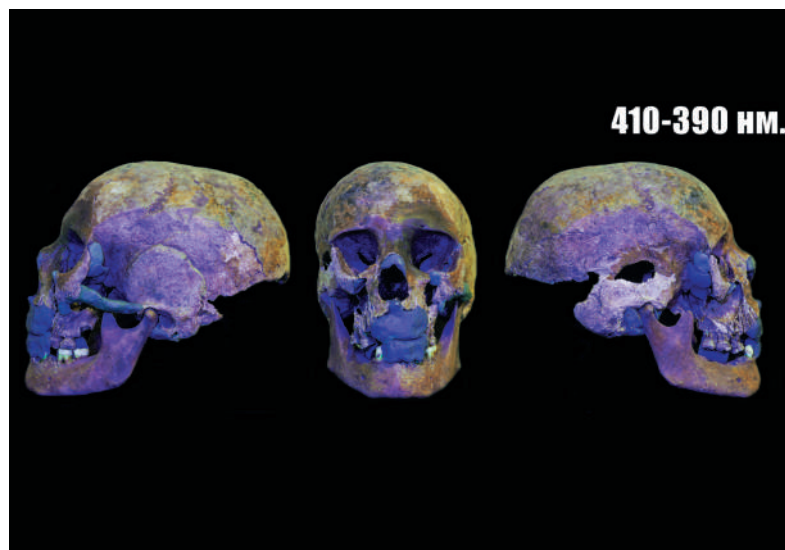

Рис. 12. Флюоресценция участков, пораженных грибком, на черепе женщины из мог. Борок 2

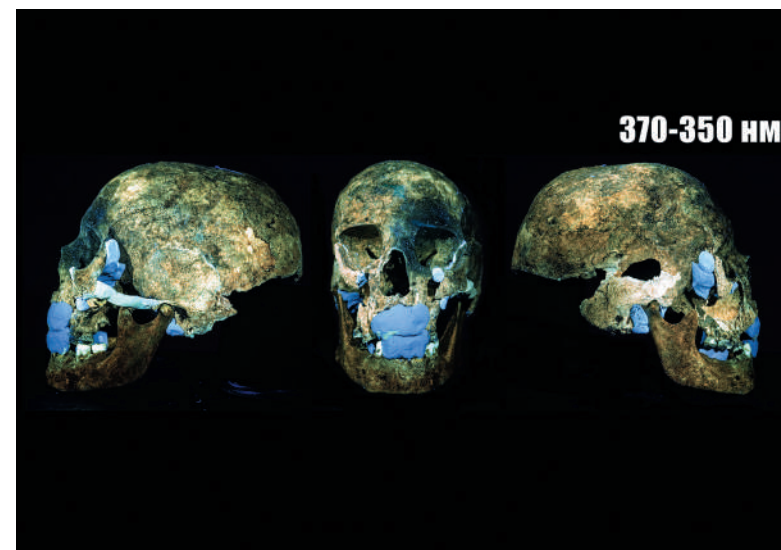

Рис. 15. Флюоресценция коллагена, маркирующая прижизненные травмы на череп женщины

ШЛЕМЫ I–VI ВВ. Н.Э. НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСА И ЛЕСОСТЕПИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (В СВЯЗИ С НАХОДКАМИ В СРЕДНЕМ ПООЧЬЕ)

Радюш Олег Александрович,

*н.с. отдела археологии эпохи Великого переселения
народов и раннего средневековья ИА РАН, к.и.н.*

Защитное снаряжение, если быть точнее защита головы, довольно редкая категория находок на территории лесостепной части Восточной Европы. Для большинства культур известных на этой территории мы не знаем ни одной находки шлемов. Можно отметить находки импортных шлемов восточнокельтских типов I в. до н.э. в Посеймье (могильник Мутин), позднеримского шлема восточного типа конца IV (погребение из Концешт), нескольких фрагментов, возможно, от пластинчатых шлемов на черняховских могильниках в Румынии. Большая часть находок шлемов не так давно концентрировалась в Прикамье и Среднем Поволжье, но в последнее время появляется все больше свидетельств об их использовании в Среднем Поочье. Сравнительно недавно П.В. Бирюковым в ГИМ были переданы два шлема происходившие из грабительских раскопок рязано-окского могильника в Касимовском районе, в настоящее время нам известно два целых шлема разных типов и один фрагментированный из различных погребений этого некрополя датированных в пределах V – начала VI века. Два шлема разных типов –

один железный крестовой конструкции, второй тоже железный близок к сасанидским типам. Третий обломок скорее всего также относится к крестово-купольной конструкции.

Благодаря информации полученной из Шиловского музея, мы имеем данные о еще двух шлемах из Шиловского района. На могильнике Ундрих был найден пластинчатый «ажурный» шлем, в погребении с широкой датировкой II–IV вв. судя по сопровождающим деталям одежды, и второй половиной II – серединой III века если судить по характерному мечу типа «Громовка-Лауриакум». Вторым шлем найден случайно и представляет собой остатки крестово-купольной конструкции с основной из бронзовых полос и железными сегментами между ними. Шлемы относятся к разным линиям развития защиты головы, первая из которых относится к типу представленному в Восточной Европе находками из Кипчаковского, Андреевского и Пильнинского могильников I–II вв. н.э., рядом находок на Северном Кавказе и находками IV – начала V веков из Прикамья. Вторым шлем близок серии находок с территории восточного побережья Черного моря.

В целом Поочье и Среднее Поволжье с Прикамьем дают разные и довольно многочисленные серии шлемов разных линий развития, как варварского и возможно местного производства, так и импортные, также разного происхождения. Возможно, что подобные наголовья использовались и в других культурах, но особенности погребального обряда и представлений об оружии в обществах не позволяли их помещать в захоронения и таким образом, мы имеем несколько не точную картину о защитном оружии лесостепной зоны Восточной Европы.

На рисунке комплекс я-77 у.84

**«СЛЕД ДАЛЕКИХ ПРЕДКОВ».
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИННО-УГОРСКОГО КОСТЮМА
НА ОСНОВЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИЙ
РИАМЗ «РЯЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ»**

Дульнева Анна Станиславовна,
старший научный сотрудник научно-фондового отдела
РИАМЗ «Рязанский Кремль»

Лошина Юлия Владимировна,
зав. сектором хранения археологических коллекций
научно-фондового отдела РИАМЗ «Рязанский Кремль»

Сахарова Оксана Михайловна,
зав. отделом декоративно-прикладного искусства
РИАМЗ Рязанский Кремль»

На протяжении 18 лет в Певческом корпусе Рязанского кремля работала этнографическая экспозиция «По обычаю дедову» [1]. В сентябре 2021 г. ее естественным дополнением стала выставка «След далеких предков». Это не случайно. Выставка посвящена самобытной финно-угорской культуре, оставившей след в топонимике, говоре, традиционном быте, обрядах и одежде Рязанского края. Именно древний финно-угорский пласт лежит в основе сложной неоднородной в этническом плане культуры Рязанской земли, в которой тесно переплелись, сплавились воедино черты, присущие славянскому, финскому, татарскому населению. Особенности финно-угорской культуры и ее влияние на традиционный быт Рязанщины в формате выставки демонстрировались на материале костюма.

Всего экспонировалось более 180 музейных предметов из коллекций археологии, этнографии, письменных источников.

Нами использовались данные по костюму мордвы-эрзи и мордвы-мокши различных территориальных подгрупп из музейных фондов, географический диапазон достаточно широк: Тамбовская, Пензенская, Казанская, Нижегородская губернии. Лакуну между археологическими и этнографическими материалами в какой-то мере заполнили описания путешественников XVIII в. [3], [4]. На выставке была представлена и серия графических листов с изображением мордовских женщин в традиционных костюмах из трудов Палласа и Георги.

Несмотря на значительный хронологический разрыв (предметы археологической коллекции относятся к периоду не позднее X в., этнографической – к XIX – первой трети XX в.), при сопоставлении прослеживается устойчивая связь костюма археологического и этнографического, видоизменение отдельных деталей в размерах, материале, но неизменность по назначению и, соответственно расположению в системе костюма. Цель настоящей публикации – поделиться некоторыми итогами исследования, проведенного в ходе подготовки научной части выставки.

Женский костюм и головной убор в древности отражал социальный, возрастной статус. Каждый элемент одежды, каждое украшение несли смысловую нагрузку, имели сакральное и обережное значение [2, с. 10]. Видоизменение костюма проходило достаточно медленно, отдельные составляющие оставались неизменными в течение сотен лет, некоторые эволюционировали, но оставались узнаваемыми.

Женский костюм окских финнов может быть прослежен только по материалам погребений. Но в качестве базы для реконструкций зачастую используются данные этнографических исследований костюма восточнофинской группы народов Поволжья в целом.

Прежде всего, можно говорить об общих особенностях головных уборов. Несмотря на разнообразие их форм и типов, существуют общие представления для многих народов. В первую очередь, это разделение головных уборов на девичьи (открывающие волосы) и уборы замужних женщин (полностью закрывающие не только волосы, но и шею). Эти представления исследователи связывают, прежде всего, с верой древних в магическую силу волос. Хотим подчеркнуть, что это общая тенденция для костюма, которую иногда «нарушали» отдельные формы уборов. Так, характерный для чувашей девичий убор в виде круглой шапочки (тухья, тахья), не был характерен для мордвы. Но по сведениям В.Н. Белицер, только у одной из групп эрзи в Теньгушевском районе девушка-невеста, достигнув 16-17 лет, в праздничные дни могла носить специальный головной убор (пехтим) – круглую шапочку с невысоким очельем [5, с. 146].

Разделение уборов на девичьи и женские прослеживается как в археологическом, так и в этнографическом материале. Так, например, образ обруча, повязки мы видим в девичьем венце мордвы-мокши (с. Анаево) и венчиках металлических из погребений окских финнов. Аналогично для уборов женских, этнографические образцы которых весьма разнообразны по формам, твердые или мягкие в основе, но все имеют вид закрытой шапочки, и в подавляющем большинстве лопасть сзади: панго, шлыган, сорка, златной, бабань панга. Подобный головной убор

реконструирован Т.А. Кравченко по материалам погребения 126 Шатрищенского могильника [6, с. 133].

Несмотря на хронологический разрыв, базовая часть женского костюма остается неизменной: основу составляла туникообразная рубаха, не имеющая плечевых швов, без воротника, с разрезом на груди. Рубахи шились длинными, ниже колен, и подпоясывались. Мокшанские рубахи «панар», «шам», эрзянские «панар» и уникальная обрядовая рубаха «покай», сплошь зашитая цветной шерстью, при некоторых различиях в крое и декоре относятся к древнему волжско-финскому типу [5, с. 40]. Также характерным для народов Поволжья было наличие второй, уже распашной рубахи. Женские рубахи украшались вышивкой – вокруг шейного, и особенно грудного выреза, на рукавах, плечах, спине, подоле, что свидетельствует в первую очередь о ее защитной функции. По археологическим данным известна вышивка оловянно-свинцовым бисером (могильники окских финнов, мордовские могильники и т.д.). В частности, в одном из погребений Крюково-Кужновского могильника полоса вышивки, выполненная рубленным оловянным бисером, шла по разрезу ворота и имела ширину до 4 см. Рисунок представлял собой горизонтальные линии бисера через небольшой промежуток. В том же погребении края рукавов были расшиты сплошной полосой бисера шириной до 1 см. [7, с. 35]. В дополнение отметим, что именно такие части одежды как ворот, края рукавов, подол были закрыты в древности металлическими украшениями (браслеты, ожерелья, гривны, расшивки привесками).

В могильниках окских финнов часто находят большое количество трапециевидных и конических привесок, которыми расшивали края одежды (погребение 19,

110 Шатрищенского могильника), а также такие шумящие украшения могли входить в состав головного венчика (погр. 68, 157 Шатрищенского могильника). Мы полагаем, что подобный прием эволюционировал в элемент костюма более позднего времени – бахрому, произошла замена металла на ткань, нити. И бахрома в этнографическом костюме играет значимую роль (украшение пулагай, головных уборов, массивные кисти на поясах и припоясках).

В костюме народов Поволжья и Прикамья в I – начале II тыс. широкое распространение получают зооморфные украшения, истоки появления которых относят к древнему культу животных. Наиболее широкое распространение в финно-угорской мифологии получил один из древнейших – культ водоплавающей птицы, связанный с охотничье-промысловыми занятиями древних. Культ коня, считается, возник позже, в связи с развитием производящего хозяйства и ростом значения коневодства. Мы выделяем культ птицы и коня среди других не случайно. Именно с этими животными связаны одни из самых интересных, знаковых финно-угорских украшений – так называемые «коньковые» привески [8, с. 107-109]. Они разнообразны, распространены на достаточно большой территории (окские финны, мордва, мурома). В качестве примера приведем подвеску с прямоугольным щитком X в. из Курманского могильника. Эта подвеска без отходящих конских головок, но другие атрибуты (волны, «лапки» водоплавающей птицы) присутствуют. Любопытно привести разновидность коньковой подвески с круглой рамкой – нагрудное украшение из этнографической коллекции музея. Конские головки на ранних археологических экземплярах превратились в растительный декор на украшении XIX в.

Одним из широко распространенных и ранних элементов костюма у поволжских финнов являлись кольцевые застежки с подвижной иглой, которые использовались для закрепления элементов одежды (например, для крепления головного платка, ворота одежды). За подобными застежками-фибулами, которые находят в раннесредневековых могильниках, закрепилось название сьюльгама (от мокшанского «сьюлгам» и эрзянского «сьюлгамо»). Интересным представляется, что сьюльгамы прошли определенный эволюционный путь. Если изначально в археологических материалах мы видим простую кольцевую застежку, концы которой завернуты в спирали, то в более позднее время у сьюльгам удлиняются спирали-«усики», появляются лопасти подтреугольной формы. Примечательно, что в поздних этнографических украшениях лопасти срослись в единую фигуру. При этом такие сьюльгамы со слившимися широкими лопастями и подвесками из монет, раковин-каури, бус считаются характерным украшением мордвы-мокши. В этнографической коллекции РИАМЗ представлено такое украшение из Кадомского района Рязанской области.

Еще один пример сопоставления археологических данных с этнографическими. Рассмотрим такие детали головного убора замужней женщины, как накосники, шнуры, затылочные кисти. По материалам рязано-окских могильников мы видим, что у древних подобные украшения были металлическими. Общий вид украшения – кожаные ремешки, сверху обернутые бронзовой проволокой (так называемые пронизи, витушки), шли в один или несколько рядов и в некоторых местах были перехвачены прямоугольными обоймицами. Завершалось это украшение шумящими привесками. Показательно, что в

украшениях XIX в. рязанской «Богословщины» Михайловского уезда легко угадывается облик древних украшений. Плетеные шнуры из шелковых нитей напоминают бронзовые пронизи, скрепы из позумента схожи с металлическими обоймицами. Завершение в виде бахромы – поздняя интерпретация шумящих привесок.

Одной из задач выставки было показать, как древние этнические связи с финноуграми проявляются в традиционном костюме русских Рязанского края. Еще в 1920-е гг. известный этнограф Н.И. Лебедева выделила целый ряд архаичных особенностей рязанского костюма, связанных именно со следами финно-угорского присутствия на территории края. Это и туникообразный крой нагрудников, желтый их цвет, наличие раковин-каури у русского населения, обилие украшений из бисера, известного финнам Поволжья и болгарам, пушки, шнуры и кисти на головных уборах, лопатообразная их форма, присутствие наспинных украшений, бахрома, черные обертки для ног, лапти косога плетения [5, с. 110; 9, с. 116-117, 189]. Особенно наглядно это проявление в старинной одежде района «Богословщина», где удалось выделить и новый след финно-угорского влияния – бытование мокшанского нагрудного украшения в виде бисерного воротника с сеткой из монет в архаичном костюме с желтым нагрудником [10].

Таким образом, опыт междисциплинарного взаимодействия оказался продуктивным, поскольку реконструкция костюма и изучение этнических взаимных влияний невозможны без комплексного изучения разнообразных источников.

Список литературы

1. Панкова Т.М., Сахарова О.М. «По обычаю дедову». Путеводитель по экспозиции Певческого корпуса Рязанского кремля. Москва: издательство «Северный паломник», 2007. 112 с.
2. Мордовский народный костюм. Альбом. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1990. 384 с.
3. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть первая. СПб, 1809.
4. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб, 1776.
5. Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. Труды Мордовской этнографической экспедиции. Вып. III. М, 1973. 215 с.
6. Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966-1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 116-183.
7. Воронина Р.Ф. О некоторых деталях одежды среднепнинской мордвы VIII-XI вв. // КСИА. Вып. 140. 1974. С. 33-38.
8. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979. 112 с., 25 табл. (САИ. Вып. Е1-59)
9. Лебедева Н.И. Научные труды. Том 1. Творческое наследие Наталии Ивановны Лебедевой. Этнографические исследования и материалы. Рязань: Рязанская областная типография, 1996. 192 с.
10. Дульнева А.С. Гомзин А.А. К вопросу о мордовском влиянии в костюме района «Богословщина» // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы XXII международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28-31 мая 2019 г. Санкт-Петербург, 2019. С. 79-82.

О ВОЗМОЖНЫХ ПОТОМКАХ РЯЗАНО-ОКСКОЙ КУЛЬТУРЫ И «КРИВИЧСКОМ» СЛЕДЕ

Семенов Александр Сергеевич,
*Генеральный директор, Проект «ДНК-история России»,
Российская Федерация*

Гаврилов Александр Петрович,
профессор, Российская Академия Естествознания

Аннотация. В статье представлены результаты ДНК-тестов Y-гаплогруппы жителей с. Борок Шиловского района в сравнении с результатами по Y-ДНК захоронений рязано-окской культуры. Данные показали, что гипотеза о происхождении нескольких семей от носителей рязано-окской культуры возможна. Представители этих семей относятся к ветвям R1a-CTS3402-Y2613 и N1a-VL29. Представлен результат ДНК-секвенирования нового захоронения из комплекса Ундрих и аргументы о его возможных связях с ранними кривичами и культурой длинных курганов.

Ключевые слова: палео-ДНК, генетика, история, археологическая культура, рязано-окская культура, кривичи.

Исторический контекст и изучение микрорегиона

Шиловский район расположен в центральной части Рязанской области, простираясь с востока на запад по берегам реки Оки, в её среднем течении. Река Ока, подобно естественной магистрали древности, связывала различные народы, в результате чего эту территорию

затрагивало большинство этнических и исторических процессов проходящих на Рязанщине и на территории центральной России в целом.

В середине первого тысячелетия нашей эры наиболее ярким явлением в археологии центрально-европейской части нашей страны занимает рязано-окская археологическая культура, носители которой играли роль политического и культурного гегемона в этот период. Высший правящий слой рязано-окской культуры имел, вероятнее всего, происхождение в культурах сарматского круга, тогда как население (включая вождей «второго уровня») имело корни в окско-сурских народах (носители местных языков финно-угорской группы), в восточнобалтских и постзарубинецких племенах (включая раннеславянские), в восточных племенах прагерманского ареала. Со временем в сфере её влияния сформировались такие этносы как *Мурома*, *Мещера*, *Марийцы* и *Мордва*, летописная *Меря*, вероятно, *Голядь*, и в значительной степени *Кривичи* (культура псковских длинных курганов в ее верхневолжской части, возможно даже *Неревский* конец Великого Новгорода) и *Вятичи*. Эти этносы в различное время приняли участие в сложении Российского государства.

Данное раннегосударственное образование эпохи Мервингов, вероятно, отражено и в старинных источниках по Русской истории. В «Русском летописце» 1649 года^a, содержащем цикл преданий о Словене и Русе излагается следующее:

«В Сидерах же, то есть в Мордве и в Черемисах, тогда княжили два брата: одному имя Диюлел, а другому Дидилакт. Непросвещенные люди назвали их богами за

^a https://ruvera.ru/wp-content/uploads/rus_letopisec_translate.pdf

то, что они устроили борти для пчел на деревьях. После того времени обрушился на землю Словенскую праведный гнев Божий. Умерло людей без числа во всех городах и селах, так, что некому даже было погребать мертвых. Кто остался жив, из-за безлюдности разбежались из городов в отдаленные места – кто на Белые воды, которые ныне зовутся Белоозеро, кто на озеро Тинное и назвались «Вес» (Весь). Другие по иным странам разбежались и прозвались различными именами. Некоторые же снова на Дунав (Дунай) к прежним родственникам своим на старые места возвратились. Великий же Словенск и Руса опустели вконец на многие лета, да так, что дикие звери стали обитать и плодиться в них».

Скорее всего, в народной памяти сохранился эпизод о перемещении эпицентра формирующегося прото-русского центра на прилежащие к мордовским и марийским территориям земли (рязанские, мещерские, нижнеокские и муромские), перед окончательным его перемещением в Старую Ладугу в 730-750 годы.

У В.Н. Татищева (История Российская. Часть 1) читаем:

«Белая Русь от множества снега. Белое платье. От преизящества. Издревле в зависимости от территории по-разному именовалась, как то: Поле, Меря, Муром и Крев, или Верховье, потом все оно Белая Русь именовано.

Границы Белой Руси. О границах и пространстве этой части разное мнение находим. Древние наши писатели разумели под оным именем Польский и Меряжской или Суздальский и Ростовский пределы с прилежащими землями, после Смоленское, или Кривич, которое было отдельное владение, к тому присовокупили.

Престол древнейший во время сарматских государей был град Шуя, ибо имя то на сарматском языке значит престол или столица, по-латински резиденция; при Владимире – Ростов, Юрий II перенес в Суздаль, Андрей II во Владимир, Иоанн I Калита в Москву».

В этом тексте сохранены факты, которые подтверждаются в наше время при изучении рязано-окской культуры. Это и память о сарматских государях в Волго-Окском междуречье (причем один из которых мог иметь эллинистическое имя Дидилакт, что может говорить о пребывании его рода в Причерноморье до миграции на Оку), и вовлечение в орбиту этого раннего государства мери, муромы и кривичей^b. Также ценно и воспоминание о наличии престола в Суздальской земле, которому наследовало и историческое Ростово-Суздальское княжество.

Археологические памятники и культурные зоны группируются как бы очагами по различным берегам р.Ока, естественные границы которых образовывали её притоки. Наши исследования как раз и проходили вокруг междуречья двух рек с древними названиями Пары и Тырницы, правых притоков р.Ока, в междуречье которых располагается уникальная группа памятников эпохи раннего средневековья, занимающая лидирующее положение в Рязано-окской среде (Ахмедов 2016: 172). На этой территории известно пять Рязано-окских могильников: уникальный курганный комплекс Белые Бугры, где изучено пока единственное курганное погребение рязано-окской культуры, целая сеть поселений открытого типа, а также два святилищных комплекса (Ахмедов 2016: 172).

^b В настоящее время ширится обнаружение рязано-окского инвентаря в восточной части культуры псковских длинных курганов (Воронятов 2014).

Археологическое исследование этих памятников было начато ещё до революции В.Л. Городцовым [5], чуть позже их продолжил А.И. Черепнин. С 70-х годов двадцатого века исследования велись А.Н. Гавриловым. Андрей Николаевич впервые исследовал и описал эти памятники как археологический комплекс раннего средневековья [3] (1976-1984 Арх. ИА:7997. Л 33-35, 7983, 7997. Л. 25., 10656, 9716. Л. 69-71. 7997. Л. 22,23, 9716. Л. 71-73., 3132 и т.д.). В XXI веке комплекс исследовал И.Р. Ахмедов, проводивший раскопки на могильниках 1 и 2 у села Борок, на комплексе Белые Бугры, и Тереховском городище (Ахмедов 2010).

Основным источником палео-ДНК для наших работ послужил могильник Ундрих, расположен в 3 км к северу от села Борок, Шиловского района, занимающий вост. берег пойменного оз. Ундрих (Ундриха), северная оконечность дугообразного всхолмления Ундрих, которое протянулось с запада на восток. Размеры дюны около 75 м в длину, 30 м в ширину, высота над поймой 6-7 м.

Могильник Ундрих был открыт в 1895 году В.А. Городцовым [5, с. 743, 644]. В 1976 году могильник осматривался А.Н. Гавриловым. По материалам разведки им же составлен археологический паспорт объекта. В 1979 году начаты раскопки могильника экспедицией Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника под руководством М.М. Макарова. Вскрыта площадь в 130 кв. м, найдено 20 погребений. В 1981 году раскопки могильника Макаровым М.М. были продолжены: на площади около 187 кв. м вскрыто еще 27 погребений (открытый лист № 430). В 1983 году памятник исследовался А.Н. Гавриловым на средства ВООПИК. В ходе работ был обнаружен уникальный берестяной туесок со знаками, римская

шпора и монета, черняховские фибулы, стеклянные кубки и подвески в форме ведёрка, а также другие многочисленные импорты (Гаврилов 1983). Именно материалы этих раскопок и дали нам материалы для анализа древней ДНК носителей рязано-окской культуры, выполненных в период 2020-22 годов. [12].

В наши дни территория междуречья Пары и Тырницы раскинулась между тремя крупными селами Шиловского района – Тырново, Юшта и Тимошкино. Внутри этого треугольника расположены сёла Ирицы, Надеино, Терехово и Борок и современный посёлок Шилово. Максимально приближенным к могильнику Ундрих можно считать с. Борок, которое расположено близ территории сопутствующего Ундриху могильника Борок-2, крупного рязано-окского поселения, крепости-городища и святилища. Что, по сути, делает его вписанным в древнюю археологическую зону.

Примечательно, что сёла этой ойкумены характеризуются множественными этнологическим реликтами. Так, например, в этом микрорегионе колдовство являлось исключительно женской прерогативой, в с. Тырново бытовало женское сватовство, а в сёлах, Борок и Тимошкино сохранялось реликтовое название русалки «Чамка» [2].

Уже 50 лет этнография этого региона детально изучалась силами Шиловского музея, что позволило создать огромную базу легенд и преданий, как по всем вышеперечисленным сёлам вообще, так и Борку в частности.

В 19 веке по преданиям жителей села Борок на дюне Ундрих жила мордва, потомки которой будто бы переселились в Тамбовскую губ. По свидетельству В.А. Городцова, общее количество находимых на буграх Ундрих древних металлических вещей было таково, что крестьяне

с. Борок говорили о существовании на Ундрихе целого мордовского поселка, причем котловины или выдувания ямы, в которых случались чаще всего находки, считались ими за остатки подполов (подвалов) мордовских жилищ. По-видимому, чуть реже в обнажениях дюны Ундрих находились кремнёвые орудия, известные здесь под обычным названием громовых стрел. ([5], с. 43). С Ундрихом у жителей Борка связано много народных поверий, но для полного понимания причин, приведших к разрушению памятника, важно отметить следующее.

С Ундрихом связана местная легенда о сокровищах, найти которые время от времени делались и делаются попытки. Так же бытует мнение, что если выкопать здесь яму, прожечь ее костром, а затем устроить в этой яме лежанку, то можно излечиться от ревматизма, радикулита и подобных заболеваний. Ундрих и его окрестности всегда считался чудодейственным местом, где «и песок особый, и необыкновенные чудодейственные корни растут». Среди прочих легенд, хочется отметить, рассказ о том что на Ундрихе жила мордва, и их девки ходили к Борковским «Прясть шерсть». Так же говорится и о кладах, что мордва оставила на Ундрихе [12]. Примечательно, что и самих жителей с.Борок Шиловцы называют «Мордва» (по информации Н.В. Коршуновой, с.Шилово).

Следует отметить, что на мещерских землях имеется специфическая трактовка термина «мордва». Жители села Пустоши Судогодского уезда (ныне в районе станции Черусти, Шатурский район) еще в начале XX века говорили, что последние «искренне русские» в этих краях именно они, судогодцы, а дальше к югу живет одна «литва». Для Судогодского и Муромского уездов сохранились прямые свидетельства, что в ряде случаев «литва» и «мордва»

выступали как синонимы [10]. Первые ДНК-данные захоронений рязано-окской культуры показывают перспективность поисков балтийских корней рязано-окского населения. Если следовать трактовке сообщения Иордана о народе Mordens Inmiscaris как «Мордва в Мещере» (Mordens In Miscaris), то архаичное Miscaris созвучно с литовским Miškas и прусским Meddjan (лес), что требует дополнительного изучения.

В самом селе Борок бытует множество легенд и преданий об окрестностях своего села и Ундриха (см. приложение).

Всё это в совокупности во многом определило интерес к современному состоянию состава гаплогрупп ДНК жителей этого села.

Современное население села – 365 чел. Топоним «Борок» обычно определяется как «небольшой отдельно стоящий бор» [6, с. 118 – 119]. Среди русских лесов, Борком на Руси называли места, где выполнялись те или иные ритуальные действия – праздничные, троичные и т.д. Обычно упоминается сосновый Борок и в обрядовой песни сёл Шиловского района. Борок и стоящая в нём сосенка упоминается в обрядовых песнях. Так же примечательно, что с современным топонимом Борок в целом ряде случаев соотносится расположение рязано-окских могильников, так, например широко известен могильник в Борках под Рязанью.

Впервые с. Борок упоминается в «Жалованной подтвердительной несудимой на данного пристава и заповедной (от владычных пошлинников) грамоте», выданной в 1520 вел. Кн. Василием III игумену Терехова Воскресенского монастыря Роману [11, с. 219-220].

Село Борок находилось во владении Терехово-Воскресенского монастыря вплоть до нач. XVIII в., когда нача-

лось отчуждение монастырских и некоторых церковных земель в пользу дворян. В окладных книгах за 1716 г. Борок значится селом с деревянной церковью во имя святителя Николая Чудотворца. В 1720 г. селом владел поручик флота В.В. Шереметев, до него – боярин Ф.П. Шереметев. [9, с. 228.]. В нач. XIX в. вместо старой ветхой деревянной Никольской церкви, по инициативе и на средства местной помещицы М.Л. Фатовой, была построена новая, также деревянная, с тем же наименованием с приделом во имя Илии Пророка, которая была освящена в 1801 году. К 1833 владелицей части с. Борок являлась коллежская регистраторша В.А. Фатова (урожденная кж. Кропоткина), за которой числилось в селе 65 душ крепостных крестьян и хлебная пристань на р. Оке. Во 2-й пол. XIX в. в с. Б. был построен третий по счету деревянный Никольский храм, деятельное участие в создании которого приняли Николай и Михаил Глебовичи Фатовы. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба /Сост. М. Баранович. – СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1860. – С. 39-97). В 1874 местным священником в селе была открыта церковно-приходская школа, перешедшая в дальнейшем в ведение земства. К 1891 году, по данным И.В. Добролюбова, в приходе Никольского храма с. Борок., состоявшем из одного села, числилось 163 двора, в коих проживало 533 души муж. и 572 души жен. пола, в т.ч. грамотных 175 мужчин и 70 женщин [7]. В кон. XIX – нач. XX вв. в с. Борок работал крахмало-паточный з-д. К 1914 житель села – Захаркин Василий Алексеевич открывает сенопрессовальный пункт.

Семеновым А.С., владельцем компании и телеграмм – канала «ДНК-история России» было организовано иссле-

дование гаплотипов Y-ДНК через 18- и 27 маркерные тесты на происхождение и родство жителей Шиловского района Рязанской области. Целью этого исследования выступала проверка гипотезы о том, что среди жителей Борка могут сохраняться родовые (отцовские) линии прямых потомков жителей рязано-окской археологической культуры.

В ходе исследования были взяты образцы ДНК у представителей коренных Борокских фамилий Балониных, Захаркиных, Илюхиных и Егоровых, а именно у следующих жителей: Илюхина Алексея Семёновича, Балонина Алексея Михайловича, Егорова Валерия Анатольевича, Захаркина Евгения Петровича.

Были получены следующие результаты, которые показаны в таблице 1, таблице 2 и таблице 3. Данные представлены в формате (Yfiler+ с корректировкой маркера GATA-H4 на формат FTDNA)

Наибольший интерес вызвал результат Е.П.Захаркина, который с позиции популяционной антропологии внешне напоминает реконструированный облик воина высшего сословия комплекса Ундрих, захороненного в яме 90 и воссозданного в 2021 году в лаборатории Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН [1]. По методу восстановления внешности на основе черепа антрополога М.М. Герасимова [4]. Гаплотип Е.П. Захаркина был отнесен к гаплогруппе R1a и субкладу R1a-Z280>CTS1211, нисходящему CTS3402 и «глубокому» Y2613 (балто-карпатская ветвь-3). Этот субклад типичен для русских, поляков, белорусов, восточных немцев, прибалтов. К CTS3402 и, предположительно, к «глубокому» Y2613 был отнесен и субклад захоронения ПГ 50 на могильнике Ундрих [12]. Хотя гаплотип древнего захоронения показал всего 4 маркера, данное соче-

тание четырех маркеров можно считать специфическими для CTS3402 и даже «глубокого» Y2613, и в совпадающие по 4 маркерам гаплотипы обычно принадлежат к этому субкладу, что подтверждается показаниями предиктора www.levgen.org. Результат является объяснимым с позиции истории, поскольку в сложении рязано-окской культуры могли принимать как непосредственно носители мощинской культуры (с балтским или протославянским языком), так и пришельцы из центральноевропейского региона. В любом случае, гипотеза о том, что и отдаленные предки Е.П. Захаркина и воина рязано-окской культуры, захороненного в ПГ 50, говорили на балтославянских языках, представляется допустимой.

Далее приведем родословную Евгения Захаркина

Образец Захаркин Евгений Петрович. Борок. 22 ноября 1960

Отец Захаркин Петр Никифорович. Борок 1935-2016

Дед Захаркин Никифор Петрович. Борок 1891-1954

Захаркины, происходят из рода крестьянина села Борок или (впоследствии) купца Алексея Захаркина, упоминаемого как сельского старосты в конце 19 века, в связи с историей Борокского храма.

На период 20 века по с. Борок упоминаются многие представители этой фамилии

Захаркин Николай Харитонович 1911 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, с. Борок, Место службы: 62 аттп 20 атбр 2 УкрФ. Награждён: Медаль «За боевые заслуги», Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Захаркин Иван Илларионович 1912 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, с. Борок, Место службы: Понойский сектор БО ИВМБ.

Захаркин Николай Карпович 1925 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, с. Борок.

Захаркин Александр Евсеевич ст. сержант 1915 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, д. Борок.

Захаркин Василий Васильевич краснофлотец, 1914 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, с. Борок, место службы: Крон. Бер. База БПЛ КБФ.

Захаркин Василий Алексеевич. Родился в 1874 г., Рязанская обл., Шиловский р-н, с. Борок; крестьянин. Проживал: Шиловский р-н, Рязанская обл. Арестован 11 ноября 1929 г. Приговорен: особое совещание при Коллегии ОГПУ 29 января 1930 г., обв.: 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам высылки в Северный край. Реабилитирован Рязоблпрокуратурой по Указу ПВС СССР от 16.01.89

ДНК-данные Егорова Валерия Анатольевича заслуживают интерес, поскольку являются характерными для волжского региона. Однако они пока не имеют соответствия в данных рязано-окской культуры, и подробных данных по документальной родословной пока не имеется. Для рода Егоровых определена с высокой вероятностью ветвь R1a-Z93, причем ее гаплотип имеет архаический характер. R1a-Z93 возникла 5500-5000 лет назад в Восточной Европе и Северной Евразии. Один из древнейших регионов ее обнаружения – Северное Поволжье, фатьяновская культура (III-II тыс. до н.э.). Затем к середине II тысячелетия до н.э. носители R1a-Z93 продвинулись через Урал в Центральную Азию и дали начало как скифским племенам, так и историческим индоариям. Архаические ветви, близкие к ветвям носителей фатьяновской культуры, встречаются у окско-волжско-сурских народов – мари, мордвы, причем особенно высокая концентрация – у эрзи.

Другой ветвью жителей Борка является ветвь Балониных и Илюхиных. С ней исторически может быть связана и ветвь одного из авторов статьи Семенова Александра Сергеевича, чьими предками по отцовской линии являются старообрядцы из деревни Каменица, близ с. Головино Судогодского района Владимирской области.

Приведем ниже данные по семье или семьям Балониных:

Отец: Балонин Алексей Иванович, Гв. мл. сержант, 1925 г.р Рязанская обл., Шиловский р-н, с. Борок, место службы: 10 гв. мбр 5 гв. Мк

Другие представители фамилии:

Балонин Гавр. Тимофеевич. Рядовой, 1899 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, Борок

Балонин Федор Алексеевич. Ст. сержант, 1916 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, с. Борок, место службы: 1205 зенап. Именные списки частей.

Балонин Федор Алексеевич. Старшина, 1916 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, д. Борок, место службы: 1778 зенап. Именные списки частей.

Балонин Николай Тимофеевич. Красноармеец, 1910 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, с. Борок, место службы: пах 433 33 А

Балонин Иван Николаевич. Красноармеец рядовой, 1914 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, с. Борок
___.10.1941

Балонин Владимир Тимофеевич. Ст. сержант, 1915 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, с. Борок, место службы: 115 тгабр

Балонин Василий Алексеевич. Ст. сержант ,1923 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, с. Борок 1998-18 ОКТЯБРЯ

Болонин Павел Тимофеевич 1912 г.р. Рязанская обл., Шиловский р-н, Баракский с/с, д. Борок 1941

Болонин Андрей Алексеевич. Красноармеец, рядовой, Рязанская обл., Шиловский р-н, с. Борок

Для всех трех из них с высокой вероятностью определяется балтийская ветвь N1a-VL29 гаплогруппы N, причем у Семеновых был определен снип, присущий L550. Гаплогруппа N1a является типичной для Севера Евразии. В эпоху каменного века она развивалась на востоке континента, а в бронзовом веке уже присутствовала на северо-востоке Европы. Гаплогруппа характерна для Балтии, Скандинавии, славянских, балтийских и финно-угорских народов. Южно-балтийский субклад N-VL29 и дочерний L550 распространен на юге Балтики, на севере России, в Восточной Европе. Именно к нему относится ряд семей из аристократических родов, такие как Рюриковичи и Гединовичи. Второй субклад N-VL29 – сестринский восточно-балтийский субклад N1a-L1022. Он близок к L550, но его носители смещены восточнее, к Латвии, Эстонии, Северо-Западу РФ с распространением на зону всего Русского Севера (Новгородская колонизация). Из древних представителей N-VL29 мы можем указать на захоронение в Пруссии V-VI века и подмосковное славянское захоронение с кривичской атрибуцией на р. Воря (XIII век).

Данные показывают незначительность разницы между гаплотипами Илюхина и Балонина, что может говорить о родственных связях этих семей, имевших место уже после образования Русского государства. Сходство же всех трех гаплотипов с гаплотипом носителя захоронения из ямы 31 в Ундрихе (и общность предсказанных субкладов) может показывать отдаленные родственные связи между ними троими, и их троих – с жителями рязано-ок-

ской культуры. Также оно может указывать и на возможную гипотезу о том, что процессы формирования «варварских государств» как на средней Оке, так и в Прибалтике и даже Скандинавии могли происходить при участии одних и тех же родственных племен. Причем напрашивается гипотеза о том, что эти племена могли говорить на балто-славянских языках (либо в качестве единственного, либо наряду со вторым, финно-угорским языком).

В пользу необходимости подобных поисков говорит и наблюдение Ю.В. Откупщикова («Древняя гидронимия в бассейне Оки»), согласно которому зафиксированные имена мордовских князей – эрзянского Пургаса и мокшанского Пуреша могли иметь балтийскую этимологию (*Purgelis, *Pures), в совокупности с приведенным им списком топонимов Поочья, имеющих балтийские корни [8]. Топоним «Ундрих» может быть объясненным через восточногерманское (undr- «чудо») или иной, более ранний корень (udr) – «выдра», «водное чудовище». В эту пользу говорит и находка субклада R1a-CTS3402 в одном из захоронений рязано-окской культуры, и в более раннем захоронении начала н.э. в Керстово (Ингрии), в месте, входившем, по современным представлениям, в зону обитания прагерманских племен.

Интереснейшие данные получены из захоронения Ундрих 2015, яма 90. Работа по определению Y-гаплогруппы индивидуума из памятника Ундрих была проведена в рамках проекта «ДНК-история России». Данные приведены в формате Yfiler™ Plus в таблице 3.

Ближайшими знаковыми аналогами гаплотипа являются гаплотипы потомков русских князей, относимых к Рюриковичам (<http://haplogroup.narod.ru/rurik.html>), и гаплотип захоронения XIII века из могильника Останкино-2 № 1361

Таблица 1. Гаплотипы жителей села Борок в сравнении с воином из захоронения Ундрих ПГ 50 (формат FTDNA, без корректировки GATA-H4)

Наименование и аллели STR локусов														
Захаркины, R1a-CTS3402-Y2613	13	24	16	10	10	14	10	13	11	30	16	14	19	
	13	25	15	11	11	13	10	13	11	31	16	14	20	
Ундрих, погребение 50, предск. R1a-CTS3402								13			16			

58

Наименование и аллели STR локусов														
	449	460	GATNA4	456	576	570	438	481	533	635	627	518	F387S1	F387S1
Захаркины, R1a-CTS3402-Y2613	32	10	12	15	19	18	11	22	12	23	17	45	37	37
Егоровы, R1a-Z93	32	12	11	15	18	19	11	23	12	24	17	42	37	39
Ундрих, погребение 50, предск. R1a-CTS3402		10			20									

Таблица 2. Гаплотип захоронения Ундрих 2015 яма 90 и Ундрих яма 31 в сравнении с гаплотипами современных (18 маркеров)

Индивидуальный код образца	Гаплогруппа (оценка)	Наименование и аллели STR локусов																								
		393	390	19	391	385	a	385	b	439	389	-I	392	389	-I	392	389	II	447	437	448	449	456	576	438	635
Ильяхины (с. Борок, Шилковский район)	N1a-VL29	14	23	14	10	12	13	11	14	14	30	25	14	19	29	14	17	10	22	4	5					
Балонины (с.Борок, Шилковский район)	N1a-VL29	14	23	14	10	12	13	11	14	14	30	24	14	19	30	14	17	10	23	4	4					
Семеновы (д. Каменница, Судогодский район)	N1a-VL29-L550	14	23	14	10	12	13	10	13	14	29	25	14	19	30	14	16	10	22	3	2					
Саруевы (Мишнево, Щелковский район).	N1a-VL29-L550	14	23	14	11	11	13	11	14	14	31	25	14	19	29	14	16	10	21	3	4					
Кротовы (Кривандино, Шатурский район)	N1a-VL29	14	23	14	11	11	13	11	14	14	30	26	14	19	29	14	19	10	22	6	6					
Ундрих -90	N-VL29	14	23	14	11	13	10	13			14	19	14	16	10	23										
Ундрих-31	N-VL29-preL550	13				11	10	14			14	16	16													

59

Таблица 3. Ундрих-90 и его основные аналоги (все выделенные маркеры, YFile⁺)

Индивидуальный код образца	Гаплогруппа	393	390	19	385a	385b	439	389-1	458	437	448	460	Н4	456	576	570	438	481	533	639
Ундрих-90	N1a-VL29	14	23	14	11	13	10	13	16	14	19	11	12	14	16	18	10	20	11	23
Останкино-2 № 1361 (кривичи)	N1a-VL29	14	23	14			10	13	17			11		14	17	19		20		23
Рюриковичи (Вадбольские)	N1a-VL29	14	23	14	11	13	10	14	18	14	19	11	12'	14	16	19	10	21		

^c Гаплотип переведен из формата FTDNA в YFile⁺ через увеличение маркера на 1

(Северо-Восточное Подмоскowie, долина р. Воря), имеющего этнографические признаки поздних кривичей (Чернов, Гончарова, Семенов 2023)⁴. ДНК-анализ четко показал присутствие гаплогруппы N1a, при этом самым вероятным субкладом является N1a-VL29. Данные позволяют предположить участие вероятных потомков рода, к которому принадлежал воин, в становлении Русского государства.

Было проведено сравнение с современниками (таблица 2). Наибольшее сходство гаплотип показал с 18 маркерными гаплотипами семей из Судогодского района Владимирской области (Семеновы) и Северо-Восточного Подмоскowie (семья Саруевых из Мишнево), семей из с. Борок Шиловского района Рязанской области (Илюхины, Балонины), семьи Кротовых из с. Кривандино Шатурского района Московской области. Семья Саруевых имеет корни из тех же мест, где было найдено позднекривичское захоронение Останкино-2. Есть основания предполагать кривичский след и в наименовании с. Кривандино. Таким образом, с некоторой вероятностью можно говорить о наличии потомков представителей рязано-окского сообщества среди современников, причем линия может тянуться через кривичский ареал.

Интерпретация сходства гаплотипа из захоронения Ундрих 2015 яма 90 и позднекривичским погребением (точнее, с погребенной группой индивидуумов XIII века, демонстрирующей кривичские этнографические признаки) из Подмоскowie позволяет предположить следующее. Воин из захоронения Ундрих яма 90 происходил из

⁴ Чернов С.З., Гончарова Н.Н., Семенов А.С. Кривичи в долине реки Вори (Московская область) по археологическим, и антропологическим данным (в печати).

северо-западной периферии культуры рязано-окских могильников, находящейся одновременно в зоне культуры псковских длинных курганов (даже, возможно, *Неревский* конец Великого Новгорода). Памятники этого региона

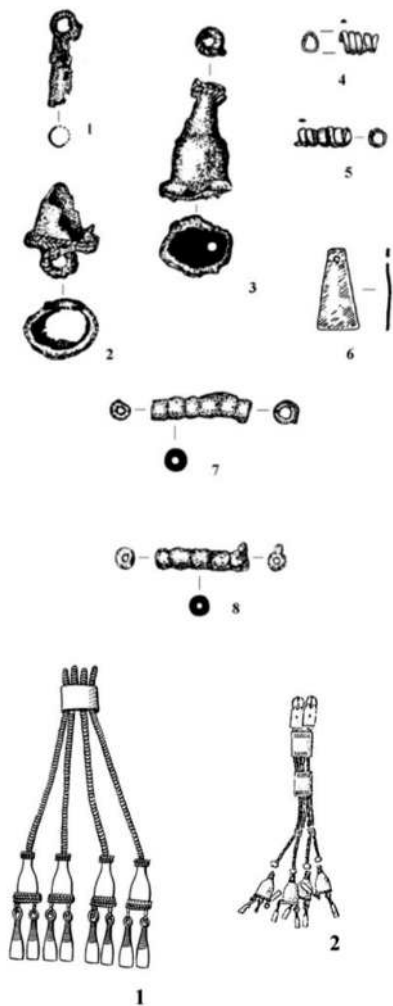

Рисунок 1. Материалы могильника культуры длинных курганов Степаново-III и аналоги в рязано-окской культуре

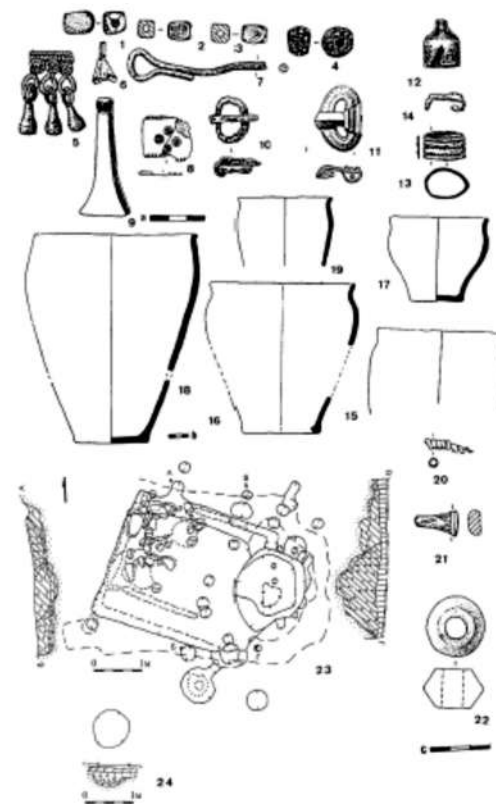

Рисунок 2. Находки с поселения и могильника Юрьевская Горка. Древности, присущие памятникам, атрибутируемым как финские, балтские, славянские

описаны, например, в работах С.В. Воронятова (Степаново-III)⁵ и М.М. Казанского (Юрьевская Горка)⁶. Распространение N1a-VL29 типично для данной области и сейчас.

⁵ Воронятов С.В. Рязано-окский комплекс культуры длинных курганов // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. СПб., 2014.

⁶ Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. *Stratum plus*, №4, 2010.

Находки из Степаново и Юрьевской горки подтверждают смешанные этнические атрибуты (славянские, финские, балтские в пока еще основной терминологии). О языке оставившего эти памятники населения говорить сложно. Вероятнее всего, элитные группы, к которой принадлежал воин, свободно говорили и на финно-угорских и на балтийских и раннеславянских языках (в силу разноплеменного характера элиты рязано-окского общества). Об общности судьбы кривичей и окско-сурских народов писал и В.Н. Татищев (История Российская. Часть 1), упоминая о том, что все они входили в пост-сарматский племенной союз.

«Кривичи, сарматы, потом славяне, ныне княжество Смоленское.

Меря, сарматы, Ростов, Галич, Кострома и Ярославль. Мордва, сарматы, Нижний Арзамас, Алаторь и пр.

Мордва, море, меря, мордвасы, все едино есть, только по местам по-разному именованы.

Мурома, сарматы, Муром и Касимов».

У отдельных племен кривичского ареала финно-угорский язык мог возобладать над балтославянскими. Так, например, в XIX веке фиксировались курляндские кривинги с финским наречием в качестве основного, и вопрос происхождения кривингов еще далек от решения.

Поэтому, не выдвигая гипотезу об основном языке захороненного в яме 90 могильника Ундрих элитного воина, гипотеза о том, что его род принадлежал восточной периферии кривичей, не кажется невероятной. В случае дальнейшего подтверждения этой гипотезы можно будет расширить постановку задачи о связях рязано-окцев, западнобалтийских и прибалто-финских культур вплоть до во-

проса о влиянии рязано-окской культуры на «центры власти» в Эстонии и Ингрии, предшествующие Старой Ладуге. Гипотеза о наличии прагерманских и восточногерманских племен на этих территориях в VI веке ставит, наоборот, и вопрос и о возможном бытовании ранних германских диалектов и в самой культуре рязано-окцев.

Тем самым результаты ДНК-анализа воина из захоронения Ундрих 2015 яма 90 усиливают аргументацию в пользу прото-русского мультиязычного характера рязано-окской культуры.

* * *

Проект «ДНК-история России» благодарит проект «Сердце Мещеры» и персонально А. Артюхина и Ю. Белоусова за решающий вклад в финансирование исследования.

Также благодарим В. Савранского, В. Крупнова, Н. Макогнову, М. Воинова, А. Молокову, С. Ковалеву, А. Сибинова, М. Комову, А. Шереметьеву, А. Семенова, О. Мокрушину, Е. Олейникову, Н. Липатникову, О. Тиняева, Г. Цветкова, М. Земскова, К. Сметанина, А. Бутина, В. Усанина, А. Майорова, Т. Анисимову, И. Чепайкина, И. Урсову за содействие и поддержку в процессе осуществления данного исследования.

Список литературы

1. Веселовская Е.В., Гаврилов А.П., Васильев С.В. Погребение воина из комплекса Рязано-окских могильников Ундрих 2015. Археологические параллели, антропологическая реконструкция // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 248-273.

2. Воронятов С.В. Рязано-окский комплекс культуры длинных курганов // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. СПб., 2014

3. Гаврилов А.Н. пережитки женских культов в Шиловском районе. Этнография и фольклор Рязанского края. (Первые лебедевские чтения). Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1996 г. с.105.

4. Гаврилов А.Н. Работы в Шиловском, Путятинском и Чучковском районах Рязанской области – 50 Археологические открытия 1983 года.// М.: 1985. С 50.

5. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР. 1955.

6. Городцов В. А. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. Результаты археологической экскурсии, совершенной по поручению и на средства Императорского Московского археологического общества в 1895 году//Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове 1902 г. Т. I. М., 1905. С. 515–672.

7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978. – Т. 1. – С. 118–119.

8. Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных – Зарайск, т. 4, 1891.

9. Откупщиков, 2015 – Откупщиков Ю. В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балтославянские исследования XVI : сб. науч. тр. М. : Изд-во «Индрик», 2015. С. 83–114

10. Оленев М.Б. История сел и деревень Рязанской области. Кон. XVI – 1-й пол. XVIII вв. (Старорязанский и Окологородный станы) // Сборник справочных материалов по истории Рязанского края // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Т. 39. – Кн. 1. – Рязань, 2014. – С. 228.

11. Фролов. А.Н. О следах древнего финно-угорского языка в говоре жителей деревни Кладьково Воскресенского района Московской области / Гл. ред. С.С. Михайлов – М.: Рус. деревня; АИРО-XXI, 2013. – 320 с.

12. Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края 14 – 17 веков. – Рязань, 2005. – Т. 4. – С. 219–220;

13. Aleksandr P. Gavrilov, Aleksandr S. Semenov. Culture of Ryazan-Oka Burial Grounds. Results of the study of the Undrich Complex. European Researcher. Series A, 2022. 13(1): 16-41

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Сказы окрестностей с. Борок и м. Ундрих. (А.Н. Гаврилов, А.П. Гаврилов. Легенды и предания Шиловского района 2021. Мещёрские сказы, № 6)

Топонимика окрестностей с. Борок сильно детализирована, и каждый лесок и болотце имеет там своё название, есть оно и у различных мест. Большую часть междуречья занимает дюна, которая носит название «Белые бугры». Белым всегда называется что-то святое. На дюне этой расположен «городок», который является раннесредневековой крепостью. По рассказу, в нём жил какой-то князь с дочкой. Пришёл к ней раз свататься жених, да только не люб он ей был, вот начал он городок тот штурмовать, а дочка переделалась простым воином, так и погибла во время штурма. (А.Н. Гаврилов, А.П. Гаврилов. Легенды и предания Шиловского района 2021 Мещёрские сказы, № 6).

От городка идет огромная насыпь, которую знающие называют большой дорогой, и считалось, что если дурак пройдет по ней в нужный день и час, то станет умным, а уж умный и вовсе многим овладеет. Ведет эта дорога к месту, которое зовут святилище, и состояло оно раньше из шести холмов, пока безумные люди один из них не срыли на песок. Святилище это исследовала специалист Института Космических технологий Ольга Ткаченко и нашла там радиационную аномалию. Археолог из ГИМа Илья Ахмедов, во время раскопок обнаружил на этом месте древние украшения и глиняные фигурки. Весь комплекс Белых Бугров огибает древнее русло Пары, Старицы, Бокино. Плавно переходящие в местечко Наврис,

где имеется поселение эпохи бронзы, а местные знающие всегда туда на Троицу ходили, траву собирать. Рядом с Наврисом расположено маленькое озеро Верженец, над которым по местным преданиям видят призрачные фигуры.

За Наврисом возвышается «Воронья гора», под которым раскинулось озеро «Кужоха», что по финно-угорски значит «озеро на поляне». Знающие окрестных сел говорят, что иногда два ворона приносят на гору Бога, где его можно спросить о чем-то. Старики рассказывают, что раньше там была птичья коновязь ... но потом её порушили. Про само озеро Ундриха, на берегу которого расположен могильник, откуда происходят палеобразцы ДНК, легенд и преданий бытует множество. Рассказывают, что некий разбойник бросил туда бочку с золотом, но увидеть её может только человек с чистым сердцем и помыслами. Иногда на озеро прилетает пить воду крылатый конь, а по глади воды плавает золотой челнок с Богом внутри. К Востоку от него имеется местечко «Медный котёл», названный так по находке этого самого котла. В этом месте когда-то был брод через Тырницу, и проходит дорога, по которой иной раз видят тысячу скачущих всадников, которые, проскакав могильник Ундрих, взвиваются вверх и уносятся на небо.

Вдоль озера Ундриха растут раскидистые дубы, а между ними лежит большая поляна, где собирается совет Высших. Рассказывают иногда люди, что видят костёр, около которого сидят живущие, ну по-современному разные такие, а по старинушке Боги: тот, кто увидит этот костер обычным человеком уже не станет, тот кто сядет к нему может считаться необычным человеком Вардой, знающей, ведающей. Так же в Борке рассказывали, что место это не совсем обычное. Жила там мордва, жила

очень богатая. Царь их стал прижимать, воли не давать, и они ушли на Тамбовщину. А когда уходили, то спрятали свои сокровища.

А ещё на самом Ундрихе атаман Терех, что на Тереховской горе жил – бочку с золотом спрятал. Спрятал, да и заговорил: всплывай раз в год та бочка из воды, но увидеть её может человек с чистой душой. Сколько уж людей хотели и мордовские сокровища найти и бочку Тереха – всё попусту: может, и нет их вовсе, а может, так сильно заговорены.

Запись 1976 г от Климовой С.М.1914 г.р.

«За Ундрихом есть низина я ещё помню там озеро Килькиху, что значит Берёзовое озеро, далее в полях до «Крутого леса» разбросано множество маленьких круглых озёр. Далее, лежит живое лес-болото Алдонин карёк, из которого по ночам огненные шары вылетают, а на ином его берегу местечко (описанное Городцовым в 19 веке) «Красные кусты». Говорили, что упал туда крылатый конь-дракон... Злым колдовством изведенный, и кто место то потревожит – великое зло разбудит для людей». В Шилово в 1965 году Кирсановой Н.И 1880 г.р. была записана легенда о Мордовском князе, который жил в с. Борок, Кирсанова подчёркивала, что у нас-то в Шилове русские жили, а в Борке-то мордва. Легенда рассказывает о том, что жена этого князя была колдуньей, и умела превращаться в птиц и зверей, и однажды ей приснился сон, что русский царь хочет мордву воевать, и спасти их может только сабля, которую выкует одноглазый кузнец. Выковал тот саблю, а колдунья говорит: «Муж мой, бери саблю, беги на улицу и пронзай первого встречного, кто бы ни был он, тогда победишь русского царя». А русский царь уже войной собирается. Схватил князь саблю и побежал

на улицу. Видит – навстречу ему его единственный сын, и сразу воткнул князь в него саблю, а когда осознал, что сына убил – диким голосом закричал – и сломал саблю. Так и не смогла борокская мордва от русского царя защититься. Сергеева Марфа Васильевна 1923 г.р. из с. Борок в 1991 году рассказывала: что знающие колдуньи копали там мечи, ну чтобы нечисть бить, болезни лечить, опять же трава срезанная таким мечем сильнее. Выкупают, в Тырнеце помоют, в Паре помоют, вроде как переродиться он.

Интересна и записанная от Байкиной Павлины Никитичны 1908 года рождения из с. Борок легенда о медвежеголовом Ангеле Смерти по имени «Ые». Очень четко в селе Борок различали «живущих» к которым относили всех русалок, леших и домовых т.д., а также «знающих», которыми называли колдуний и ведьм. (Орлова Анна Яковлевна 1913 г.р., Борок 1993.) Чуть менее, чем в с. Тимошкино, в Борке говорили и о Чамке-русалке, о которой рассказывала Ионкина Наталья Егоровна 1935 года рождения. Со слов Моториной Ульяны Матвеевны 1908 г.р., было записано, что для знающего – любой горящий огонь, это как окно на тот свет, и через него колдуньи могут с мертвыми разговаривать.

Чрезвычайно интересна легенда, записанная в Борке 1982 году от Анны Константиновны Болониной 1906 года рождения, рассказывающая о мальчике Торопышке, в котором нашли отражения представления о Боге-Торе. Мол родился у одной бабы малец, да плаксивый больно, может напугали его, ну мать ему в колыбельку-то ножик положила. А после понесла его к монашке крестить в лес, та его окрестила в озере то, да вместе с ножиком. Глядь потом, а ножика нет. Вот и стал мальчик ножиком, а ножик

мальчиком. То пеленки да колыбелька вся порезанные у него. А подрастать стал – пошлют его дрова колоть, он наколает да без топора. Ударит рукой – только щепки летят. В лесу напал на него волк, так он его задрал руками голыми. Звали то его Торопом наверно, так как мать его Торопышкой кликала. Ну рос он, и ножик в нем рос. Да тут война большая началась... Далее рассказчица прервала рассказ. Очень своеобразным является и «Словославие» записанное от жительницы села Борок в 2003 году Белоглазовой Полины, в котором говорится о матушках-хранительницах разных мест ... «Слава верным всем, Пресвятой Богородице Матушкам, и верным им хранительницам! Слава хозяйкам лесным, полевым, лугов, речным, ручейным! Слава матушкам ключей, колодезей, озёр да болот!» – «Незримых вод подземных, да небесных...» Так же в Борке было записано сказание о чинах ангельских от Братосюк Евдокии Ивановны 1918 г.р. в 1999 году, в котором она напрямую проводила параллель между русалками, лешими и ангельскими чинами.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА РЯЗАНО-ОКСКИХ ФИННОВ ИСАДЫ 1 В 2011-2012 ГГ.

Иванов Дмитрий Александрович,
зав. сектором "Поле Вожской битвы" ФГБУК "РИАМЗ"

Буланкин Валентин Матвеевич,
археолог

Киселев Валентин Юрьевич,
*старший лаборант средневековой археологии
Института археологии РАН*

Настоящая работа призвана пополнить новыми данными источниковедческую базу по изучению материальной культуры поселенческих памятников культуры рязано-окских могильников, которая в отличие от погребального инвентаря, изучена довольно слабо.

В 2011-2012 гг. ГУК «Центр сохранения объектов культурного наследия» (г. Рязань), в рамках проведения историко-археологических разведок на территории родовых владений руководителя Первого (Рязанского) ополчения эпохи Смутного времени П. Ляпунова исследовал округу с. Исады Спасского района Рязанской области. Одним из объектов исследования стало поселение Исады 1.

Памятник располагается в урочище «Красная горка» на южной окраине села, занимает мыс очень высокого (до 40 м) коренного правого берега р. Ока при впадении в него оврага с ручьем. Поселение выявлено в 1996 г. И.Ю. Стрикаловым, по данным которого памятник содержал материалы раннего железного века и позднего

средневековья, при этом дославянский материал концентрировался на оконечности мыса, на площади около 50 x 70 м. Общие размеры памятника составляют около 180 x 120 м.

При повторном обследовании поселения в 2011–2012 гг. на стрелке мыса было заложено 2 разведочных шурфа общей площадью 17 кв. м и сделана зачистка разрушающегося обрывами культурного слоя на протяжении 14 м.

Изученный культурный слой мощностью до 65 см сильно поврежден хозяйственной деятельностью в XIX–XX вв., однако был насыщен археологическими находками разных периодов. Полученный материал показал, что поселение является многослойным памятником, который заселялся людьми в эпоху средней и финальной бронзы, в эпоху раннего железного века и раннего средневековья в XIII–XIV и XVI–XVIII вв.

Комплекс материалов, связываемых с поселком рязано-окских финнов, представлен фрагментами глиняной посуды и небольшой коллекцией вещевых находок, происходящих по большей части из нижней части культурного слоя памятника. Керамика насчитывает 674 фрагмента, что составляет около 15, 6 % от общего количества найденных фрагментов.

Вся посуда изготовлена ручным способом и делится на две основные группы: керамика без дополнительной обработки поверхности и лощеная керамика.

Лощеная посуда представлена 28 фрагментами, что составляет 4, 2 % от всей рязано-окской керамики, собранной на поселении (рис. 1). Керамика плотная прочная, без орнамента, внешняя поверхность черного, реже коричневого цвета, лощение тщательное, толщина стенок в пре-

делах 4-6 мм. По общим пропорциям сосуды близки к категории мисок с округлым сфероконическим туловом и высоким прямым наклонным, реже слабоизогнутым венчиком (рис. 1: 1-8, 10-12). Один лощеный сосуд выбивается по своим морфологическим признакам из общего ряда мисок. Он имеет короткий прямой почти вертикальный венчик, резко переходящий через пологие плечики в слабовыпуклое тулово без орнамента (рис. 1: 9).

Керамика без дополнительной обработки поверхности (646 фрагментов) численно доминирует в коллекции, составляя в ней 95, 8 %. Посуда изготовлена из ожелезненных глин с примесью шамота. Как исключение встречаются фрагменты сосудов, в состав формовочных масс которых дополнительно добавлялась мелкая дресва или песок. Поверхность черепков коричневого, темно-серого, серо-коричневого цвета, в большинстве случаев хорошо и тщательно заглажена. Толщина стенок колеблется в пределах 4-8 мм, с преобладанием 5-7 мм.

Преобладающая категория посуды в данной группе – это горшок с высоким прямым немного отогнутым наружу венчиком, плавно переходящим в слабовыпуклое тулово (рис. 2: 2-14; 3; 4; 5: 1-5). Значительно реже встречается посуда с резким переходом венчика в сфероконическое тулово (рис. 2: 1; 5: 6, 7). Днища сосудов плоские простые и с выделенной закраиной (рис. 5: 8-11). Два фрагмента несут на себе следы ремонта в виде проделанных в стенке черепка отверстий (рис. 3: 1; 4: 9), еще четыре фрагмента от длительного высокотемпературного воздействия имеет ошлакованную поверхность.

В коллекции примерно в равных долях присутствуют как горшки без орнамента, так и декорированные горшки (рис. 2-4; 5: 1-11). Орнаментация бедная, чаще всего на-

носились на край венчика. В качестве ведущего элемента декора использовались насечки, нанесенные на поверхность вертикально или наклонно, в ряде случаев насечки образуют группы. Один фрагмент венчика по краю украшен наклонными оттисками перевитой веревочки. Еще один сосуд помимо украшенного края декорирован по плечу прочерченным зигзагом (рис. 3: 4, 5).

Ассортимент посуды без дополнительной обработки дополняют сковороды и блюдцевидные сосуды. Сковороды изготовлены из ожелезненной глины с примесью шамота, внутренняя поверхность хорошо заглажена, бортик низкий, немного скошен внутрь, диаметр найденных сковород в пределах от 10 до 23 см (рис. 5: 15, 16, 18-20). Один экземпляр имеет совсем миниатюрные размеры (5 см) и, вероятно, использовался в качестве детской игрушки или в ритуальных целях (рис. 5: 17). Блюдцевидные сосуды отличаются от сковородок немногим большей высотой бортика и закругленными у донца стенками (рис. 5: 12-14).

Комплекс вещевых находок с поселения представлен преимущественно бытовыми и хозяйственными предметами, изготовленными из глины. Это пряслица цилиндрической, биконической и боченовидной форм (рис. 5: 21, 22, 24, 25), «хлебцы» (рис. 5: 23), фрагмент трапециевидного грузика (рис. 5: 26). К элементам женских украшений относится медная трапециевидная подвеска (рис. 5: 27). Примечательно, что для ее изготовления была использована часть другого украшения, декорированного несколькими рядами характерного мелкого пуансонного орнамента, возможно, от нагрудной бляхи с крышкой.

В целом, полученный материал характерен для древностей рязано-окских финнов развитого и позднего эта-

пов, предположительно, может датироваться IV-VII вв. Как и большинство известных на правобережье Средней Оки поселенческих памятников этого времени, поселение Исады 1 занимает мысовидную площадку на высоком коренном берегу. Исследованный памятник расположен в самом центре целого куста одновременных грунтовых некрополей центральной группы могильников (Еремеевский, Никитинский, Шатрищенский, Киструсский, Облачинский, Дуброво-Срезневский, Бортниковский), один из которых вполне мог бы быть родовым кладбищем его жителей.

Литература и архивные источники

Буланкин В.М. Отчёт о проведении археологических разведок на территории Рязанской области в 2011 г. // Архив ИА РАН.Р-1.

Буланкин В.М. Отчёт о проведении археологических разведок на территории Рязанской области в 2012 г. // Архив ИА РАН.Р-1.

Стрикалов И.Ю. Отчёт о разведках в Спасском районе Рязанской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

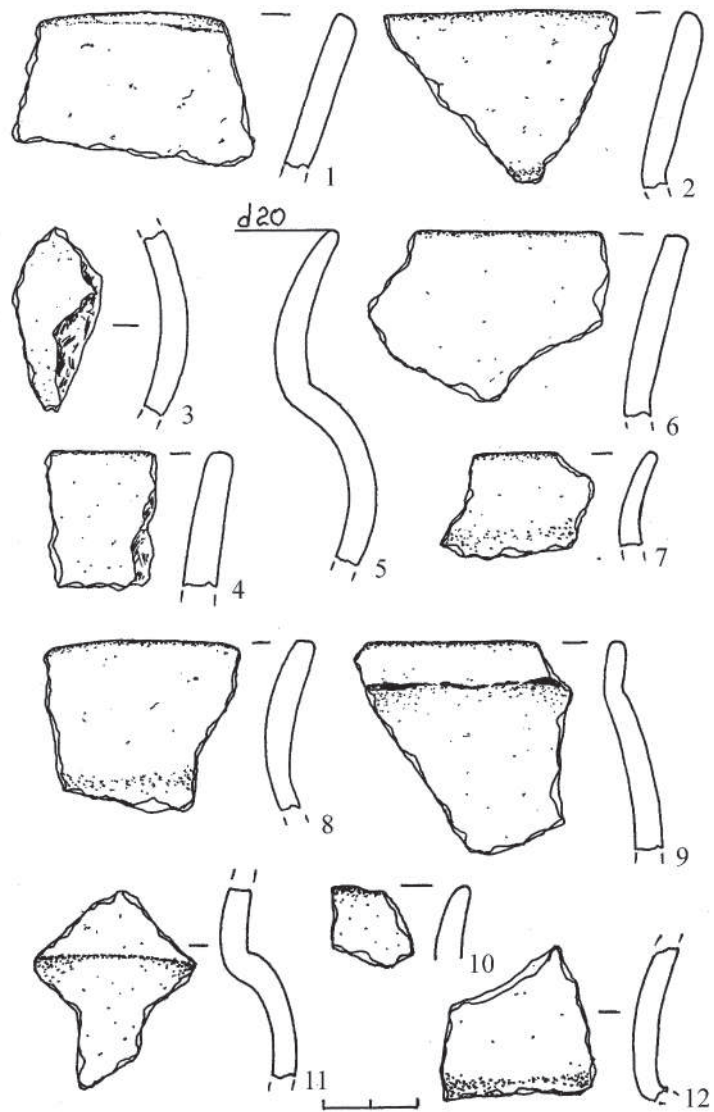

Рис. 1. Исады I поселение.
Фрагменты лепной лощеной посуды

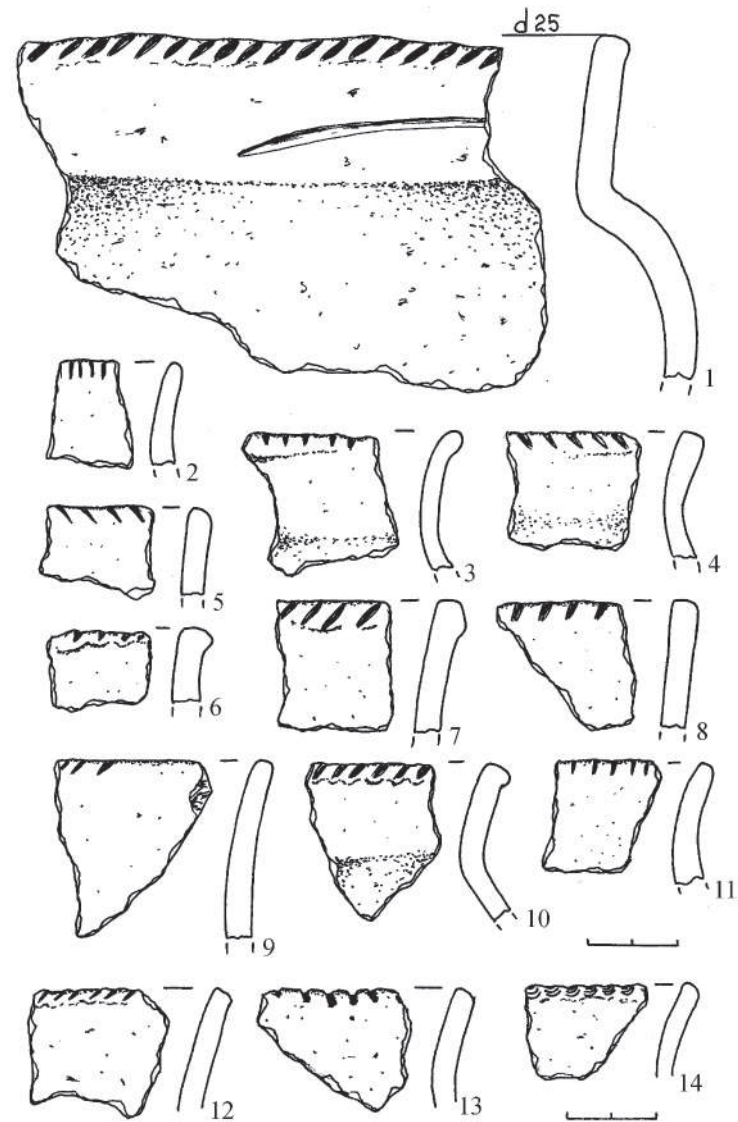

Рис. 2. Исады I поселение.
Фрагменты лепной посуды

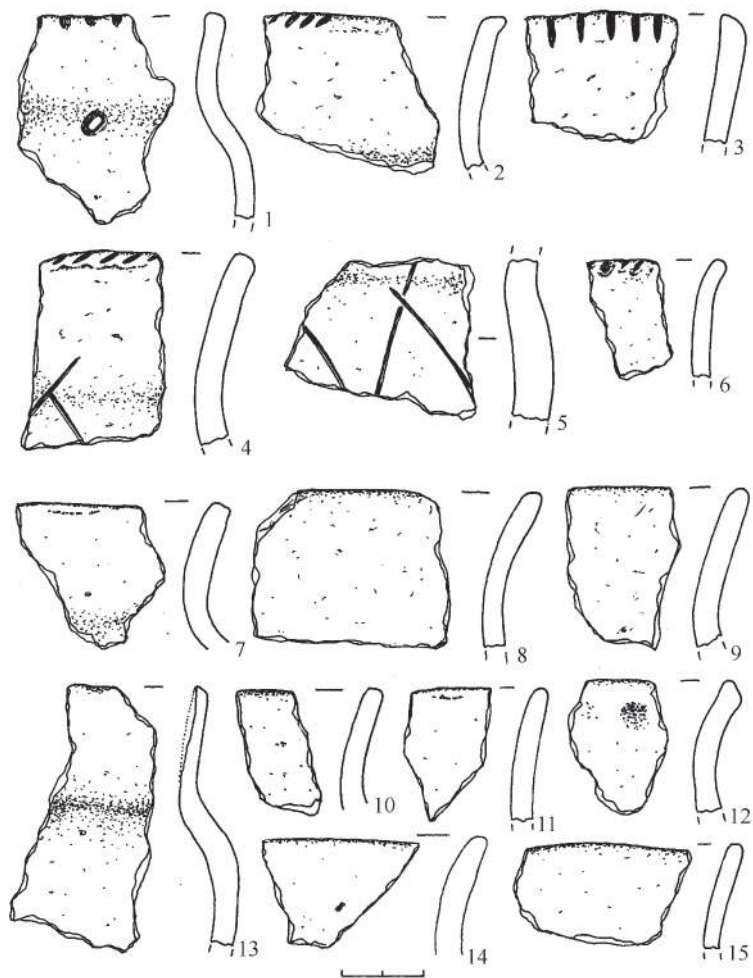

Рис. 3. Исады I поселение.
Фрагменты лепной посуды

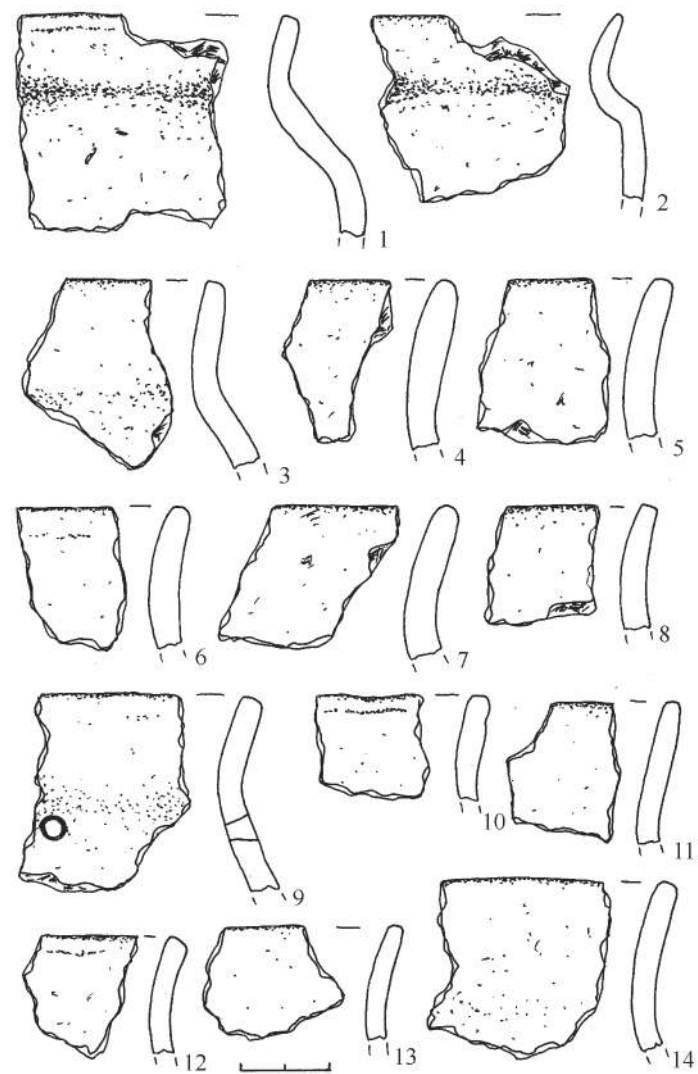

Рис. 4. Исады I поселение.
Фрагменты лепной посуды

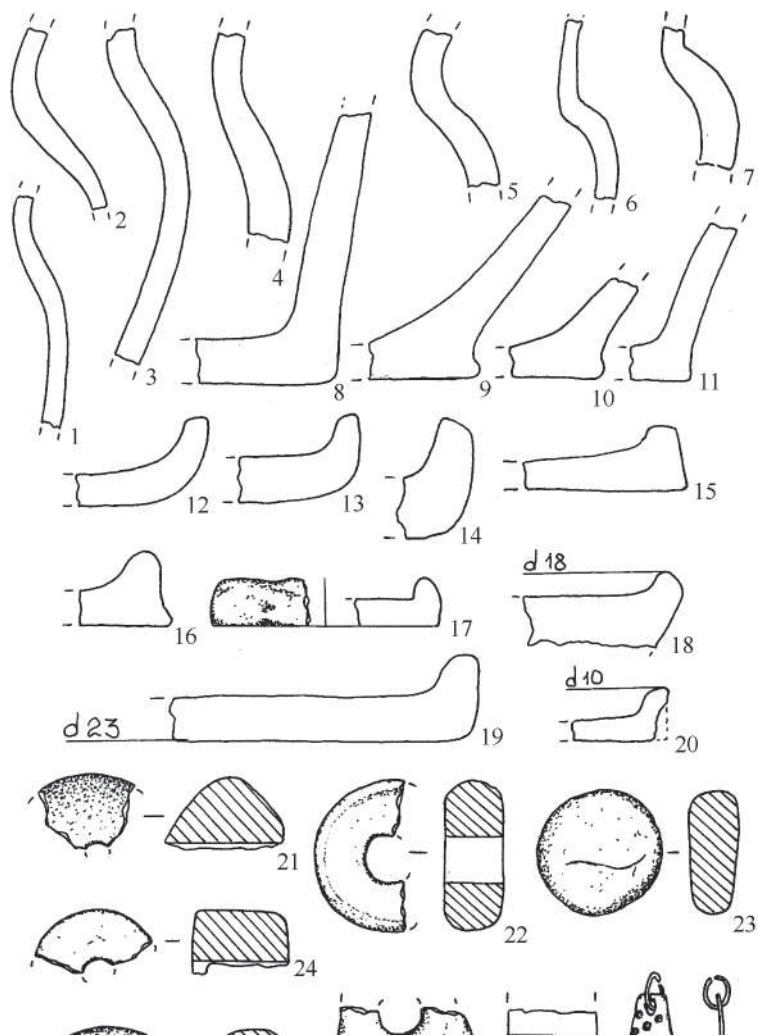

Рис. 5. Исады 1 поселение.
Фрагменты лепной посуды и вещевые находки

К ВОПРОСУ О КОНСТРУКТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МЕЧА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА БОРОК-1/УНДРИХ

Стрельченко Александр Владимирович,

Научно-исследовательский центр
«Военная археология» (Москва – Тула)

Эпоха Великого переселения народов стала важной вехой в истории многих народов и государств на значительных территориях Евразии. В Восточной Европе этот процесс охватил южные и западные её части. Однако исследования археологов 2 пол. XX – нач. XXI в. довольно убедительно доказали, что данный период, пусть и опосредованно, оказывал влияние и на территории, находящиеся в стороне от основных масштабных перемещений племён в тот исторический отрезок времени. В частности, оно прослеживается по материалу археологических культур лесостепной и лесной зон Восточной Европы где был ярко представлен дружинный компонент. По наблюдению исследователей, в вооружении и конском снаряжении местного населения, проживавшего в верховьях Волги и её притоков, прослеживались заимствования от тех племён, с кем происходили контакты. Нередко наблюдалась тенденция к формированию дериватов на основе ранее заимствованных форм. По нашему мнению, подобное можно видеть и на такой категории наступательного оружия, как мечи и палаши. Ниже мы остановимся на одном предмете из древностей культуры рязанско-окских могильников, который вероятно является примером подобной переработки.

В одном из разрушенных погребений могильника Борок-1/Ундрих был найден меч, который ранее уже публиковался. По аналогиям самой находки и сопроводительному материалу, меч датировали 2 половиной V в. н.э. Кроме того, в публикации было отмечено, что у данного экземпляра и полоса клинка, и крестовина изготовлены из сварного дамаска. Однако конструктивным особенностям меча не было уделено должного внимания.

Сама находка дошла в весьма хорошем состоянии. Клинок длиной 81 см, обоюдоострый с параллельно идущими лезвиями, их плавное сужение начинается только в нижней четверти, образуя чётко выраженное острие. Ширина клинка у плечиков составляет 4,8 см. Форма сечения клинка в виде сильно уплощенного шестигранника. Хвостовик рукояти длиной 12 см плавно сужается к своему окончанию. Примерно в 1 см от него имеется сквозное отверстие. Крестовина длиной 8,5 см брусковидной формы. Общая длина меча составляет 93 см.

В данной находке обращают внимание следующие особенности. Первая из них – форма и сечение клинка. Судя по ним экземпляр из Борок-1/Ундрих более всего соотносится с типом позднеримских спат «Иллеруп-Уил» (Illerup-Wihl), встречавшихся в европейском Барбарикуме во 2 пол. III – кон. V вв. н.э. Второй особенностью является отверстие на хвостовике, расположенное почти у самого окончания. Такое чаще встречалось на длинных мечах I пол. I тыс. н.э., реже – в древностях, относящихся к периоду Великого переселения народов. Подобное расположение объясняется тем, что на хвостовик устанавливалась рукоять, которая была в полтора-два раза длиннее самого хвостовика. Мечи с длинными рукоятями появляются в Средней Азии, откуда стали распространяться

в Восточную Европу, где во II – IV вв. использовались, в основном, племенами позднесарматской культуры.

Таким образом обе особенности указывают на сочетание в мече из разрушенного погребения могильника Борок-1/Ундрих двух традиций: германской – выраженной собственно в клинке, и позднесарматской – в расположении отверстия, предназначавшееся, для крепления к хвостовику длинной рукояти. Но исходя из единичности подобной находки, довольно сложно судить о распространённости такой тенденции у длинноклинкавого оружия, использовавшегося воинами культуры рязанско-окских могильников.

ПАНОК: ОБ ОДНОМ ДРЕВНЕМОРДОВСКОМ ТИТУЛЕ

Малышев А.В.

Отдел этнологии МОО «Историческое сознание»

Аннотация: В статье обосновывается происхождение известного в социальной организации древних волжских финнов титула панок, из древних североиранских диалектов скифов и сарматов.

Ключевые слова: скифы, сарматы, волжские финны, меря, мордва, панок, панки.

На протяжении многих веков южными соседями предков волжских финнов были ираноязычные народы степей Восточной Европы. Данное соседство сопровождалось тесными культурными и языковыми контактами. Многие лексические заимствования из древнеиранских наречий скифов и сарматов до сих пор живы в языках финно-угров Центральной России [1, с. 82–106], другие сохранились в легендах и топонимике. Об одном таком заимствовании пойдет речь в этой статье.

В 50-х годах XIX в. родоначальник российской археологии, граф А. Уваров, исследовавший курган Панова могила у деревни Ивановской близ Ростова Великого, зафиксировал местную легенду о том, что: «здесь жил богатырь, воевавший с другим богатырем, жившим в Ростове, который и убил его». При этом археолог особо выделил название этого кургана, вместе с другими курганами именуемыми «паны» и «панские могилы». Не найдя объяснения появлению таких названий древних могил, А. Уваров связал их происхождение с «опустошением литовским» [2, с. 676, 683].

В свою очередь известный исследователь Нижегородчины П. Мельников в «Очерках мордвы», пересказывая легенду об основании Нижнего Новгорода, назвал мордовского вождя Абрама «панком» [2, с. 287]. В работе описывающей поход Ивана Грозного, он вновь привёл этот титул как записанный от мордвы Нижегородской губернии. П. Мельников указал, что легенды о панках он фиксировал в местностях рядом с Варнавиным и в селе Панино (совр. Сосновский р-он), где мордвины рассказали ему, что «отцы их жили независимо и управлялись властителями особой высшей породы». Мельников полагал, что эти панки руководили мордвой и черемисами, строили в их землях города, памятью о которых остались в Нижнем Новгороде «сглаженное» место Панские бугры, Мещерские горы возле Горбатова, древнее городище рядом с Павловым, Саканское городище на реке Тёше, и десятки других городищ и курганов с характерной топонимикой [4, с. 479–481].

Получая сведения о панках, что называется «из первых рук», Павел Иванович, безусловно, осознавал, что панок – это очень древний туземный титул. Но будучи человеком своего времени, с определенным научным кругозором, он сомневался в его финно-угорском происхождении, так как «панок» звучал, в его понимании, «слишком» по-славянски. Пытаясь разрешить для себя и читателя это противоречие, П. Мельников связал наличие такого титула у финно-угров с русами Ибн Фадлана, видя в этих русах славян [4, с. 479].

Несомненно, для исследователя, жившего в XIX в., было «странно» встретить «славянский» титул у финно-угров. Однако и поступиться истиной П. Мельников не мог, найдя наиболее приемлемое, по его мнению, объяснение такому явлению. Известный собиратель фольклора В. Даль, несомненно, получил сведения о мордовских

панках от П. Мельникова. Неслучайно, перечисляя в своем словаре значения, вкладываемые в этот термин великороссами, одним из них указал, что: «Панки, забытые потомки мордовских князей, как мурзы у татар» [5, с. 16].

Уже в XX в. исследователь мордовского фольклора А. Маскаев, изучавший предания нижегородской мордвы опять упомянул о панках. В записанных им легендах говорится, что мордва из района Дятловых гор (устье Оки) переселилась в земли будущей Терюшевской волости «где всякий поселился кто где хотел, строил дом кто как вздумал, стал жить кому как угодно, под властью панков, которые были вроде начальников деревни» [6, с. 311].

Упоминание панков в таком контексте, в разное время и разными учеными говорит о том, что подобный титул действительно существовал у древних финно-угров, и, судя по всему, в средние века мог соответствовать статусу племенного князька или вождя выбранного общиной. Неслучайно в легенде мордовский вождь Абрам отвечает русскому князю: «Я не князь мордовский, а только выборный «панок»... Меня мордва не слушает...» [7, с. 415] Возникает вопрос – откуда к мордве, или их предкам мог прийти подобный, «нехарактерный» для них титул?

Вывод П. Мельникова о заимствовании титула панок (пан) финно-уграми у «русов-славян» понять можно, настолько глубоко в общественном сознании, до сих пор превалирует мысль о западнославянском происхождении термина пан. Тот же В. Даль указывал, что в разных русских губерниях панами называли сосланных пленников ляхов и литву [5, с. 16], и это, безусловно, является весомым аргументом. Однако и «ляхи» и «литва» появились на Руси сравнительно поздно, отсюда, вероятно, и следует попытка П. Мельникова объяснить появление у предков

мордвы «панка» контактами с «русью Ибн Фадлана» описанной в IX в.

Этот «западнославянский» стереотип настолько силен, что и современные исследователи, изучающие предания территорий, где когда-то расселялись финно-угры, столкнувшись с упоминанием в этих преданиях «панов» или «панков» также пытаются объяснить данный феномен заимствованием из языка какой-либо отрасли западных славян [8]. Другие исследователи, «не мудрствуя лукаво», толкуют происхождение географических названий Паны и Панки в своей местности, взаимодействием пришлого славянского и коренного финно-угорского племен, происходившим в течении XI–XIV вв. [9, с. 6].

Известно, что в западнославянских языках пан – это форма вежливого обращения, употребляемая в значении «господин». В форме пан слово существует в южнославянских языках в значении «правитель, наместник». В русском летописании оно впервые зафиксировано в XIV в. в актовых документах Галицко-Волынского княжества: «А при том были митрополит кїевскїи Кипрїанъ, владыка перемысльскїи Ларїонъ и князь Андреи Ярославовїчь и панъ Васко и иных бояр много было при том» [10, с. 663–664]. Отсюда, очевидно, и родился вывод о том, что термин пришел из Польши в западные земли Руси, а потом и в другие области Русского государства. При этом распространялся достаточно долго и М. Фасмер полагал, что на север России это западнославянское слово было занесено староверами, то есть уже после второй половины XVII в. [11, с. 195]

Действительно, в русском фольклоре Архангельской области мифологические «паны» предстают гонителями «чуди» [12]. Однако древность преданий о сказочной

«чуди» заставляет усомниться в версии западославянского заимствования. Упоминание панов в связке с чудью говорит о том, что они являются, по меньшей мере «ровесниками». В фольклоре Заонежья «паны» представлены или как разбойники, или как предки некоторых групп местного населения, создававшие городища и замки «с огромными воротами, на возвышениях, при реках и вообще в местах, по большей части неприступных» [13, с. 113]. О том, что часть населения Обонежья и Присвирья воспринимала панов как своих предков, свидетельствует местный обычай их поминовения [14, с. 422].

Если вернуться в Центральную Россию, то в XIX в., в землях Ростова Великого, этнограф А. Титов записал местное предание о том, что «здесь когда-то жили паны», и были они: «...одноглазые, одноногие и однорукие великаны, обладавшие непомерной силой и ловкостью: перекидывались топорами ...бегали, взявшись цепью за руки, от городца до городца в 3 минуты; от народа жили особняком; насыпали городцы, а под ними ходы рыли, где и хранили клады; они сильно обижали народ и принуждали его прятаться в леса. С течением времени, число панов становилось все меньше и меньше...» В другом месте он приводит легенду о селе Непотягове разрушенном «панами», после которых осталась местность «Панинские бочаги» [15, с. 120, 123].

В городе Городце Нижегородской области записана легенда о панах, в которой говорится, что: «Городец – русский город, древний. Но раньше тут жили не русские. Кто это был, уже неизвестно. А у нас их называют паны. Паны были великаны, сильные. А потом умерли. Место тут есть такое – Пановы горы. Тут на берегу Волги они схоронены. Кости у них огромные, видно их иной раз, когда бугор

подмоет» [16, с. 141]. В другой местной легенде говорится, что здесь: «в седую старину жило могучее племя воинственное Панов, на левом обрывистом берегу Волги от реки Яхры до реки Белой. Мужчины этого племени ходили в дальние походы и возвращались с богатой добычей. Густые леса укрывали панов от врагов, а под холмистой грядой полноводная река поила и кормила людей этого племени» [17, с. 17–18].

Этнограф В. Смирнов, изучавший легенды Костромской губернии, также упоминал «о каких-то панах». При этом он, следуя своим предшественникам, хотя и связывал упоминания этих панов с шайками поляков и литвы, тем не менее, отмечал, что ряд элементов этих преданий говорит о том, что сложились они в более раннюю эпоху, чем Смутное время. Кроме того, что паны – это, как правило, разбойники, и вдобавок люди крупного телосложения, – В. Смирнов отмечал, что из местности в местность повторяется легенда о том, что «паны – старинные люди, до наших дедов жили», или «паны – это не нашей веры люди, которые когда-то в старину неожиданно и неизвестно откуда появились...» С панами, по его мнению, связаны и многие костромские топонимические легенды: озеро Паново, в которое побросали мертвых панов, «Панские станы», «Панова гора», просто «Паны», или поляна под названием «Панщина», где жили какие-то панки. Этнограф отмечал, что: «Особенно много рассказов о панах в поволжских уездах... Многочисленные курганы с названием «паны», «панки», «панские могилки» рассеяны по всем уездам Приволжья» [18, с. 27–30].

Двигаясь на восток от нижегородских и костромских пределов, мы узнаем, что в мифологии народа коми Пан (Пам) – это жрец, верховный вождь. Под таким именем в

«Житии святого Стефана...» – древнерусском памятнике агиографической литературы, выступает главный противник Стефана Пермского в его миссионерской деятельности, верховный жрец древних пермяков. Епифаний Премудрый, автор «Жития...», говорит, что Пан: «... некий волхов, чародеевный старец, лукавый мечетник, нарочит кудесник, волхвам начальник, обавникам старейшина... его же древле перьяне нехрещении чтяху паче всех прочих чаровник, наставника и учителя себе нарицающе его» [19, с. 6]. И хотя в словаре М. Фасмера приводится мнение, что в коми язык слово пан пришло из русского [11, с. 195], мы все же позволим себе усомниться в этом, основываясь на значительно большей древности легенд народа коми, составленных задолго до прихода в их края русских переселенцев.

В легендах паны описываются или как предки, или как противники предков, обладающие невероятной силой и сверхъестественными способностями. Очевидно, что этот термин был в ходу у финно-угров, задолго до появления в их краях «ляхов» или старообрядцев, и со временем перенесся на захоронения этих панов. Дело в том, что упомянутый выше А. Титов указывал, что в окрестностях Ростова существовало несколько групп курганов называемых «паны» [15, с. 42–43]. Добавим, что не только там – например, в предместьях Суздаля и теперь известен курганный могильник Панки [20].

Еще в 1878 г. А. Кельсиев, участвовавший в раскопках, в окрестностях Ростова Великого, писал по этому поводу: «Меня давно занимало широко распространенное название курганов: паны, панки, панские или пановы могилы, равно и обилие деревень с такими названиями в местностях, где встречаются курганные кладбища. В подмосковных

областях эти названия можно было бы объяснить присутствием поляков, но употребление для курганов того же названия даже в Олонецкой и Архангельской губерниях, где поляки никогда не были, заставило меня предполагать в звуке пан нечто иное, – именно, у исчезнувших языческих инородцев это слово не означало ли кладбища, смерти предка, загробного мира и т.п.» [21, с. 11]

Догадку археолога подтвердили лингвисты, разъяснив, что: «по-весьски или по-чудски, “панен” значит класть, полагать, а “пангед” – могила; по-карельски “панап” – хоронить; по-мордовски у мокши “панда” значит холм, курган, могила, у эрзи “пандо” – гора, могила, холм» [15, с. 51].

В середине XX в., эстонский филолог Ю. Мягисте также связал топоним «паны», «панки» с финским и карельским *panna* и вепским *panda* – «класть». Он производил их из архаичного финно-угорского термина – *pāNä – «вершина», «голова», «холм». Однокоренное вепское слово «*maharanend*» означает – «похороны», дословно – «в землю положение» [22].

Известный реконструктор мерянской лексики лингвист О. Ткаченко также указывал, что курган в мерянском языке звучал как *pano (от *pane – класть) [23, с. 116].

Опираясь на выводы лингвистов, археолог Е. Горюнова также в свое время указала, что названия курганов «паны» и «панки» можно объяснить корнями финно-угорских языков, и предположить, что оставлены они народом, обитавшим до прихода славян в районах Ростова Великого и Переславля-Залесского, возможно мерей [24, с. 61].

Топонимика действительно везде сопутствует легендам о панах, и даже выходит за пределы распространения легенд. На территории Заонежья, в тех местах, где бытуют

предания о панах, отмечены топонимы Пан-камень, Панская Гора [8]. В Подмосковье были известны Панки (ныне г. Люберцы). В средневековье в самой Москве существовал топоним Замоскворецкие Паны. В Нижегородской области есть селения Панино, Паново, Паново-Леонтьево, Паново-Осаново и деревня Круглые Паны, а также многочисленные микротопонимы: овраг Паниха (Дальнеконстантиновский р-он) [25], Паняв угол (г. Кулебаки) [26, с. 52], овраг и часть села Панино (Бутурлинский и Сергачский р-оны), болото Паниха (Княгининский р-он), Панкин усад и гора, Пановская вершина и дорога (Дивеевский р-он), Пановы лес и улица, и улицы Пановка и Пановский овраг, Панская стрелка и Панской враг, поле Паняй (Арзамасский и Лукояновский р-оны) и др. [27, с. 8–11]. Топонимы с корнем -пан есть во Владимирской, Ивановской, Ярославской, Вологодской, Костромской, Тульской областях, в республике Марий-Эл, в республике Мордовия.

Из вышесказанного можно заключить, что термин пан был известен по всей территории Верхнего и Среднего Поволжья и, очевидно, существовал здесь задолго до появления славян. Только длительное противостояние Руси с Речью Посполитой, кульминацией которого была польская интервенция XVII в., сделалось причиной того, что термин пан стал ассоциироваться с поляками.

Возникла так называемая «абerrация близости». В том смысле, что исследователи стали связывать происхождение названий и терминов с корнем пан с западнославянским титулом пан или производными от него, игнорируя возможность существования такого слова у финно-угров ставших одним из основных субстратов русского населения центра Европейской России. Кстати сказать, коснулась

эта абerrация и исследований некоторых современных ученых [28].

Термин пан был известен финно-уграм с глубокой древности. При этом первоначально, вероятно, именно в том значении, в котором его знают теперь западные славяне – «господин». Паном, или панком волжские финны называли своих вождей, и это название перенеслось потом на могилы вождей – курганы. При этом и у финно-угров и у предков славян был общий источник заимствования.

Рассмотрим, откуда пан (бан) появился у западных и южных славян. Лингвистические исследования позволяют утверждать, что слово «пан» восходит к праславянскому *gъpanъ, происходящему от скифского **gipān(a)* (ср. с древнеиранским *gaupana – «оберегающий, пасущий скот, коровий пастух»). Слово стало известно предкам славян в эпоху контактов их со скифами в последние века до н. э., что подтверждается наличием в старочешском языке слова «пан» в форме *hpan* [29, с. 197–198]. Затем «жупан» закрепился у праславян посредством сарматов в первых веках нашей эры [30, с. 174]. Лингвистика позволяет говорить о заимствовании этого слова предками славян в первой половине I тысяч. н. э. у воинственных скифских наследников – сарматов.

Но хорошо известно, что и скифы и сарматы в Среднем Поволжье активно взаимодействовали и с предками финно-угров, причем началось такое взаимодействие гораздо раньше, нежели взаимодействие степняков с предками славян.

И те и другие проникали в среду древних финно-угров, а представители городецкой культуры (предки волжских финнов) расселялись среди скифов [31]. По мнению

лингвистов, контакты индоиранцев и финно-угров начались уже в V в. до н. э., и были долгими и двусторонними, о чем свидетельствуют мордовские заимствования в осетинском языке [1, с. 92]. При этом в первых веках нашей эры предки волжских финнов – городецкие племена Поволжья подверглись массивированному вторжению народов сарматского круга, которые в короткое время покорили лесные племена и стали править среди них [32, с. 47; 33, с. 1–13].

Это завоевание привело к возникновению культуры рязано-окских могильников. Представители рязано-окцев распространили свою власть и влияние на все волжско-финские племена будущей Центральной России. Они проникли на Верхнюю Волгу, их следы отмечены в Волго-Камье, и археологи не сомневаются, что рязано-окцы доминировали в системе культур Центральной России [34;35;36;37].

Кроме археологии правление сарматов подтверждают и предания. В. Татищев приводит легенду о древней Сарматии в Окско-Волжском междуречье, при этом называет ее «Белой Россией». Он пишет, что: «древние наши писатели под именем Белой России разумели Польский и Мезьянский, или Суздальский предел... границы сей части простирались на север до Великой России на Волгу, на восток до Югров и вниз по Волге до устья реки Оки с Мордвою, на юг до Оки же с княжеством Рязанским и Болгарами, а потом до реки Воронежа. Престол древнейший со времён Сарматских государей в сей части был град Шуя» [38, с. 519–520].

Финно-угры многое унаследовали от ираноязычных степняков, неслучайно ученые-историки XVIII–XIX вв. считали их «сарматским» народом. В. Татищев, и вслед за

ним М. Ломоносов считали европейских финно-угров потомками скифов и сарматов, и всерьез обосновывали этот вывод [38, с. 400; 39, с. 68–69]. В «Российском географическом словаре» самого начала XIX века сказано: «Меря, или моруа, народ Сарматский... ныне же известны они под именем Мордвы» [40, с. 238].

Эти версии нашли свое подтверждение в наше время: современные исследования говорят о том, что генетически часть скифов и сарматы были похожи на современную мордву и народы Северного Кавказа [41].

Финно-угры многому научились у северных иранцев, начиная от приемов ведения хозяйства и заканчивая металлургией и военным делом, и восприняли от воинственных соседей социальные структуры. Так, одним из терминов общественной иерархии, стало у предков мордвы обозначение господина азор (ар., инд.-ир. asura). Другим, ему подобным, безусловно, является пан (ар., инд.-ир. gau-rana). Титул азор, древнее, и был заимствован в период древнейшего этапа контактов финно-угров с индоиранцами, который согласно Н. Бутылову происходил во II тыс. до н.э. [1, с. 116].

Следующий этап проходил в I тысяч. до н.э. – первых веках н.э., и его Н. Бутылов назвал скифо-сармато-аланским. На этом этапе к волжским финнам и пришел титул пан. Сарматоидные племена Прикамья принесли его к предкам мерян, марийцев и мордвы. Этим и объясняется его распространение от берегов Камы до Волжско-Окско-Сурского междуречья.

Можно допустить, что пришлые паны правили финно-уграми, будучи, вероятно, на первых порах завоевания отдельной кастой, что и отразилось в легендах. Они и принесли на Среднюю и Верхнюю Волгу обычай курганного

захоронения. Ассимиляция пришельцев местным населением привела постепенно к тому, что курганные захоронения сменились грунтовыми погребениями, а термин «пошел в народ», и стал общераспространенным, чтобы впоследствии, с приходом тюрков и славян уйти в легенды, сменившись на «мурза» и «князь».

Отсюда мы видим, что финно-угры узнали слово пан гораздо раньше западных славян, и в частности «ляхов» (поляков), к которым он пришел в первых веках I тысяч. Спустя много веков волжско-финский и западнославянский «паны» «встретились» в Среднем Поволжье, западный, в виде действующего социального термина, а восточный в виде легендарного.

Список литературы

1. Бутылов Н.В. Иноязычная лексика в мордовских языках (индоевропейские заимствования). – Саранск, 2006. – 220 с.

2. Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам/Труды Первого археологического съезда в Москве в 1869 г. – М., 1870. – 712 с.

3. Мельников П.И. Очерки мордвы/Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский). Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. – Н. Новгород, 2011. – С. 279–385.

4. Мельников П.И. Путь Иоанна Грозного/Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский). Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. – Н. Новгород, 2011. – С. 472–495.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том III (П). – М., 1955. – 556 с.

6. Маскаев А.Н. Мордовская народная эпическая песня. – Саранск, 1964. – 438 с.

7. Мельников-Печерский П.И. Очерки мордвы/ПСС. Т. VII. – СПб. 1909. – С. 410–484.

8. Агапитов В.А. Предания о «панах» и топонимия Заонежья. Электронный ресурс URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1621.html> дата обращения 01.08.22.

9. Яблоков А.В. Особенности сложившейся топонимической системы на территории Ивановской области: дипломная работа / Науч. рук. проф. К.Е. Балдин. – Иваново. 1994. – 11 с.

10. Купчинський О. Акти та документи Галицько-Волинського князівства. Дослідження. Тексти. – Львів. 2004 – 1283 с.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Том III (Муза-Сят). – СПб., 1996. – 832 с.

12. Этнографические материалы. Валдиево (сельский приход Каргопольского уезда)//Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 46.

13. Чудские предания и предания о «панах»//Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. – Петрозаводск, 1867. – 232 с.

14. Куликовский Г.И. Похоронные обряды Обонежского края//Олонецкий сборник. – Петрозаводск. 1894. Вып. 3. Отд. 2. – С. 44–60.

15. Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. – М., 1885. – 630 с.

16. Нижегородские марийцы. Сост. Н.В. Морохин. – Йошкар-Ола, 1994. – 250 с.

17. Легенды Городецкой земли/Составитель Л.А. Климова. – Городец, 1997.– 218 с.

18. Смирнов В.И. Клады, паны и разбойники: Этнографические очерки Костромского края//Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып.26. – Кострома, 1921. – 49 с.

19. Журавлёв С.В. Повесть о Стефане Пермском, первом учителе зырян. – Сыктывкар, 1996. – 31 с.

20. Курганный могильник «Мжарки» («Панки») Электронный ресурс URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/suzdal/m/38-1-0-1233> дата обращения 6.08.22.

21. Кельсиев А.И. Раскопки в Ярославской и Тверской губерниях. – М., 1879. Отд. II. – 16 с.

22. Неславянская жизнь Московского посада. Электронный ресурс URL: <https://www.gumilev-center.ru/n eslavyanskaya-zhizn-moskovskogo-posada/> дата обращения 01.08.22.

23. Ткаченко О.Б. Исследования по мерянскому языку. – Кострома, 2007. – 352 с.

24. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. Материалы и исследования по археологии СССР. № 94. – М., 1961. – 264 с.

25. Мининзон И.Л. Ономастика терюхан/Открытый текст Электронный ресурс URL: <http://opentextnn.ru/space/littlesities/mininzon-i-l-onomastika-terjuhan/> дата обращения 04.08.22.

26. Чернов В.Ф. Кулебаки, Велетьма, Тумалейка... Тайны географических названий. – Кулебаки, 2009. – 64 с.

27. Климкова Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье). Ч. 3 (П-Я). – Арзамас, 2006. – 406 с.

28. Селезнев Ф.А. Абрамов городок – мнимый предшественник Нижнего Новгорода//Знание – Сила. 2021. № 8 (1130).

29. Этимологический словарь славянских языков. Пра-славянский лексический фонд. Под ред. О.Н. Трубачёва. – М., 1980. Т. 7. – 223 с.

30. Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России. – М., 2007. – 191 с.

31. Сарапулкина Т.В. Городецкая культура на Среднем и Верхнем Дону Эл. ресурс URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1649070617&tld=ru&lang=ru&name=Sara-pulkina.pdf&text=сарапулкина%20диссертация...> дата обращения 26.08.22

32. Степанов П.Д. Андреевский курган: к истории мордовских племен на рубеже нашей эры. – Саранск, 1980. – 108 с.

33. Ставицкий В. В. У истоков этногенеза древней мордвы//Genesis: исторические исследования. 2014, № 4.

34. Ахмедов И.Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в центральной России эпохи великого переселения народов//Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. – Самара, 2012. № 3.

35. Ахмедов И.Р. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – начала VI вв. Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов//Раннеславянский мир. 2014. № 15.

36. Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Финские древности первой половины – середины I тыс. н. э. в Суздальском ополье//Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. – М., 2012.

37. Гаврилов А.П., Семенов А.С. Культура рязано-окских могильников. Результаты изучения комплекса Ундрих. Электронный ресурс URL: http://www.erjournal.ru/journals_n/1657299926.pdf дата обращения 14.09.22.

38. Татищев В.Н. История Российская... – М., 1769. Кн. I. Ч. 2. – 720 с.

39. Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2-х томах. Т.2. История. Филология. Поэзия. – М., 1986. – 496 с.

40. Щекатов А. М., Максимович Л. М. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком... все губернии, города и их уезды. Ч. 4. Отд. 1. – М., 1805. – 686 с.

41. Генетики выяснили происхождение скифов и сарматов Электронный ресурс URL: <http://nplus1.ru/news/2018/10/04/descendants> дата обращения 10.11.22.

PANOK: ABOUT AN ANCIENT LORD'S TITLE

Malyshev A.V.

*Department of Ethnology of the NGO
«Historical Consciousness»
maz502@mail.ru*

The article substantiates the origin of the title panok, known in the social organization of the ancient Volga Finns, from the ancient Northern Iranian dialects of the Scythians and Sarmatians.

Keywords: Scythians, Sarmatians, Volga Finns, Merya, Mordvins, panok, punks

ДОСЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ РЯЗАНЩИНЫ В ФОЛЬКЛОРЕ ШИЛОВСКОГО РАЙОНА

Гаврилов Андрей Николаевич,

*заведующий этнологическим отделом
Шиловского музейного историко-культурного комплекса*

При анализе традиционного фольклора Шиловского района мы можем выделить источники, так или иначе связанные с дославянским, или точнее сказать, неславянским населением края. Информация, содержащаяся в этих источниках, в значительной степени фрагментирована, имена героев либо русифицированы, либо утрачены. Наиболее многочисленны легенды и предания топонимического и исторического характера.

Село Тимошкино – по преданию основал крещеный мордвин Тимоха.

Село Ерахтур – основателями предание считает княжну Еру и татарского князя Тура, которого Ера выжила после тяжелого ранения.

Ручей Ванчур, давший название деревне Ванчур (выселки из с. Никитино), был местом обитания двух татарских богатырей Ванчура и его брата Тити. В окрестностях деревни, по рассказам местных жителей, имеется курган богатыря Ванчура.

Два брата-разбойника Терех и Мелех основали села Терехово и Мелехово. Существует предание о третьем брате Иняке (село Инякино). У жителей окрестных сел мельховане – отдельная нация.

В селе Лубонос – один из концов носил название мордва.

Арапаево – озеро возле Борка, то ли татарин, то ли мордвин Арапай его выкопал, но для каких целей – непонятно.

Река Пара получила свое название после того, как дочь мордовского князя, разлученная с возлюбленным утопилась в реке. Имя княжны было Пара или Парава.

Дюна Вертский городок получил свое название в память о богатырше Верте, которая жила с 12 девками – воительницами на этом городке. Интересно отметить, что параллельно с этим преданием записано еще одно, где фигурирует разбойник Верт (Верта). Легенда о разбойнике бытовала в с.Надеино. Легенда о богатырше – в с. Ирицы, Борок.

Многочисленны предания о нерусском населении.

Могильник Ундрих – там жила мордва.

Деревня Городище – мордва походом шла на Рязань. Там и похоронилась.

У села Мордасово рассказывают про мордовское кладбище: когда-то здесь жила мордва, которая хоронила своих покойников между деревней Мордасово и с. Рубецкое.

В Свинчусе мордва жила и ходила в гости к русским. То же самое происходило в Борке.

Озеро Чудино получило свое название от живших на его берегу нерусских людей – чудиколдоватой. По рассказу Н.И. Лебедевой, «чуда кылданутая» – так бранили в с.Тырново детей.

Бабье царство – Пичкеморье. По местным преданиям, в древности существовало бабье царство, где женщины держали власть. Наконец мужчины хитростью завладели

столицей и бабье царство стало «усыхать», пока не осталось от него небольшое болото в районе с. Мелехово. Болото это, как и царство, носило название Пичкеморье. Жители Пичкеморья говорили на своем – бабьем – языке (с. Наследничье)

В Шилово и окрестных селах еще в 60 годы сохранялось деление населения на цупряннов и ягутошек. Жительница с.Борок Борискина Анастасия Ивановна (1887 года рождения) объясняла различия между этими группами так:

Цупряны жили здесь всегда и говорили на своем языке, русском, цупрянском, имели свои обычаи и обряды. Но вот среди цупряннов поселились рязанцы-ягутошки, язык у них был русский, московский и вера тоже. Из-за этих ягутошек цупряны позабыли и язык и веру. Остались только некоторые «молитовки» (заговоры), которыми пользовались знающие, причем не все, а «настоящие», да отдельные слова. Так глиняные женские фигурки назывались «авки», женские гениталии – «падья», изогнутая ветка – «кердь».

Среди мифологических персонажей можно выделить явно локальные, вероятнее всего, дославянские.

Бабка Ардынья-птичья ножка, обладающая зубатой вагиной, которая поедает мужчин (сказки из д. Павловка с. Шилово, былички из с. Борок).

Корч птица, поедающая души умерших, если их не отпели и похоронили не по-христиански.

Богатырша Автя, воспитанная медведицей и научившая борокских и тимошкинских женщин волхвить (колдовать, лечить).

Вирька или березовая девка-хозяйка лесов.

Чамка – сущность, напоминающая русалку, с хвостом змеи и ногами ящерицы. В с. Тимошкино через неделю

после Троицы проводились проводы Чамки. В с.Новоселки и Шилово сохранялось комбинированное название чамка-русалка. В с. Борок чамка превратилась в ругательство.

В легендах о Добрыне – Чамка передает юному богатырю заветный меч.

Варда – персонаж, сродни мордовской Сыре-Варда. «Посредь лесов дремучих, посреде песков зыбучих, за реками бегучими, болотами стоячими живет Варда-вардея... Изба у нее в три окна, в три двери, крыша тесовая-еловая... А стоит изба на четырех костях – мертвых головах. Войдет Варда-вардея в одну дверь старухой, а выйдет в другу красной девицей... Войдет красной девицей в одну дверь – выйдет из другой Бог знает кем... Сто лиц у Варды-вардеи, сто имен. Служат ей кобылица–золота грива, волчица серебряна холка, кошка лунные глаза, ворон–мудрые речи. Ходит Варда по белому свету–тысяча дорог у ней, тысяча путей. Бывают, кто из людей случайно ступит на вардову дорогу и приведет она его к чудесам разным. А тот, кто сам, не случайно, а по доброй воле, решится ступить на дорогу Варды–вардеи может ее навовсе не найти. Ежели все–таки найдеть, много обретет и много потеряет... Кто така Варда-вардея – неведомо никому. Некоторые считают ее ведьмой, други чуть ли не Бура Ягой. а то и самой смертью».

Бле – предвестник смерти или существо, изымающее души из тел. Описывается как большой человек с медвежьей головой.

В заговорах встречаются имена матушки Ангии, Азари, Вирии.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК СРЕДНЕГО ПООЧЬЯ «ТЕРЕХОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ», В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСОВ СТРАТИГРАФИИ РЯЗАНО-ОКСКОГО ОБЩЕСТВА

Гаврилов Александр Петрович,

*заведующий краеведческим отделом
Шиловского историко-культурного комплекса,
профессор РАН (museu01@mai.ru)*

На современном этапе, в условиях построения России как многонационального, гражданского государства вопросы изучения формирования русской государственности все также важны и первостепенны, как и во все переломные моменты истории нашей страны. В основе современной России, принимали участие славянские, балтские, финно-угорские, ираноязычные, тюркские и иные народы, равноправное изучение истории и археологии которых, может стать важным инструментом не только в написании достоверной истории нашего отечества, но и стать важным средством противодействию, постоянно зарождающемуся национализму. К сожалению, имперский принцип отечественной истории делал существенный крен в изучение славянских народов, и переноса на них моделей государство формирования. В то время как все «дославянское» было овеяно ореолом примитивизма и дикости. К счастью исследования последних лет постепенно меняют данную картину. Особые успехи хочется отметить в работе Московских археологов существенно

продвинувшихся в изучении Дьяковской культуры. Изучение Прибалтики, Поволжья и Прикамья дают всё больше интересного материала и его интерпретации в выделении таких социальных институтов как «вождество». Изучение Приднестровья, Причерноморья и северного Кавказа, хотя пока и робко, но все более уверенно вводит в отечественную историографию термин «варварского королевства».

Все больше внимания уделяется периоду Великого Переселения народов, что позволило существенно отодвинуть нижние границы раннего средневековья. Тем самым меняя взгляд на дославянские культуры как средневековые. В этот период истории на территории Среднего Потожья бытовала Рязано-Окская археологическая культура (ранее Культура-Рязано-Окских могильников), традиционно соотносимая с Поволжскими Финнами.

Изучение Рязано-окской культуры ведется более 100 лет. За время исследований была проделана значительная работа по археологической систематизации и типологии отдельных предметов и комплексов. Еще в 30-е годы прошлого века П.П. Ефименко разработал хронологию рязанских древностей, в которой он определил верхнюю границу бытования Рязано-окской культуры VII в. и выделил 5 стадий: А (II вв.), В (III-IV вв.), С (V в.), D-I (VI в.) и D-II (VII в.) (Ефименко 1937). Впоследствии предложенная им схема была скорее скорректирована, нежели изменена (Ахмедов, Белоцерковская 1998). В наши дни, после открытия в Шиловском р-не Рязанской области нового Городищенского могильника, рамки существования Рязано-окцев были расширены до IX века н.э. (Гаврилов, Конанов, 2020).

Помимо ярких погребальных комплексов, давших её первоначальное название, носители этой культуры оста-

вили после себя ритуальные объекты, поселения и городище, изучению одного из которых мы и посвящаем эту работу.

Терехово.

По письменным данным Терехово, вернее Терехов Воскресенский монастырь и село Тереховское известны в 1520 (РГАДА 2003) году. Однако время основания монастыря неизвестно, понятно что он уже существовал в начале XVI в. Упоминается тереховский городок и в составе засечных укреплений, ставший ключевым пунктом Шацкой засеки, клином подходящей к Оке. В летнюю пору, когда усиливалась опасность набегов, сюда посылались боярин с воинским отрядом. (Гаврилов 1990). В 1678 году известно упоминание Терехово-Азарного, принадлежащего Азарного Якову Кузьмичу.

Название Терехово происходит от мордовского имени (Тёрый – Тёрюхай – Тёрюш) и созвучно в происхождении с названием мордовской этнографической группы Тёрюхане. (Маркелов, Толстов 1928, С107). Примечательно, что «ТЕР» относится к ряду топонимаобразующей цепочки ТЫР-ТОР-ТУР, в которой меняется лишь центральная гласная, которые связаны как с легендами о основателях сёл, так и с расположением Рязано-окских памятников ЕрахТУР, ШаТУРА, ТЫРново, ШааТОР, на самом Тереховском городке выделяется местечко ТОРчи, где ранее существовали родники. Автором (Гаврилов 2004) высказывалось также мнение о происхождении топонима Терехово от мордовского слова «тюрих» означающие место битвы (Феоктистов 1971, с.327), что также находит отклик в народных преданиях (Мещерские сказы, 2020, №1, стр. 15-16).

По легенде название села происходит от трёх братьев разбойников Тереха, Мелеха и Иняки, которые

перебрасывались одним топором если надо было кого то ограбить. От которых и пошли сёла Терехово, Мелихово и Инякино (РИАМЗ научный архив Д.508, Рук.3, с.4.) Примечательно, что в Мелехове имеется городище сходное с Тереховским, верхний слой которого можно отнести к Рязано-окцам 3-4 века. Любопытны и поздние параллели Мелеховского и Тереховского городков, оба они расположены неподалеку от кладбища, в Терехово на пасху на городке жгли костры, а в Мелихово поджигали на городке колёса и пускали их вниз с горки. Положение кладбища между городищем и селом, не редкость на Рязанщине, достаточно вспомнить, сёла Городец Спасского района, Беишево Касимовского района, с.Дубровка Шилловского района. Хотя кладбища в этих местах были устроены сравнительно поздно в 19 веке, все же это говорит об особом отношении к этим местам в этнографической традиции, которые почитались святыми. В том же озере Чудино под Тереховым утонула церковь. О сохранении почитания тех или иных мест как минимум с мещерского времени 10-го века, можно судить по святилищу на северном мысу старой Рязани.

А.Л. Монгайт опубликовал хранящийся в ЦГАДА чертеж первой половины XIX в. с изображением общего вида Старой Рязани 18. В заглавии к нему сказано: «Вид Предѣмстїя Древней Княжеской Столицы Рязани, при реке Оке «состоящей въчисле 44 хъ» Языческихъ Отделенїи. ВъМещорской Области, съ двумя земляными крепостями, внутренней покружной «предѣлицомъ первой. Отдельно остался высокій холмъ, тогдашняго ихъ жертвоприношения». Исследуемый нами мыс изображен в виде изолированного холма и в описании плана указано: «Высокій бугоръ Древняго идольскагожречища оставшагосья отъ

язычества». (Монгайт 1955) При этом только много лет спустя было раскопано святилище 10-го века на этом месте, не имеющие никаких внешних признаков (Розенфельдт 1974). В трёх км к Югу от Тереховского городища, на Белых Буграх, также известно место называемое в народе «Святилище» где Ильёй Ахмедовым в 1999 году при археологических раскопках были найдены ритуальные фигурки.

Предание связанное с Тереховым тесно связаны с озером Чудино. Рассказывают, что в этом озере утонула церковь. В другом варианте этой легенды добавляют, что батюшка занялся то ли грабежом, то ли колдовством, вот так и приключилось. Рассказывают о колоколах под водой и странных людях, выходящих и входящих в озеро. Доводилось слышать мне, что плавает по озеру счастливая ольха или серебряная лодка, увидеть которую к счастью. Среди женщин окрестных сел существует поверье, что ежели девка долго понести не может ребенка, то надо в озере том искупаться. Также, говорят, видели, как над ним змей летал, да не жаровый а такой как драконов рисуют. Один из рыбаков говорил мне, что в озере этом «печаль тонет». «Как это?» говорю. «А ты, говорит, посмотри на воду ежели грусть какая то, она пройдет, а ежели грех какой на тебе самом, то сам утопишься». А.И Кочетков рассказывал, со слов стариков, что на верхнем и нижнем городке Тереховского бугра город был, да пришли враги несметные, день и ночь шла битва, но не равны были силы, так как воины города этого на сторону воевать пошли. И вот когда надежды уже не было, ярко вспыхнул от колдовства огонь, и отразился весь город в озере, а на месте его остались лишь пыль да пепел... И с тех пор те, кто плавают по озеру, иногда видят его под водой. Кочетков

слышал рассказы тех, кто нырял и попадал в него, кто видел странно одетых людей, выходящих сухими из вод этого озера и уходящих туда вновь. Кто то говорит, что там Боги живут, кто то, что ангелы. Тереховские жители говорят что это истинная столица государства нашего... И когда наступит конец времён, вновь город тот отразится на холме и будет иная жизнь, честная да справедливая. (Мещерские сказы кн.1. 2020, с.15-16).

Тереховское городище расположено на оконечности песчаного высокого эрозионного останца третьей надпойменной террасы, на высоком мысе к югу от села Терехово. На правом берегу р.Оки, на левом берегу старичной протоки Оки, при впадении в неё также старицы реки Пары или Тырница (Кривцов, Новикова, 2012. С. 121–122), что в наши дни образует озеро Чудино, которое обрамляет с двух сторон треугольный мыс, занятый городищем. Это озеро входит в состав памятника природы регионального значения «Тереховская дубрава с озерами Чудино и Кужиха». В народе называется святым, так как по легенде в нём затонула церковь. Тереховские жители называют это место Городок, выделяя «Верхний, городок», на конце мыса, его размеры: 60 × 48 м, высота над уровнем озера – до 26 м, «Нижний городок» отделенный линией второго более низкого вала.

Северная часть городища Нижний городок. Его размеры около 80 × 60 м, поверхность более пологая, располагается на высоте 15–16 м над уровнем озера, на север до современного русла р.Оки, большей частью на современной территории села. А.И.Кочетковым были зафиксированы не менее 10 очагов скопления рязано-окских и мещерских предметов на протяженности 1.6 км от Тереховского городища, найдены части дирхемов, а также трёх-

перые наконечники стрел. На северной оконечности останца, образованной надпойменной террасы, прослеживается треугольный в плане мыс, который вероятно также является остатками городка, аналогичного Тереховскому. С его территории происходят находки Рязано-окских и мещерских вещей, лепной керамики. К сожалению она полностью застроена и распахивается под огороды. Таким образом под современным с.Терехово расположено несколько археологических памятников связанных с Тереховским городищем.

Изучение городища было начато более 100 лет назад, В.А. Городцов отнёс его к «древнефинским». Им же приведена история кладоискательских раскопок, особенно интенсивно происходивших в 1890-е гг., когда в руки двух «немцев» (пастора и доктора), а затем двух «богатых русских офицеров» попала рукопись с описанием легендарных богатств, спрятанных в Тереховском городке (по рукописи Штапель-вин городок). Он же описывает находки финно-угорских вещей при рытье на сельском кладбище расположенного неподалёку, в том числе длинного железного стержня с рожками, аналоги которому были найдены (тогда или позже) при рытье могил и оказались сарматскими треножниками (Городцов, 1905.С. 645–649).

Памятник расположен в междуречье Пары и Тырницы, правых притоков р. Ока. Между сёлами Юшта, Тырново, Берёзово и Тимошкино, внутри этой территории расположены с.Борок, Терехово и п.Прибрежны, в котором располагается уникальная группа памятников эпохи раннего средневековья, занимающая лидирующее положение в Рязано-окской среде (Ахмедов 2016: 172). Эта группа включает в себя пять Рязано-окских могильников: уникальный курганный комплекс Белые Бугры, где изучено единственное

для культуры рязанских финнов подкурганное погребение (Ахмедов 2016: 172), несколько поселений открытого типа, а также два святилищных комплекса. Исследование этой группы памятников было начато ещё до революции В.Л. Городцовым (Городцов 1905) и А.И. Черепниным (Черепнин 1903). Затем исследования проводились в конце XX века А.Н. Гавриловым. В период с 1976 по 1984 гг. Андрей Николаевич впервые исследовал и описал эти памятники как археологический комплекс раннего средневековья (Гаврилов А.Н. 1976-1984 Арх. ИА:7997. Л 33-35, 7983, 7997. Л. 25., 10656, 9716. Л. 69-71. 7997. Л. 22,23, 9716. Л. 71-73., 3132, Гаврилов 1983. и т.д.). А.Л. Монгайт обоснованно выделял на Тереховском городище слой городецкой культуры, и к сожалению не очень достоверно, древнерусского времени (Монгайт, 1961.С. 86–87). А.В. Трусов в 1977 провел на городище разведочные работы. При зачистке обнажений в южной части Верхнего городка был выявлен культурный слой мощностью до 1 м, интенсивно черного цвета в верхней части и темно-серого в нижней. В нем содержались фрагменты лепных сосудов городецкой культуры с сетчатой и рогожной поверхностью, гладкостенной лепной посуды и круговой керамики древнерусского времени (Трусов, 1977). С 1986 по 1995 года изучением окрестностей Тереховского городища занимался заместитель директора ГАРО Андрей Николаевич Мельник совершив несколько погружений в озеро Чудино. Результатом которых стало обнаружения остатков корабля длиной до 22 метров. Некоторое количество разнообразного материала в том числе около десятка длинноклинковых мечей и клад бронзовых римских монет. Также им было поднято свыше 150 наконечников стрел, аналоги которым были найдены на склонах и территории городища

(Ахмедов 2010). Результатом этих исследований стали съёмки документального фильма Андреем Киресенко С-ПБ. Именно Мельнику принадлежит идея отождествления «Артании» из упоминаний арабских путешественников и Тереховского городища. К сожалению печальна судьба этих предметов из которых Андрей Николаевич собирался устроить музей при Рязанском архиве, однако после его смерти, часть вещей осталась у него дома, часть была передана в Рязанскую Епархию, где коллекция неоднократно дробилась. Автор неоднократно поднимал вопрос перед ГИМом и РИАМЗ о изъятии этих материалов. Пока в результате очередного «деления» коллекции, когда из неё были оставлены в Епархии артефакты, связанные с христианством, часть «ненужного» собрания поступила в наш историко-культурный комплекс, благодаря содействию преподавателей Рязанской семинарии и правящего владыки. В 80-90 годы изучением окрестностей Терехова занимался местный краевед, ветврач Анатолий Ильич Кочетков. Им были найдены выразительные находки городецкого периода существования городища, спиралевидные булавки, и бронзовый наконечник стрелы. А также подняты на склонах городища и территории села множество трёхпарных наконечников стрел раннего средневековья, дирхемов, литейных форм и матриц для тиснения. Им же были найдены у местного населения сарматские треножники, обнаруженные при рытье могил на сельском кладбище. Часть его материалов была передана в Шиловский музей, а также в школьные музеи с.Терехово и с.Ирицы. В конце 90-х годов городище осматривала Екатерина Тавлинцева из музея истории Москвы, её внимание привлекли литейные формы, из сборов А.И.Кочеткова.

В 21 веке комплекс исследовал И.Р. Ахмедов, проводивший раскопки как на могильниках 1 и 2 у села Борок, комплексе Белые Бугры, так и самом Тереховском городище (Ахмедов 2010). В 2007, 2009 и 2013 гг. Рязано-Окская археологическая экспедиция Государственного исторического музея провела на памятнике рекогносцировочные работы. Были выявлены материалы различных культур эпохи бронзы, городецкой культуры, культуры рязанских финнов второй–третьей четвертей I тыс. н. э. Последними обитателями городища в конце I – начале II тыс. были потомки рязанских финнов, группы которых сохранились в рязанской части озерной Мещёры и в районе касимовского течения Оки. (Ахмедов, Гомзин С.219).

Социальная стратиграфия...

Традиционно высоко милитаризованные общества возникшие в период раннего железного века относят к «военной демократии». По мнению Л.Г. Моргана, представляла собой социальная организация греческих племен, зафиксированная в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея». Военная демократия характеризуется сосредоточением власти в руках вождей, военачальников и жрецов, постепенным превращением ее в наследственный институт. Войны становятся постоянным промыслом, который ведется с целью грабежа и захвата рабов, образуется военная дружина, возникают военные союзы племен (Маркс, Энгельс, 1955, с. 165), что приводит к сложению протогосударственной системы «вождества», а в процессе сложения наследования власти и сложения «династий» к системе раннесредневекового общества. Идя на Рязанщину носители Рязано-окской культуры уже были дружинниками и вождями, о чем свидетельствуют материалы Анд-

реевского кургана. В Среднем-Поочье они частично истребили и покорили местное население (в рамках данной статьи мы не сможем охватить ни характера Рязано-окского импульса, не определить этнический состав населения Среднего-Поочья накануне вторжения). По мнению В.И. Вихляева, между завоевателями и местными племенами, вероятно, сложились отношения подчинения, согласно которым племя кочевников выступало по отношению к местному населению, как коллективный работодатель. Причем наличие погребений зависимых людей с вещевыми компонентами финского облика вместе с господином позволяет утверждать, что, по крайней мере, на начальных этапах практиковалось и личное подчинение людей (Вихляев, 2000, с.57-58). Основу сложившихся отношений цементировало разделение сфер деятельности, покоренные племена занимались сельским хозяйством и животноводством, а завоеватели ведением воинских набегов и возможно службой наёмниками (Гаврилов 2019). Одновременно ряд авторов отмечает рост высоты валов на городищах периода экспансии, что отчасти свидетельствует о росте экономических мощностей жителей. Подобную картину мы наблюдаем и на Тереховском городище, городецкий слой которого весь насыпан в вал. Также складывается в этот момент и особая фортификационная система на памятниках характерных только для рязано-окской культуры. На них вал городка сnivelирован в ровную площадку, помимо Терехова к такой конструкции относится Троице-Пеленецкое городище, с ярко выраженным рязано-окским слоем. Небольшие размеры и ровная площадка предполагает некое замковое строительство, когда «жилые стены» по сути превращаются в единое сооружение. В это же время памятники группируются в комплексы, которые

сильно дифференцированы между собой. Особенно это ярко видно на примере Шиловской группы памятников, к которой и относится Тереховское городище. Характерное не только находками ряда импортов но и находкой особо-тиражированных символов власти в виде медальона Септимия Севера. (Ахмедов 2011). Все это подводит нас к необходимости изучения дифференциации как памятников так и отдельных погребальных комплексов. Их корреляция и стратиграфия, позволяющая выделить имущественные и возможно социальные группы общества. Наиболее показательны в этом мужские погребения.

Первой группой можно считать воинов с оружием, но без особых украшений. То есть набор из копья, дротика и топора, а также ножа. Присутствующие в этом наборе сюльгамы и пряжки, это скорее элементы одежды и снаряжения нежели знаки отличия. Второй ступенью являются воины с украшенными поясами, по аланским и мордовским древностям уже предложены модели их иерархии, у нас же можно говорить что с 6-го века выделяются воины с поясами содержащие накладки, накладки и привески, пояса украшенные псевдо пряжками, что в общем составляет особую внутри классовую иерархию воинов от младшего военного начальника, типа десятника, до командиров самого высокого звена (Комар 2005 с.162.). Следующей группой являются воины с фибулой, а чуть позже крупная сюльгама (с крылатой иглой), которые отвечали и за этническую идентификацию, и также являлись статусными предметами (Ахмедов 1998). Надо отметить, что Рязано-окская культура имела свой особый тип фибул, который образует крайнюю северо-восточную группу этнических маркеров (Гаврилов 2017).

Затем идут воины с шейными гривнами, статусность которой широко известна в средневековье. На вершине иерархии расположены захоронения, погребенные в которых имели головные уборы в виде крестообразной диадемы (Ахмедов 2006), а чуть позже в 7 веке с накладками в виде зверей (Гаврилов 2020). Примечательно, что подобные изображения традиционно интерпретируются как символы верховной власти (Ошарина 2006).

Особо можно отметить погребения с короткими или же длинными мечами, или парой мечей, а также захоронения в шлемах. Также сквозь эти группы проходят захоронения в которые помещены комплексы женских украшений или же погребенный был одет в комплекс мужских и женских украшений, что в ряде случаев сопровождается особыми ритуальными предметами: «волшебными палочками»-жезлами, предметами со знаками, масками. Что довольно четко указывает на принадлежность погребенных к жреческому сословию (Фомин 2000).

Наиболее ярким пластом погребений эпохи переселения народов являются погребения знатных воинов «всадников» Это : пог. 50 Ундрих 83, пог. 190, 265 Борок 2, пог. 4 Заречье, пог. 110 м.2 у с. Борок.и т.д.

Из общей группы погребения всадников выделяются воины с двумя мечами, длинным и коротким. Пары мечей зафиксированы в пог. 55 Заречье, погребениях 105, 110, 136, 263 могильника Борок 2 и погребениях 14, 62, 91, 111 могильника Ундрих (Гаврилов 2015). Наличие двух мечей, характерных для вождеских погребений восточной Европы (Казанский 2010). Пара мечей зафиксирована в 11 комплексах междуречья р. Пары и р. Тырницы: одна пара в погребениях III-IV века, одна – в погребении VII-го века, остальные относятся к V-VI векам нашей эры. Во всех

случаях длинный меч был двухлезвийный, короткие же мечи в 50% были однолезвийными, а в 50% двухлезвийными (Гаврилов 2016: рис.1-3.) Почти всегда это погребения с полным воинским набором, состоящим из наконечников дротика и копья, а также топора-кельта. Исключение составляют лишь некоторые женские погребения. Почти всегда их сопровождали предметы упряжи коня, поясная гарнитура, не редки фибулы и шейные гривны.

Крайне редко мечи встречаются в погребениях, лишённых прочих статусных вещей, обычно это воины с украшенным поясом и фибулой (Ахмедов 1998). Чуть реже погребенного хоронили с шейной гривной, которая, несомненно, свидетельствовала о его особом положении. Такие гривны вручались отличившимся воинам, как в римской, так и в византийской армиях. В трёх случаях на головах погребенных присутствовали статусные головные уборы, свидетельствующие об их исключительно высоком положении в обществе (Ахмедов 2012). Причем в двух из этих трех случаев речь идет о «паре мечей» (заметим, что в двух комплексах с орлиноголовыми диадемами были лишь короткие мечи, что, вероятно, говорит об их статусной роли «верховных» правителей). Мода на ношение «пары мечей» распространилась из римской и византийской армий. Впрочем, распространилась она столь широко, что была популярна по всей Европе. В целом, ситуация с мечами в Рязано-окской среде совпадает с общеевропейской. Динамичная реакция на все изменения воинской моды свидетельствует в пользу вовлеченности жителей Средней Оки во все основные процессы эпохи переселения народов.

Обособленную стратиграфически группу образуют воины с крестообразными диадемами, содержащих как правило в инвентаре весь набор престижных предметов,

как то пояс, фибулу и гривну. К этим погребениям можно отнести: погребение 65 Ундрих 1991, а также погребениям 76 и 125 м.2 у с. Борок.

Рубеж пятого и шестого века характеризуется в Рязано-окской среде высокой военной активностью, в результате которой на Средней Оке появляется целый ряд импортных вещей причерноморского и центрально-европейского происхождения. Они свидетельствуют об участии местного населения в процессах, происходивших на северных рубежах византийского мира. И.Р. Ахмедов связывает их появление с военной компанией сыновей Атиллы и их союзников (Ахмедов 2020). В этот период на Средней Оке появляются целые элементы воинской вождеской моды: парные мечи, шлемы, уздечные наборы и поясные гарнитуры «гуннского» круга. Многие из них в VI-м веке продолжают распространяться на Рязанщине, как то: элементы с орлиноголовым декором, ставшие важным социальным маркером в Рязано-окской среде. Весьма перспективной представляется идея о появлении в Восточной Европе некоторых предметов (типа пряжек) типа Наумбург «с элементами остатков черняховского населения», выбитого со своих мест при обратном движении гуннов из Европы (Бажан, Каргопольцев 1989б: 29). Волна этого импульса начинает доминировать в Волго-окском междуречье (Гавритухин, Обломский 2007: 391). И.В. Белоцерковская выделяет горизонт захоронений людей, ставших жертвами военных столкновений во второй половине V века. «Вернувшийся» Рязано-Окский импульс (Ставицкий 2017: 17) впитал в себя множество импортов. Это, вероятно, завершает процесс образования варварского королевства на Средней Оке (Ахмедов, Казанский 2004: 170-171). Заметим, что междуречье Пары и Тырницы в V-VI вв.

сочетает в себе все основные признаки, отмеченные М.М. Казанским (материалы семинара Хронограф) для выделения варварских королевств, как то: концентрация компактной группой нескольких городищ, поселений и сакральных центров, а также могильников, содержащих статусные погребения. Подобные группы четко выделяются в Западной Европе и описаны для варваров античными и средневековыми авторами (*Казанский, Мاستыкова, Скворцов 2017: 39*) и определяются как региональные «центры власти» (*Кренке, Казанский и др. 2021: 115*), приписанные варварским королевствам. Последние являлись своего рода вершиной развития предгосударственных форм вожества. В объединённых кланах закладывались основы наследственной власти типа королевской (*Казанский, Мастыкова 2001: 146*). Примечательно, что по мнению М.М. Казанского княжеско-вожеские институты формировались вокруг личности вождя и его клана, чем объясняется гетерогенность варварской верхушки. Такая гетерогенность проявляется, например, в тесных династических связях гуннской, германской и аланской аристократий, засвидетельствованных письменными источниками. Напомним, что заключение династических браков в древности и средневековье являлось одной из форм легитимации военно-политических союзов. Властные кланы имели свою специфику, которая выражалась как в характере украшений, так, возможно, и в физическом облике. Это вновь возвращает нас к истории Рязанского «Бабьего царства» и преданий о выборе мужей (*Мещерские сказы 2020*).

Вероятно эта социальная система балансирует на стадии возникновения государства. Согласно теории вожде-

ства предполагается, что четырехуровневая иерархия поселений означает государство, трехуровневая говорит о наличии вожеств сложного типа, а двухуровневая – простых (*Березкин 2012 с.142*). К сожалению изученность рязано-окских поселенческих памятников недостаточна, однако наряду с почти полностью неизученными поселениями, мы можем говорить о существовании городищ (*Вышгород, Седой Бугор, Никитино, Тырново, Срезнево*) и выделить отдельно крупные укрепленные протогорода с маленькими городищами крепостями, типа Троице-Полянецкого городища, комплекса памятников «Белые Бугры» и Терехово (*Гаврилов 2021, тезисы конференции форума древних городов*), содержащие в своих материалах множественные импорты, находки предметов вооружения и являющиеся ремесленными центрами (два последних) (*Ахмедов, Гаврилов 2017*).

Однако недостаток информации по поселениям с лихвой компенсируется дифференциацией могильников, среди которых выделяется множество небольших (деревенских) кладбищ типа Кораблино, Кулаковского, Тырновского и прочих могильников, могильников уровня маленького протогорода или села типа Кузминского, Шатрищенского и Городищенского могильников, и крупных памятников городского типа уровня могильников Заречье, Курман, рязанские Борки. Примечательно, что выделяется и четвертый уровень иерархии так называемые памятники Шиловской группы, включающие в себя могильники Ундрих, Борок два и уникальный курганный могильник на Белых Буграх (*Ахмедов 2016: 172*), что аккуратно позволяет ставить вопрос о существовании усложненной социополитической организации типа европейского (*chiefdom*). При этом нам известны городища

с двойной системой укреплений нижнего городка за валом для народа и верхнего для гипотетического феодала (Кривель, Белые Бугры и Терехово), сама идея отделения лидера от горожан хотя и не нова, но маркирует определённый уровень социальных отношений, когда управленцы с особым типом жилищ типа замка, отделены от народа. При этом в случае с Тереховым и Белыми буграми мы фиксируем обширное поселение и за волами нижнего городка (Гаврилов 2021, тезисы конференции форума древних городов).

Что соответствует как минимум трём ступеням общества, тем кто жил на посаде, тех кто жил за городской стеной, и живших в замке (резиденция вождя). В этом контексте примечателен факт что на Тереховском городище и в пг.125 м.2 у с.Борок были найдены подвески медальоны с изображением Септимия Севера (Ахмедов 2011 с.119), что в контексте принадлежности погребения 125 из м.Борок 2 к первой иерархической ступени, создает некий социальный репер выделения Тереховского городища и городища Белые Бугры в первый ранг социальной иерархии по-поселенчески памятников сопоставимых с могильниками Борок 2 и Ундрих. Таким образом в рязано-окской ойкумене территориально выделяются группы во круг региональных центров власти, среди которых в свою очередь выделяются памятники междуречья пары и Тырницы (Борокской группы) куда и входит Тереховское городище.

Таким образом на примере дифференциации Рязано-окских погребений, наличия властных центров, их облик и изучения групп памятников состоящих из совокупности социальных сегментов мы хотели бы поставить вопрос о

дальнейшем изучении протогосударственных систем Среднего Поочья в дословянский период. Полагаю, что изучение городов и крепостей типа Тереховского городища могли бы существенно помочь этому. Немаловажно, что Тереховское городище переживает разгром середины 7-го века, и существует до самого конца века 10-го, что в общем то позволяет связать его историю с началом установления власти Русских князей на Средней Оке, а также процессами приведших к формированию таких народов, как Мурома, Мордва и Марийцы, процессами сложения Северо-Восточной Руси и русского государства в целом.

Список литературы

Ахмедов И.Р. Белоцерковская И.В. О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 96. М., 1998.

Ахмедов И.Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса). Раннеславянский мир. Вып. 13. Москва, 2010. С. 14.

Ахмедов И.Р. 2011. Находка медальона Септимия Севера на р. Оке. ПИФК 4(34), 119—136.

Ахмедов И.Р. Рязано-окские «крестовидные» фибулы // Исследования П.Д. Степанова и эт-нокультурные процессы древности и современности. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию П.Д. Степанова. Саранск, 1998.

Ахмедов И.Р. Крестовидные диадемы в эпоху Великого Переселения народов. Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск, 2006.

Ахмедов И.Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в центральной России эпохи великого переселения. Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. №3. Спец.выпуск к 50-летию А.В. Богачева. Самара: Самарский государственный технический университет, 2012.

Ахмедов И.Р. О некоторых «дунайских» элементах в культурах окских финнов во второй половине V в., Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и в раннем средневековье. 2020.

Ахмедов И.Р. Гаврилов А.П. «Славянские» фибулы в древностях рязанских финнов: старые и новые находки // *Élite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. – СПб. : Издательский дом «Бранко», 2017. С.71-89.

Березкин Ю.Е. Археология, этнография и политогенез // Ранние формы политических систем. СПб., 2012.

Вихляев В. И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 2000. 131 с.

Гаврилов А. П., Конанов В.Д. Археология Волго-окского региона В.Д. Новый могильник рязано-окских финнов. ИА РАН, ГИМ, 2020. С.60-68.

Гаврилов А. П. Длинно-клинковое оружие междуречья рек Пары и Тырницы Шиловского района Рязанской области. Мещера край. Альманах по истории и культуре мещерского края. Москва, 2016.

Гаврилов А.П. Древняя история среднего Поочья или в поисках Артании. Книга посвящена археологии и истории среднего поочья, поисков истоков русской государственности и идентичности. Москва, Рошаль, 2019.

Гаврилов А.П. Реконструкция вождского погребения культуры рязано-окских могильников VII века н.э. История это интересно. Москва 2020.

Гаврилов А.П. Материалы для Топонимического словаря. Рязанский топонимический словарь. Рязанский Этнографический вестник. 2004 год, с.413.

Городцов В.Л. Материалы для археологической карты долины и берегов Оки // Тр. ХПАС. Т. I. С. 643, 644.

Ефименко П.П. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии по археологическим источникам // СА, II. 1937. С.39-58.

Гаврилов А.Н. Работы в Шиловском, Путятинском и Чучковском районах Рязанской области. Археологические открытия 1983 года. Москва, 1985.

Гаврилов А.Н. Города и районы Рязанской области: Историко-краеведческие очерки / Сост. С.Д. Цуканова. — Рязань: Моск. рабочий, 1990.

Городцов В. А. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. Результаты археологической экскурсии, совершенной по поручению и на средства Императорского Московского археологического общества в 1895 году // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове 1902 г. Т. I. М., 1905. С. 515–672.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V-VI вв. В кн.: Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. С. 138-161.

Кренке Н.А., М.М. Казанский, Н.В. Лопатин, К.А. Ганичев, И.Н. Ершов, Е.Г. Ершова, Ф.Э. Модестов, В.А. Раева. Городища Демидовка и Вязовеньки на Смоленщине: об иерархии, хронологии и культурной атрибуции. Российская археология, № 1. 2021.

Кривцов В. А., Новикова И. М. Особенности строения и развития Окской поймы в пределах Рязанской области // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А.Есенина. № 4 (37). Рязань, 2012. С. 110.

Комар 2005 – Комар А.В. Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII в. // Сугдейский сборник. Вып. 2. Киев — Судак, 2005

Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Второе издание. М., 1955. т. 21, с. 165.

Маркелов М. Т., Толстов С. П. К истории терюханской народной культуры // Этнография. 1928. № 2. Кн. 6. С. 104–123.

Монгайт А. Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.

Монгайт. А. Л. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955 С.17.

Ошарина О.В. Образ св. Даниила во рву львином в византийском искусстве позднекомниновского времени // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб. 2006. С. 93-102.

Трусов А. В. Отчет о разведке в Клепиковском, Спасском, Шиловском районах Рязанской области и раскопках стоянок Совка I и Совка III (г. Клепики Рязанской области), а также о раскопках стоянки Альба I (Дмитровский район Московской области) в 1977 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6565. 1977.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 73. № 1415/18717. В/п. Список 1642 г. Публ.: АЮ. СПб., 1838. № 24. С. 59, 60 {в составе правой грамоты 1584 г.июля 25); РД. М., 2003. Вып. 9. С. 248, 249.

Розенфельдт И.Г. Северный мыс городища Старой Рязани. Археология рязанской земли АН СССР Москва 1974. С.93-115.

Ставицкий В.В. Абрамовский могильник: Погребение с чернолощёной керамикой. NovaInfo. Ru 2017. № 59. С.17.

Феоктистов, А. П. Русско-мордовский словарь. Из истории отечественной лексикографии : Наука, 1971

Фомин А.А. «Воинская культура носителей культуры Рязано-окских могильников, тезисы. Всерос. зональная конференция М.2000 г. С. 45.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ И СТАТУСНЫХ ПРЕДМЕТОВ ВОИНОВ РЯЗАНО–ОКЦЕВ

Смирнов С.Ю.,
краевед, г. Рязань

В период своего зарождения и дальнейшего существования представители культуры рязано-окских могильников всегда отличались крайне высокой милитаризованностью населения. Вероятно, данное обстоятельство можно обосновать укладом жизни окского населения периода 2-7 вв. нашей эры. Однозначно можно сказать, что рязано-окцы были высококвалифицированными воинами своего времени, чем, собственно, и пользовались. Основав в период 2-3 вв. государство в среднем течении Оки, при этом подчинив местное население, представителей городецкой культуры – коренного населения рассматриваемого района, пришельцы выбрали для себя одно из самых доходных и в тоже время опасных специализаций, ведение боевых действий и вероятно наемничество. Все мужское, а в ранний период существования и часть женского населения, посвящали свою жизнь битвам и походам, при этом остальные, не достойные их дела возложили на плечи своих подданных – недавно подчинённых представителей городецкой культуры.

Цель статьи выявить взаимосвязь между комплексом статусных предметов, указывающих на социальное положение и уровень боевого опыта воина рязано-окца и комплексом вооружения, который погребенный использовал при жизни.

Попробуем представить облик воина, смоделировав его на основе данных полученных при раскопках Никитинского могильника (село Никитинское, Спасский район Рязанской области) и Шатрищенского могильника (село Шатрищи, Спасский район Рязанской области).

Сначала рассмотрим материалы раскопок Никитинского могильника. Проведя анализ погребений пеших воинов (погребения №3, 6, 9, 18) и воинов-всадников (погребения №5,8,11,14,22) можно сделать определенные выводы относительно взаимосвязи инвентаря и статуса человека.

Итак, базовый набор вооружения воина состоял из следующих вещей: топор-кельт, железный двушипный дротик (втульчатый), железное копьё (втульчатое), нож. Вышеназванные предметы обнаружены во всех рассмотренных погребениях. Из статусных предметов в данных погребениях зафиксированы: бронзовые браслеты с раструбообразными концами (в некоторых несколько) и шейные гривны (дротовые и серповидные из бронзы или серебра) – обнаружены во всех погребениях. Показателем более высокого статуса воинов служат кожаные пояса с накладками из бронзы или серебра. Показателем высокого статуса воинов – всадников является наличие конской сбруи с накладками (из бронзы или серебра).

Наиболее ярким примером молодого воина может послужить погребение №3, так как в нем из вооружения представлены топор-кельт, двушипный дротик, копьё и нож. Из статусных предметов только бронзовый браслет и бронзовая дровая гривна. Пояс имел исключительно железные детали.

В противовес молодому воину, рассмотрим погребение №9 и №18, как пример вооружения более опытных и уважаемых ратников.

Оба погребенных помимо базового вооружения, так же имели мечи. Особо выделяется воин из погребения № 18, имевший кожаный ремень с бронзовой овальнорамчатой пряжкой с прямоугольной обоймой обложенный бронзовыми накладками. Пояс оканчивался пластинчатым наколочником обоймой. Что примечательно, в фрагментах пояса вместе с остатками шерсти были обнаружены частички меха. Данный момент может косвенно указывать на наличие более богатой, в отличии от других воинов, одежды.

А воина из погребения № 9, помимо наличия бронзовой серповидной гривны, выделяет наличие аж 5 бронзовых браслетов, что может указывать на какие либо ратные заслуги данного человека (количество походов ? количество поверженных врагов ?).

В отдельную более высокую касту можно выделить воинов – всадников.

Комплекс вооружения и снаряжения кавалеристов усложняется. Помимо базового вооружения (топора-кельта, копья и дротика) почти во всех погребениях фиксируются находки мечей, из статусных вещей наличие удила или сбруи. Так же внимание привлекает тот факт, что почти все воины всадники имеют серебряные крестообразные фибулы.

Для более детального анализа рассмотрим погребение низкостатусного и высокостатусного всадника на примере погребения № 11 и погребения №14 соответственно.

Вооружение всадника из погребения № 11 представлено топором-кельтом, дротиком, копьем, коротколезвийным мечом. Инвентарь для управления лошадью представлен железными удилами, без каких либо дополнительных украшений. Из статусных предметов обнаружен

только круглодротовый бронзовый браслет с расплюснутыми концами.

Вооружение всадника из погребения № 14 состояло из топора-кельта, копья, двушипного дротика и ножа.

Высокий статус данного воина подчеркнут наличием кожаной конской сбруи с медными круглыми бляшками, поясным набором с медными и серебряными накладками, серебряной дротовой гривной, медной крестообразной фибулой, двух круглодротовых бронзовых браслета с раструбными концами.

Но в то же время погребение №14 привлекает свое внимание отсутствием меча в вооружении всадника и наличием медной крестообразной фибулы, вместо серебряной, как у всадников из погребений №№5,8,11,22. На основании данного наблюдения можно предположить, что данный человек имел высокий социальный статус, но еще не имел достаточного воинского опыта и ратных заслуг.

Для сравнения рассмотрим материалы раскопок Шатрищенского могильника.

Аналогично проведем анализ погребений пеших воинов (погребения №81, №75) и воинов – всадников (погребения №50, №83, №91)

Сразу хочу обратить внимание на тот факт, что погребения Шатрищенского могильника более бедны в плане погребального инвентаря и во многих воинских погребениях отсутствовали статусные предметы.

Например, погребения №81 и №75 каких либо предметов статуса не имели, несмотря на наличие в данных могилах стандартного комплекса вооружения, в том числе у воина из погребения №81 имелся меч. По неясным причинам браслеты, гривны и фибулы отсутствовали.

В погребениях всадников, как более высокостатусных членов общества рязано-окцев, напротив, можно отметить все необходимые элементы.

В качестве примера рассмотрим погребения с более богатым инвентарем (№50 и №91) и погребение с меньшим количеством вещей (№83).

В погребении №50 вооружение воина составляли два ножа, причем один нож был обычный а второй более крупных размеров, по сути являлся коротколезвийным мечом. Также в погребении находился массивный топор-кельт и листообразный наконечник копья.

Из статусных предметов умерший имел проволочную гривну с замком в крючок и пояс украшенный накладными круглыми и продолговатыми бронзовыми бляшками. В углу могилы были помещены псалии, практически уничтоженные коррозией.

Рассмотрим комплекс вооружения и статусные предметы погребения №83. В погребении находился железный топор-кельт, наконечник дротика и ромбовидный наконечник копья и подвешенный к поясу железный нож в деревянных ножнах. Сделать предположение, что воин был всадником позволяет наличие железных удил. Каких либо статусных вещей не было, за исключением бронзовых сьюльгам и бронзовых элементов ремня (пряжки, кольца).

Поскольку рязано-окцы были крайне воинственным народом, то уровень боевого мастерства воина напрямую влиял на его социальный статус. Статус воина обозначался определенным комплексом вооружения и комплексом статусных вещей.

В свою очередь можно заявить, что комплекс вооружения являлся маркером положения в обществе, и воин низкого социального статуса не имел права владеть

определенными видами оружия, а комплекс статусных вещей не только указывал на общий социальный уровень человека, а так же мог указывать на его конкретные заслуги, например, количество боевых походов, поверженных врагов, воинскую должность и так далее.

Список литературы

1. Археология рязанской земли. 1975 год. Монгайт А.Л.
2. Никитинский могильник. Материалы охранных раскопок 1977-1978 гг. Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энгватова А.В.

Приложение 1.

Погребения Никитинского могильника.

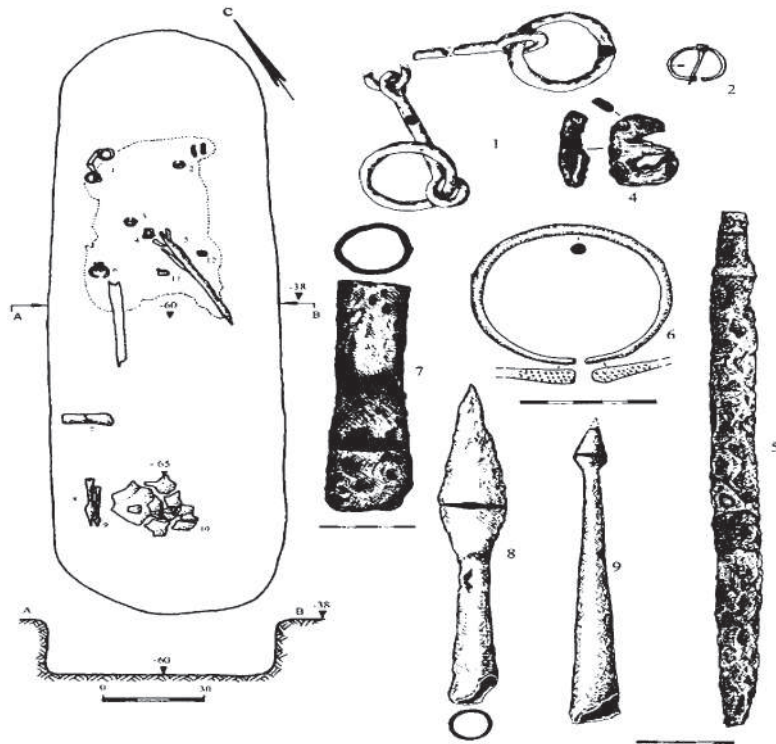

Рис. 18. Погребение 11. 1 – удила; 2,3 – склягмы; 4 – пряжка;
5 – меч; 6 – браслет; 7 – топор; 8 – наконечник копья;
9 – наконечник дротика; 10 – развал сосуда
(1, 4, 5, 7, 9 – железо; 2, 6 – бронза, 10 – глина)

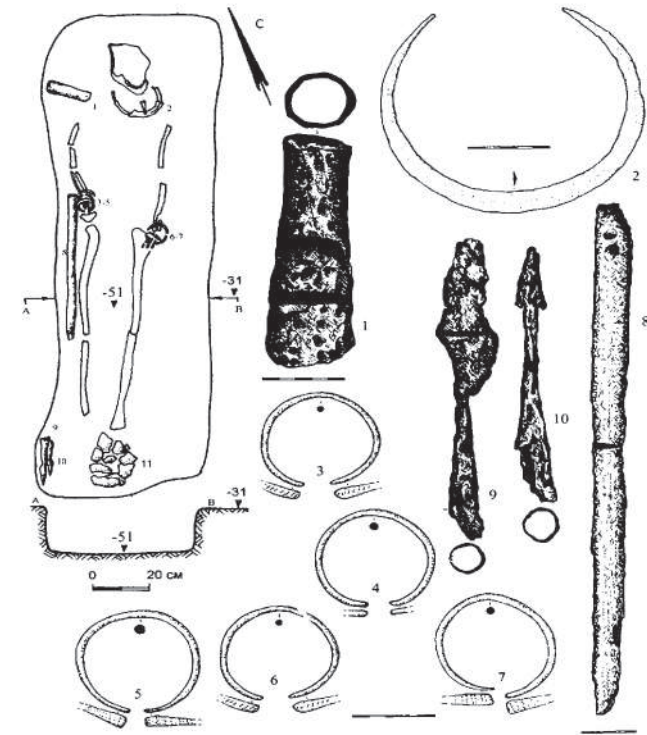

Рис. 16. Погребение 9. 1 – топор; 2 – гривна; 3-7 – браслеты;
8 – меч; 9 – наконечник копья;
10 – наконечник дротика; 11 – развал сосуда
(1, 8-10 – железо; 2, 3-7 – бронза; 12 – глина)

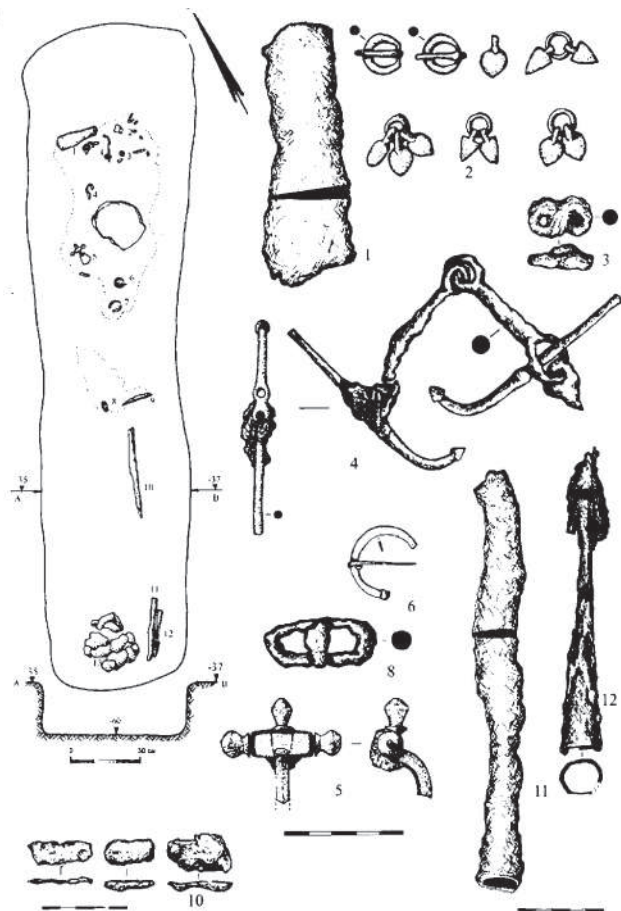

Рис. 15. Погребение 8. 1 – топор; 2 – фрагменты конской упряжи; 3, 8 – пряжки; 4 – удила; 5 – фибула; 6 – сюлгама; 7 – браслет; 9 – нож; 10 – фрагменты меча; 11 – наконечник копья; 12 – наконечник дротика (1, 3, 8-12 – железо; 6 – бронза; 2, 5 – серебро; 4 – железо и глина)

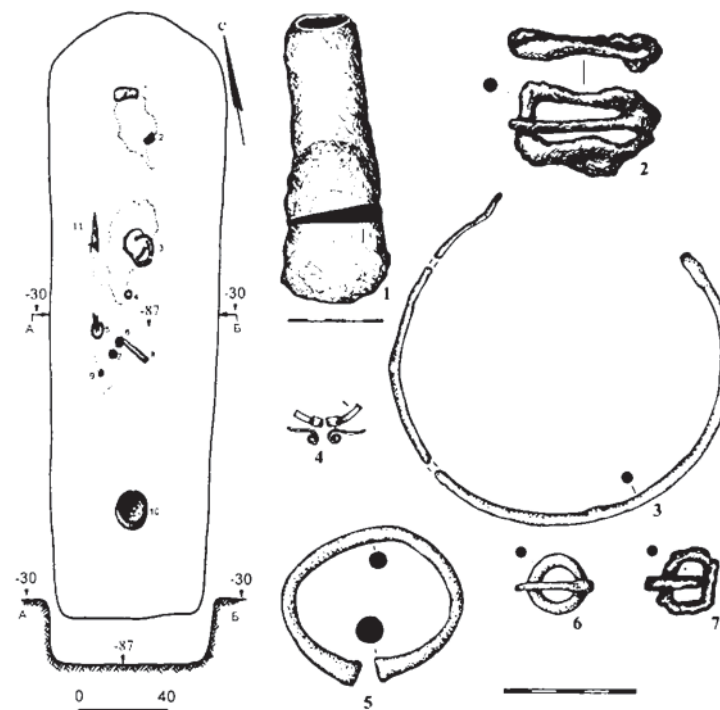

Рис. 6. Погребение 3. 1 – топор; 2 – пряжка; 3 – гривна; 4 – сюлгама; 5 – браслет; 6, 7 – пряжки; 8 – нож; 9 – спиральный перстень; 10 – развал сосуда; 11 – копье (1, 2, 7, 8, 11 – железо; 3-6 – бронза)

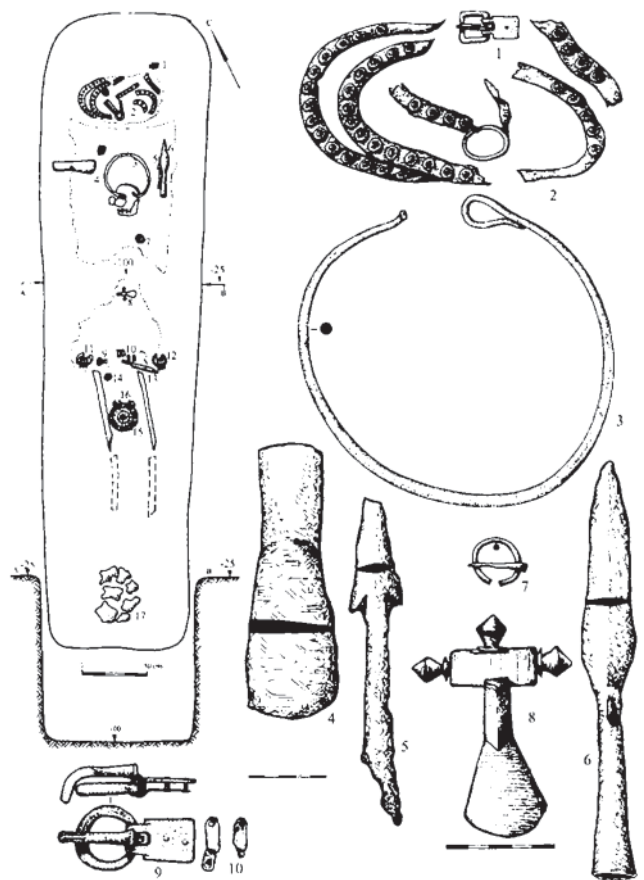

Рис. 20. Погребение 14. 1 – пряжка; 2 – узда; 3 – гривна;
 4 – топор; 5 – наконечник дротика; 6 – наконечник копья;
 7 – сюлгана; 8 – фибула; 9 – пряжка; 10 – поясные накладки;
 11, 12 – браслеты; 13 – нож; 14 – кольцо;
 15 – ажурная бляха; 16 – сюлганы; 17 – развал сосуда
 (1, 7, 14-16 – бронза; 2 – кожа, бронза;
 3, 8, 9, 10-12 – серебро; 4-6 – железо)

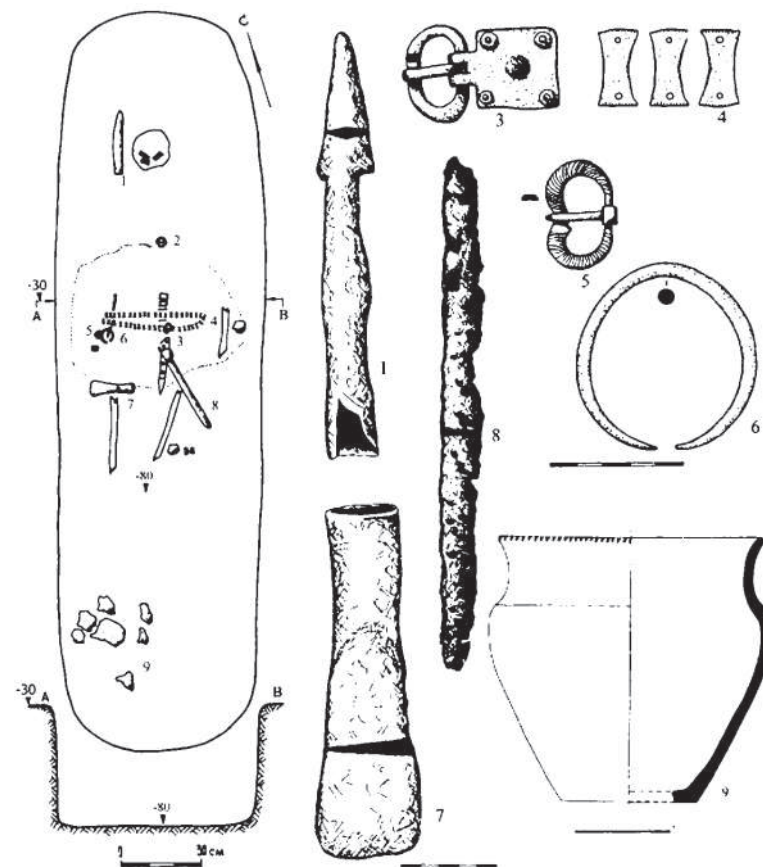

Рис. 25. Погребение 18. 1 – наконечник дротика; 2 – сюлгана;
 4 – ременные накладки; 3, 5 – пряжки; 6 – браслет;
 7 – топор; 8 – меч; 9 – развал сосуда
 (1, 7, 8 – железо; 2-5 – бронза; 9 – глина)

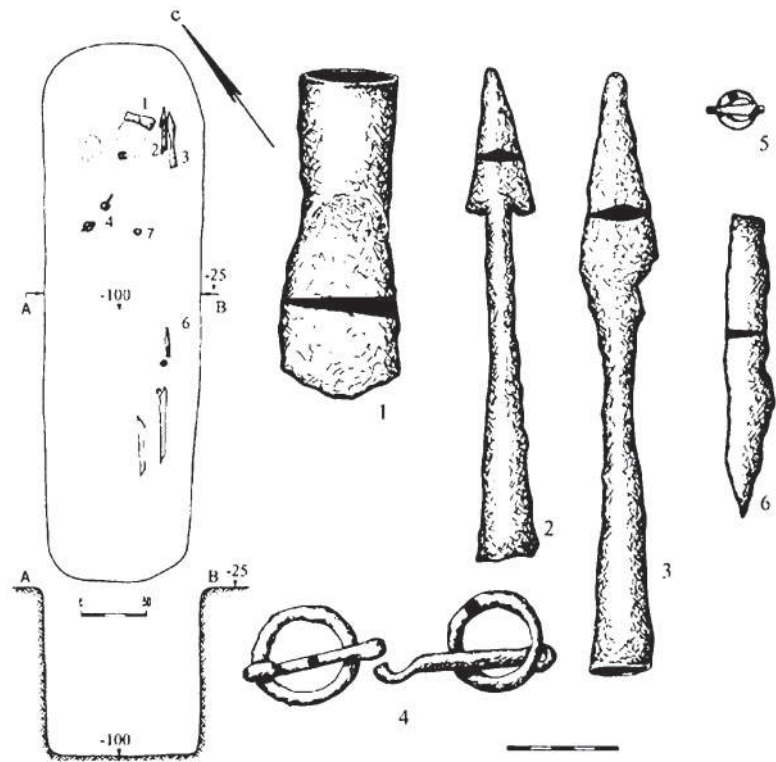

Рис. 30. Погребение 22. 1 – топор; 2 – наконечник дротика;
3 – наконечник копья; 4 – удила; 5 – пряжка; 6 – нож;
7 – стюгама (1-4, 6 – железо; 5, 7 – бронза)

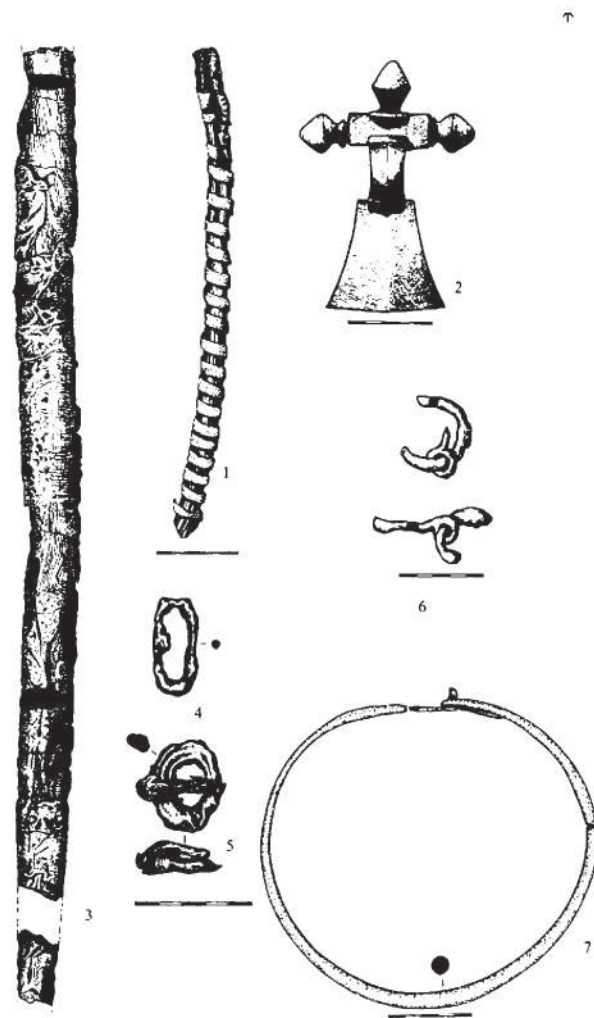

Рис. 10. Комплекс 56. 1 – плеть; 2 – фибула; 4, 5 – пряжки;
6 – удила; 7 – гривна; 8 – топор; 9 – браслет;
10 спиральные перстни (1 – дерево, бронза; 2 – серебро;
3-6, 8 – железо; 7 – серебро)

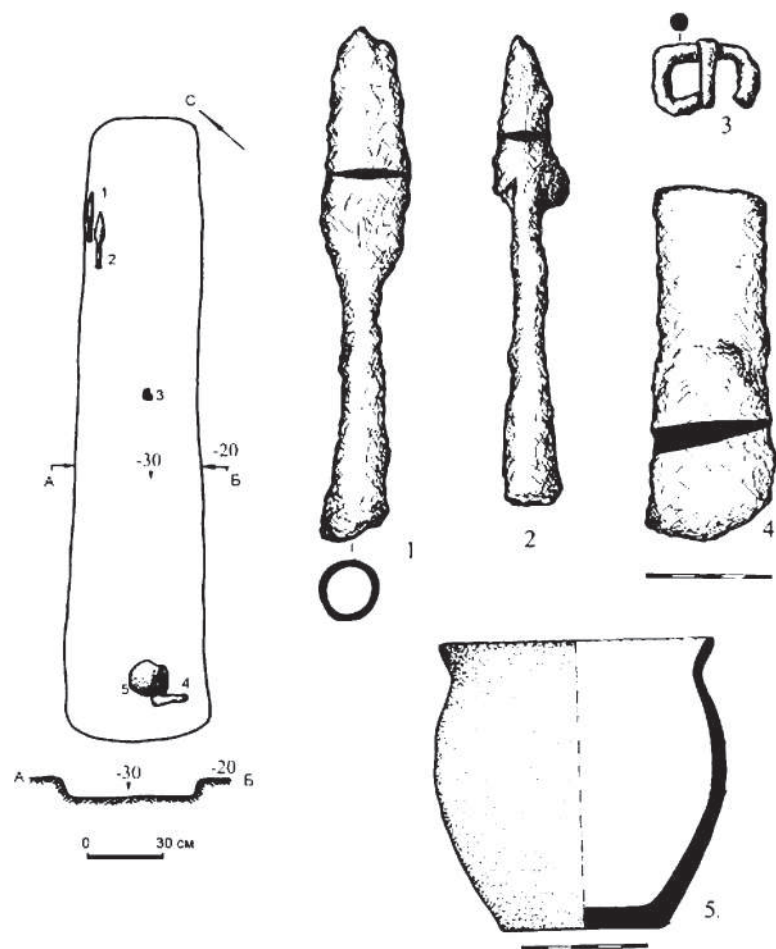

Рис. 11. Погребение 6. 1 – наконечник копья;
2 – наконечник дротика; 3 – пряжка; 4 – топор;
5 – сосуд (1-4 – железо; 5 – глина)

Приложение 2.
Погребения Шатрищенского могильника.

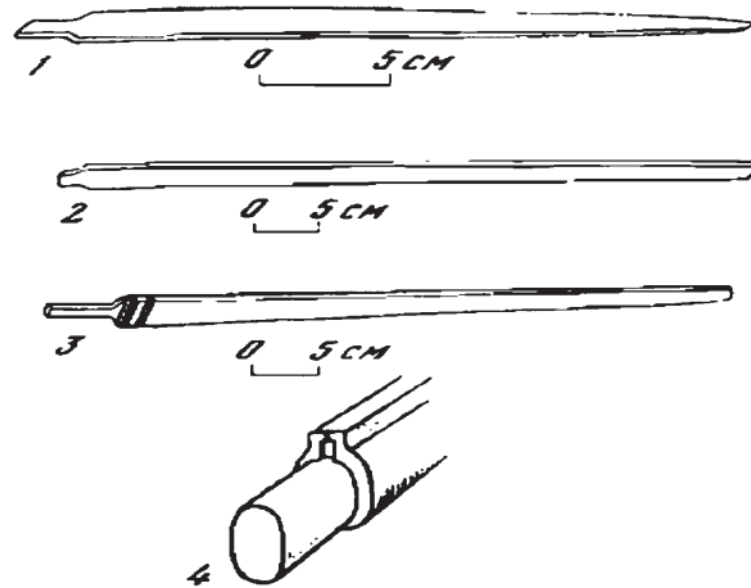

Рис. 19. Типы мечей.
1 – погребение 50; 2 – погребение 81; 3 – погребение 22;
4 – обкладка меча из погребения 22

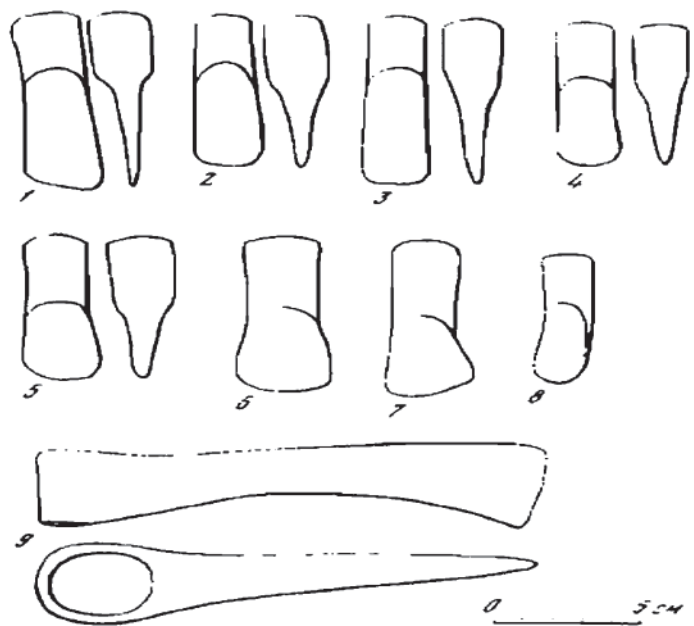

Рис. 20. Типы топоров

1 – погребение 61; 2 – погребение 86; 3 – погребение 91;
 4 – погребение 80; 5 – погребение 83; 6 – погребение 69;
 7 – погребение 75; 8 – погребение 81; 9 – погребение 66

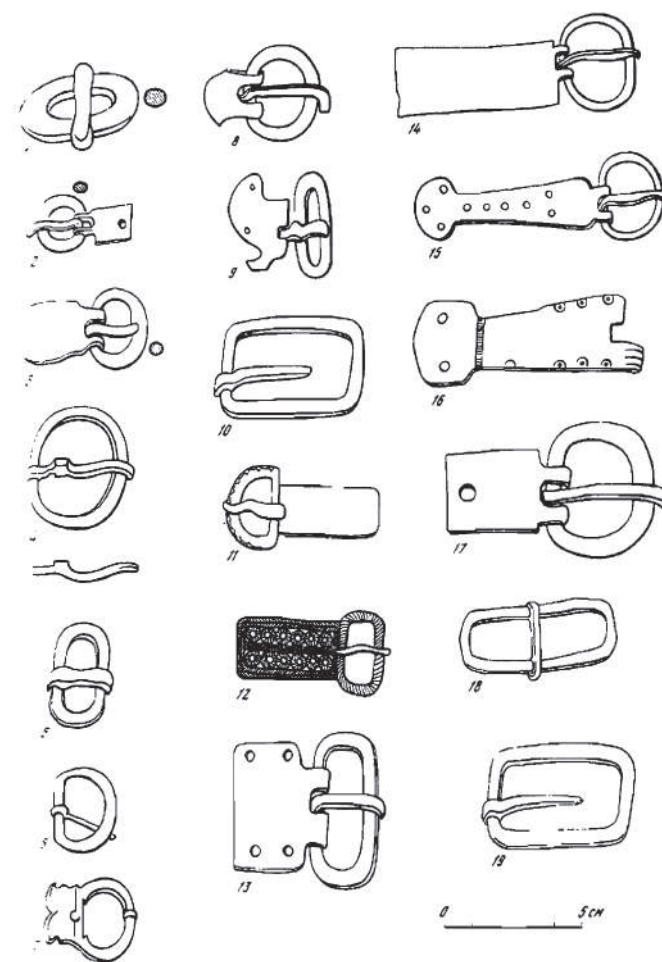
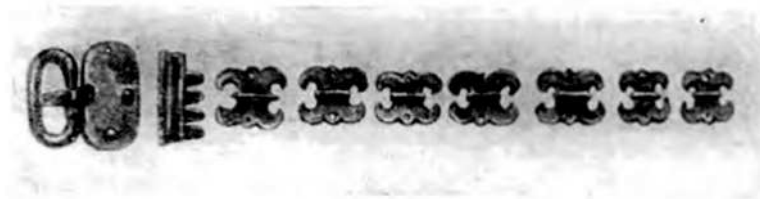

Рис. 20. Типы пряжек

1, 2 – погребение 131; 3 – погребение 103; 4 – погребение;
 5 – погребение 158; 6 – погребение 18;
 7 – погребение 78; 8 – погребение 83; 9 – погребение 20;
 10 – погребение 23; 11 – погребение 102;
 12 – погребение 82; 13 – погребение 91; 14 – погребение 100;
 15 – погребение 56; 16 – погребение 139;
 17 – погребение 74; 18 – погребение 29; 19 – погребение 23

Рис. 22. Пояс из погребения 69

*Рис. 23. Реконструкция поясов
1 – погребение 50; 23 – погребение 91*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ «ЛИКИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ»

Марина Захарьящева,
директор МБУ ДО Сапожковская ДШИ
Рязанская область

Выставка графических и живописных работ «Лики забытых предков» объединяет творческие работы художниц Рязанской области, в том числе преподавательниц ДШИ и учащихся ДШИ. Цель выставки – приблизить историю далекого первого тысячелетия к нашему времени, показать героическое прошлое глазами современного человека, глазами художника. В своих картинах мы раскрываем образы воительниц, Матушек, хранительниц очага и защитниц родины далекой эпохи рязано-окских могильников.

ПЛАСТИНЧАТОЕ УКРАШЕНИЕ КРУГА ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ВАРВАРСКИХ ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКА. ПОИСК АНАЛОГИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Дударев Виталий Андреевич

ГБУК г. Москвы «ОКЦ ЮВАО»,
Москва, Российская Федерация

В статье публикуется находка круга выемчатых эмалей с изображением всадника. Предмет происходит из ареала киевской культуры, датируется II – III вв. Приводятся аналогии предмету и изображению на нем, реконструируется утраченная часть композиции, рассмотрены точки зрения исследователей в вопросе происхождения подобных предметов и изображений.

Ключевые слова: антропоморфные изображения, киевская культура, мощинская культура, поздне римское время, миграции.

Поводом для написания статьи послужила находка фрагмента пластинчатого украшения с зооморфным орнаментом с территории Курской области. Предмет представляет фрагмент пластинчатой накладки высотой 5,5 см, шириной 4 см, толщиной 0,8 мм, прямоугольной формы, орнаментированной, со следами сквозного крепежного отверстия в центре (рис. 1). Патинирован, погнут, со следами перегибов и смятия, со свежим сломом от распрямления. В орнаменте обнаруживается силуэт

всадника на коне (рис. 2). Часть изображения утрачена. При поступлении на музейное хранение в Курский государственный областной музей археологии (КГОМА) предмету присвоен учетный номер ВХ-1240.

Орнаментация представлена двойной линией набитых мелким пуансоном точек (выполненных чеканкой канфарником), идущих параллельно краям пластины и обрамляющих расположенное на внутреннем поле изображение всадника на коне и крупные полусферические чеканные выпуклины. Передняя часть коня и голова всадника оказались на утраченной части предмета.

Интерес к находке обусловлен крайней редкостью известных на сегодняшний день изображений животных и людей, оставленных населением лесной и лесостепной полосы эпохи римских влияний. Предмет был найден и передан на музейное хранение в составе небольшого комплекса вещей круга восточно-европейских выемчатых эмалей.

Случайность находки связана с грабительским приборным поиском, губительной проблемой современности. Предметы были переданы на музейное хранение в КГОМА в 2022 году. О полном первоначальном составе комплекса остается только догадываться, а его контекст и место находки остаются неясны. С определенной степенью достоверности место находки определяется в Курской области.

Среди предметов комплекса пластина дисковидная с отверстием в центре, со штампованным рельефным орнаментом, диаметр 5,5 см, из сплава цветного металла, 1 шт. (рис. 3: 1) – инв. номер ВХ-1197; привески усеченно-конические (ворварки), из сплава цветного металла, 5 шт. – инв. номера ВХ-1198 – ВХ-1202; пластина монетовидная

с зигзагообразным орнаментом, нанесенным штихелем, из сплава цветного металла, 1 шт. – инв. номер ВХ-1203; пронизки пластинчатые круглого сечения, из сплава цветного металла, 9 шт. – инв. номера ВХ-1204 – ВХ-1212; пронизки пластинчатые круглого сечения с поперечной орнаментацией в виде параллельных линий, из сплава цветного металла, 4 шт. – инв. номера ВХ-1213 – ВХ-1216; пронизки пластинчатые круглого сечения с поперечной орнаментацией в виде поперечных линий и выпуклых точек, из сплава цветного металла, 8 шт. – инв. номера ВХ-1217 – ВХ-1224; пронизки пластинчатые круглого сечения со сложной орнаментацией, из сплава цветного металла, 2 шт. – инв. номера ВХ-1225 – ВХ-1226; пронизки спиралевидные из проволоки круглого сечения, из сплава цветного металла, 4 шт. – инв. номера ВХ-1227 – ВХ-1230; пронизки спиралевидные из проволоки треугольного сечения, из сплава цветного металла, 5 шт. – инв. номера ВХ-1231 – ВХ-1235; пластинчатого украшения с орнаментом в виде композиций из выпуклых точек фрагменты, из сплава цветного металла, 2 шт. – инв. номера ВХ-1236 – ВХ-1237; цепи из 3 пластинчатых звеньев фрагмент, из сплава цветного металла, – инв. номер ВХ-1238; украшения с красной эмалью фрагмент, из сплава цветного металла – инв. номер ВХ-1239.

Прямые аналогии конусовидным привескам, трубкам-пронизкам и проволочным спиралям из комплекса находим в составе Усукского (Брянского) клада круга выемчатых эмалей (Белоцерковская, 2018. С. 39-40, рис. 26-29).

На территории верхней Оки и Окско-Донского водораздела бронзовые пластины с изображениями, выполненными мелким пуансоном, в том числе антропоморфными, специалистами соотносятся с горизонтом 1-го

хронологического горизонта памятников мощинской культуры (серединой – 2-й половиной III в.) (Воронцов, 2013. С. 26).

Находки прямоугольных орнаментированных пластин с пуансонным орнаментом известны и на памятниках типа Ново-Клейменово – на городищах Городище, Никулино и Супруты. На пластине с гор. Супруты (рис. 4: 1) изображены два зеркальных, относительно центра композиции, коня (Воронцов, 2013. Рис. 5). На этих предметах присутствуют сквозные отверстия, сделанные пробойником, видимо, для крепления к кожаному основанию. Памятники типа Ново-Клейменово датируются II в. – 1-й половиной III в. (Воронцов, 2013. С. 60), но сами находки происходят из подъемных материалов и не имеют контекста. По этой причине нет возможности уверенно утверждать, что они соотносятся со слоем памятников типа Ново-Клейменово. Более того, предметов круга эмалей в слое этого типа памятников найдено не было.

Среди предметов этого типа есть пластины, уверенно определяемые в качестве ременных окончаний и обкладок поясов (Воронцов, 2010. С. 68. Рис. 2: 1-2).

Известны подобные предметы и в материалах позднедьяковской культуры. Они были рассмотрены Н.А. Кренке и отождествляются с «сарматским следом» (Кренке, 2011. С. 90). Горизонт верхнего слоя Дьякова городища в Москве, из которого происходит находка пластинки-накладки с орнаментом в виде тамги (рис. 4: 2) относится к среднему горизонту позднедьяковской культуры и датируется II – III вв. (Кренке и др., 2008. С. 102).

Традиционно позднедьяковские бронзовые пластины, накладки и наконечники поясов с антропоморфными изображениями и тамгами относят к ритуальной сфере

культуры (Розенфельдт, 1980: с. 267-271). Как отметил С.В. Воронятов, предполагается, что «в северные лесные края рассматриваемый антропоморфный мотив, так же, как и изображение сарматских тамг, мог попасть с носителями традиции, осознающих значение и смысл изображений», и получил развитие в местных культурах (Воронятов, 2012. С. 417).

Четкие и на редкость плавные линии изображения тела лошади не обнаруживаются на более схематичных изображениях в металлопластике с памятников позднедьяковских и мощинских (рис. 4: 1, 3). Тем не менее, наиболее близкой аналогией среди пластинок с чеканным орнаментом из опубликованных является пластинка с изображением всадника (рис. 4: 3), найденная в ходе раскопок на гор. Щепилово (Воронцов, 2013. С.26-27, рис. 7:6; 87:3). Комплекс находок с городища включает также лунницу круга выемчатых эмалей (Воронцов, 2013. Рис. 7: 1-5).

Близкую по технике нанесения изображения и оформлению композиции аналогией пластинке с Курской области можно обнаружить в металлической пластинке с тамгой (рис. 4: 4), которая происходит с гор. Серенск в Мещовском р-не Калужской обл. (Воронцова, 2003. С. 316, рис. 1, 9). Стилистическая близость предметов состоит как в двойной линии точек, составляющих рисунки окантовки пластинки и тамги в центре композиции, так и в наличии крупных чеканных полусферических выпуклин.

С Мощинского городища происходит привеска с тамгой, набитой пуансонным орнаментом (рис. 4: 5) из состава Мощинского клада предметов круга выемчатых эмалей.

Таким образом, в лесной зоне прослеживается связь предметов с антропоморфными и тамгообразными зна-

ками и предметов круга выемчатых эмалей (Воронцов, 2010. С. 68).

Изображение коня на пластине из Курской области стилистически находит аналогию в провинциально-римской фибуле II–III вв. (рис. 5: 1) из грабительских материалов с территории Украины (Черкасская обл.).

В массиве находок предметов круга эмалей из ареала киевской культуры известны два предмета металлопластики с изображением коня (рис. 5: 2-3), но ни один из них на момент публикации не попал в музей. С Белгородского района Белгородской области происходит фрагмент большой лунницы с конями (Радюш, 2020. Рис. 8: 2), где два коня были вписаны в симметричную композицию (рис. 5: 2). Из Обоянского района Курской области происходит большая лунница (рис. 5: 3) с красной эмалью с изображением всадника на коне и дисковидным предметом в руке (Радюш, 2020. Рис. 8: 1). Место находки было обследовано и выявлены материалы киевской и черняховской культур (Радюш, 2020. С.178).

По мнению автора настоящей статьи, иконография изображения коней на этих двух предметах наиболее близка рассматриваемому в нашей статье чеканному изображению на металлической пластине. Это позволяет реконструировать недостающую часть изображения с определенной долей вероятности (рис. 6: 1-2).

Большой интерес представляют два погребальных комплекса из курганно-грунтового могильника Залесный в Щекинском районе Тульской области. На могильнике было выявлено два грунтовых погребения по обряду кремации на стороне (Столяров, 2021. С. 182. Рис. 3). В комплексе, происходящем из грабительских раскопок на месте погребений более десятка пластин из медного сплава,

на которых чеканкой выполнены композиции с антропоморфными изображениями и орнаментом. На предметах прослеживаются определенные сюжеты, но ввиду схематичности изображений и скудных сведений о духовном мире носителей данной материальной культуры, разгадать их на сегодняшний день крайне сложно. Датировка грунтовых погребений по материалам определяется серединой III – началом IV в. (Столяров, 2021. С. 182), что делает интересные нас пластины с чеканными сюжетами наиболее поздними из известных на сегодняшний день.

Дисковидная пластина с центральным отверстием (рис. 3: 1), найденная вместе с пластиной с изображением всадника, рассматриваемой в статье, позволяет связать предметы комплекса с периодом раннего этапа развития киевской культуры (наиболее вероятная датировка – конец II – нач. III вв.), морфологически восходя к зарубинецким древностям (Воротинская, 2017. С. 39, рис. 1). Близкая по аналогии пластина входила в состав предметов Мощинского клада круга эмалей из Калужской области (Булычов, 1900. Стр. 18; табл. XI:7). Мощинский клад датируется в рамках III в. и с наибольшей вероятностью может быть отнесен к его середине (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 123. Воронцов, 2010. С. 68).

При рассмотрении пластин с антропоморфными изображениями и тамгообразными знаками с пуансонным орнаментом мы знакомимся с двумя точками зрения исследователей в вопросе их происхождения среди находок лесной зоны. Н.А. Кренке и А.М. Воронцов, видят в предметах с сарматскими тамгами и антропоморфными изображениями на памятниках позднедьяковской и мощинской культур влияние сарматского культурного импульса с Верхнедонского региона. С.В. Воронятов связывает про-

исхождение данного явления с сарматскими материалами Поднепровья и материалами постзарубинецких памятников Подесенья, предлагая Днепро-Деснинский путь проникновения элементов среднесарматской культуры в Почье и Москворечье, не отрицая возможности сосуществования двух путей – Верхнедонского и Днепро-Деснинского.

Сам факт появления сарматских тамг и антропоморфных изображений на территорию культур лесной зоны связывается авторами с гипотезой матримониальных связей и возможной даннической зависимости представителей культур оседлых племен от кочевого населения. Также авторами была озвучена идея о том, что в обществе позднедьяковской культуры сарматские женщины могли повлиять на формирование новых религиозных представлений и различные особенности позднедьяковского культового комплекса.

При рассмотрении гендерной принадлежности предметов из рассмотренного комплекса находок следует вспомнить заключение в аналогичном вопросе С.В. Воронятова, который отметил, что все немногие известные случаи находок подобных пластин могут относиться к деталям женского костюма, а в мужском контексте находок они неизвестны (Воронятов, 2012. С. 427).

Автор выражает искреннюю благодарность археологам О.А. Радюшу, С.В. Воронятову и Е.В. Столярову за помощь в подборке материалов для данной работы, а А.М. Воронцову отдельная благодарность за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами с могильника Залесный и разрешение на их использование в статье.

Список литературы

Белоцерковская И.В. Украшения из металла. // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). / Отв. ред. А.М. Обломский. – М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. – С. 14-50. – (Серия «Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей»; Вып. 18).

Булычов Н.И. Курганы и городища. Археологические исследования на водоразделе Волги и Днепра (Boulitchov N. Kourgan set gorodietz. Recherches archeologiques sur la ligne de partage des eaux de la Volga et de Dnieper.). – М.: типогр. Ф.Ф. Эбе, 1900.– 46 с.

Воронцов А. М. Тамги на предметах мощинской культуры. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 2. Ч. – Тула: ГМЗ Куликово поле, 2010. С. 68-74.

Воронцов А. М. Культурно-хронологические горизонты памятников II-V веков на территории Окско-Донского водораздела. – Тула: ГМЗ Куликово поле, 2013. – 173 с.

Воронятов С.В. О проблеме появления сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалах позднедьяковской и мощинской культур. // Российский археологический ежегодник. – № 2. – СПб.: 2012. С. 412-432.

Воронцова М. А. Украшения с точечным орнаментом с памятников первой половины I тыс. н. э. на территории Тульской области // Наумов А. Н. (ред.). Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. – Тула: Власта, 2003. С. 311-318.

Воротинская Л.С., Дробушевский А.И. Новые исследования на могильнике зарубинецкой культуры около деревни Горошков в Гомельской области. // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства. – СПб.: «Скифия-принт», 2017. С. 38-39.

Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. – Ленинград: Наука, 1978. – 125 с.

Кренке Н. А., Румянцева О. С. Стекланные бусы Дьякова городища. // Российская археология, №2, –М.: ИА РАН, 2008. С.95-106.

Кренке Н.А. «Сарматский след» в Подмосковье и особенности позднедьяковского культового комплекса. // Кренке Н.А. Дьякова городище: культура населения бассейна Москва-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. –М.: ИА РАН, 2011. С. 89-93.

Радюш О.А. Распространение вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей в верхнем течении Днепра и Северского Донца на территории Курской и Белгородской областей России (материалы к каталогу). // Германия – Сарматия. – Вып. III. – М.: ИА РАН, 2020. С. 154-184.

Розенфельдт И. Г. Детали ритуальных поясов с позднедьяковских городищ. // Советская археология. Часть 1. – Москва: 1980. С. 267 – 271.

Столяров Е.В., Воронцов А.М., Колоколов А.М., Простяков И.С. Археологическая разведка в городе Тула (бассейн среднего течения реки Упа). // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020. – Липецк, Воронеж: «Новый взгляд», 2021. С. 179-182.

Список сокращений

Гор. – городище,
ИА РАН – Институт Археологии Российской Академии Наук,
КГОМА – Курский государственный областной музей археологии,
Погр. – погребение,
Р-н – район.

Рис. 1. Фрагмент пластинчатой накладки с изображением всадника на коне.
Курская область. II – III вв. н.э.

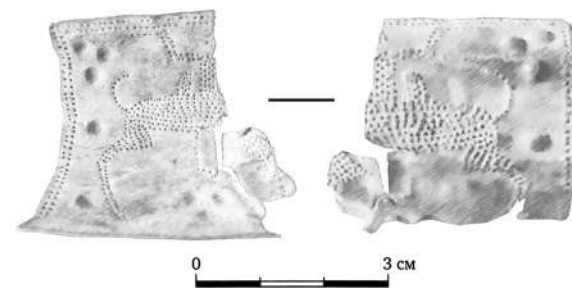

Рис. 2. Фрагмент пластинчатой накладки с изображением всадника на коне, прорисовка.
Курская область. II – III вв. н.э.

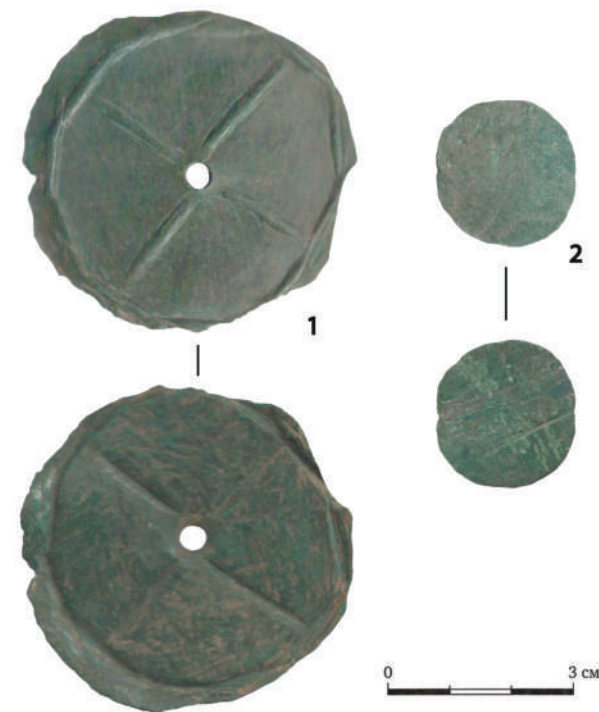

Рис. 3. Дисквидная пластина с центральным отверстием (1) и пластина монетовидная с зигзагообразным орнаментом (2) из комплекса.
Курская область. II – III вв. н.э.

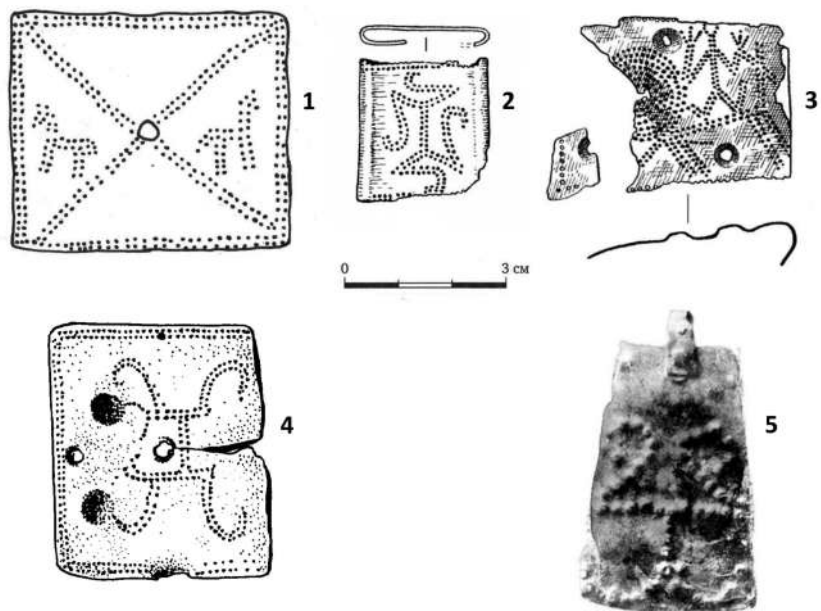

Рис. 4. Пластины с пуансонным орнаментом из ареалов мощинской и позднедьяковской культур:

- 1 – гор. Супруты (по Воронцову, 2013),
- 2 – гор. Дьяково (по Кренке, 2011),
- 3 – гор. Щепилово (по Воронцовой),
- 4 – гор. Серенск (по Воронцовой, 2003),
- 5 – Мощинский клад (по фототипии Булычова, 1900)

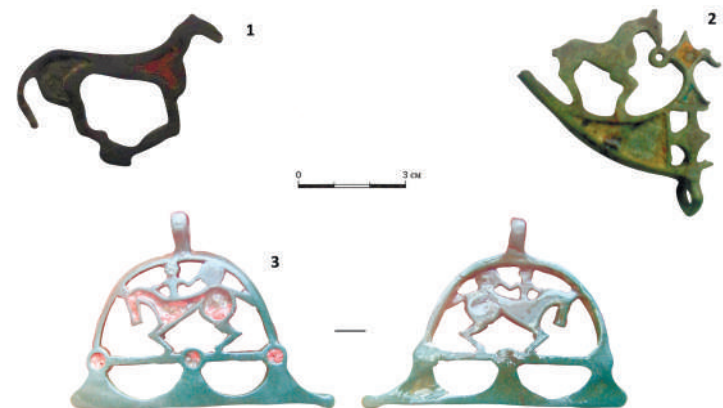

Рис. 5. 1 – провинциально-римская фибула II–III вв., Черкасская обл. Украины (публикуется впервые); 2 – большая лунница из Обоянского р-на Курской обл. с изображением всадника на коне и дисковидным предметом в руке; 3 – фрагмент лунницы с зооморфной фигурой из Белгородского р-на Белгородской обл.

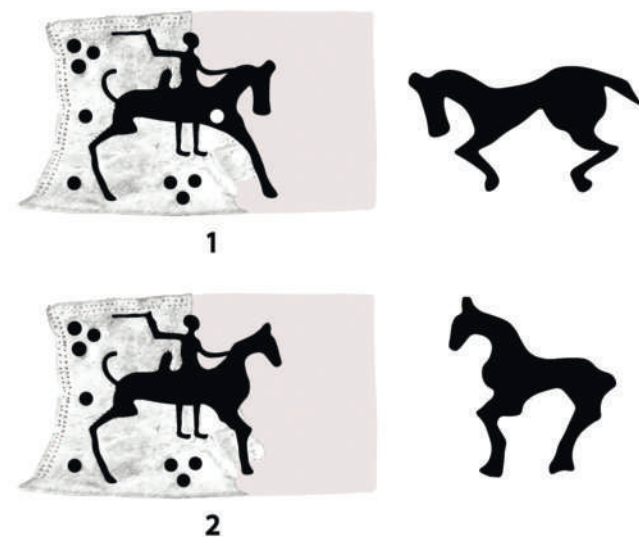

Рис. 6. Реконструкция с изображением всадника на коне с фрагмента пластинчатой накладки из Курской области

Кудряшова С.С.
(автор-составитель)

**«Пять лет деятельности
Рязано-окского исторического сообщества.
Результаты и итоги
научно-просветительской деятельности»**

*Сборник материалов межрегиональной
научно-практической конференции*

Фото *О. Никитина*
Корректор *Н.И. Столярова*

Подписано к печати 17.02.2023

Издание подготовлено и отпечатано
в отделе реализации медиа-проектов
ГБУК «Рязанский областной научно-методический
центр народного творчества»

390000, г. Рязань, ул. Урицкого, д. 72.
Тел. (4912) 25-64-76, 25-27-54.
E-mail: cnt@post.rzn.ru